ISSN 2073-5618

Переводчик

Translator

Выпуск 26
2026

ISSN 2073-5618

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Забайкальский государственный университет
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

П Е Р Е В О Д Ч И К

Литературно-художественный журнал

Выпуск 26

Чита
ЗабГУ
2026

УДК 81’25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Литературно-художественный журнал «Переводчик»
Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Главный редактор
О. В. Стельмак, канд. филол. наук, доцент,
председатель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Редакционный совет
Т. В. Воронченко д-р филол. наук, профессор,
директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ
М. В. Константинов д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ
И. А. Романов канд. филол. наук, доцент кафедры литературы ЗабГУ

Редакционная коллегия
И. А. Боброва, И. Н. Костина,
А. Н. Булдыгерова, Л. В. Эмирзиади, Е. О. Филинкова

П 27 **Переводчик :** литературно-художественный журнал / Забайкальский государственный университет ; главный редактор О. В. Стельмак. – Чита : ЗабГУ, 2026. – Вып. 26. – 249 с. – (ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы на русский язык. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет молодых исследователей. Раздел «В копилку переводчика» предназначен переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован историкам и краеведам Забайкалья. Раздел «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) посвящён славным страницам российской истории, связанной с пребыванием декабристов в Забайкалье. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Конкурсы, конкурсы!», «Уголок поэтов» и др.

Издание предназначено для филологов, лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения.

УДК 81.25
ББК 81.18
ББК Ш18

© Забайкальский государственный университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

Поздравление юбиляру Элеоноре Леонидовне Панкратовой…… 5

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Стихи средневековых поэтов Дубровника. Перевод с сербско-хорватского языка Ольги Панькиной…… 6

Михаил Иванов. Поэмы «Кружат перелётные лебеди» и «Сэргэ». Перевод с якутского Юрия Щербакова…….. 13

Роджер Желязны. Поэтический цикл в стиле священных песен навахо из романа «Глаз кота». Предисловие и перевод с английского Дмитрия Попова…….. 29

Из английской поэзии. Перевод с английского Евгении Славороссовой…… 43

Антеро де Кентал. Лирика. Предисловие и перевод с португальского Ирины Фещенко…… …….. 48

Современная исландская поэзия. Ингунн Снайдаль. Тоурдис Гисладоттир. Перевод с исландского Ольги Маркеловой…… 59

Проза

Кнут Гамсун. Рассказы «На каменном острове» и «Александр и Леонарда». Предисловие и перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой…… 66

Изабелла Крейг Нокс. Рассказ «Пропавшая серебряная монета». Главы I– II. Перевод с английского Ольги Стельмак…….. 88

Оулав Хёйк Симонарсон. Рассказ «От души». Перевод с исландского Ольги Маркеловой…… 103

Герберт Д. Уэллс. Рассказ «Дверь в стене (Колдовской сад)». Перевод с английского Екатерины Коржовой…… 107

Традиционная китайская пьеса. «Женщины-генералы». Предисловие и перевод с китайского Николая Воропаева и Ма Тянь Юй……. 125

В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Данил Осипов. Художественная природа приёма сицзы (析字): К вопросу о стилистических трудностях перевода с китайского языка…… 147

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

Дмитрий Попов. К проблеме прочтения и перевода «Брахма-сутры». Вступительная статья и перевод Дмитрия Попова……. 154

Анна Булдыгерова. К вопросу о стилистической выразительности китайских иероглифов…… 172

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

Лануа де Фердинанд. Нерчинские прииски или почём кг золота? Из книги «Сибирь глазами недавних путешественников». Перевод с французского Николая Епишкина……. 179

Виктор Балабанов. На заре туманной юности. Из книги «Строкой и памятью отмечено…». Перевод на английский Нины Марковой……. 182

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Ирэн Фрэн. Роман «Я последую за тобой в Сибирь». Глава IX. Двадцать лет спустя. Вступительная статья и перевод с французского Людмилы Эмирзиади……. 185

УГОЛОК ПОЭТОВ

Николай Переяслов. Лирика…… 201

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!

III Открытый международный поэтический конкурс памяти основателя Союза переводчиков России Л. О. Гуревича…… 209

XXXI Межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2026 года…….. 229

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статистика……..... 243

Сведения об авторах…….. 244

ИНФОРМАЦИЯ

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

Общероссийская общественная организация «СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)

Россия, 111124, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31, офис 507
тел./факс +7 (495) 925-03-77 эл. почта org@rutrans.org

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России, редакция литературно-художественного журнала «Переводчик» поздравляют Элеонору Леонидовну Панкратову (Нору Лаури) со славным 80-летним юбилеем! Замечательный московский переводчик с норвежского языка, литературовед, Элеонора Леонидовна является одним из самых постоянных, преданных и любимых авторов нашего издания.

Желаем Элеоноре Леонидовне крепкого здоровья, творческой энергии и неисчерпаемого вдохновения! Пусть Ваш творческий путь продолжается, наполняя страницы нашего издания новыми переводами и глубокими мыслями.

С уважением и признательностью Ольга Стельмак,
председатель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России
Редколлегия журнала

Поэзия

СТИХИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОЭТОВ ДУБРОВНИКА

От переводчика. Предлагаю вниманию читателей переводы стихотворений нескольких средневековых поэтов Дубровника. Географическая и духовная близость Италии наложила свой особый отпечаток на литературу Дубровницкой республики, развивавшуюся вполне в русле итальянского Rinascimento, но в то же время сохранявшую свой региональный колорит и верность фольклорным традициям.

Дубровчане не считали себя ни сербами, ни хорватами, и язык, на котором написаны стихи, довольно сильно отличается как от сербского, так и от хорватского вариантов и несёт в себе черты, свойственные как одному, так и другому.

МАВРО ВЕТРАНОВИЧ (1482 – 1576)

ОТШЕЛЬНИК ПОНЕВОЛЕ

Стойте, звери, птицы, рыбы,
все творения господни,
я хочу, чтоб вы смогли бы
выслушать меня сегодня.

Вслушаться в мои рыданья,
в песнь, исполненную горя,
песнь болезни и страданья
здесь, на острове средь моря.

О, Нептун, прошу с тоскою:
не пугай меня жестоко,
не ярись волной морскою,
ввысь не дыбь воды потока.

И ещё к тебе взываю
и молю тебя смиренно:
пусть из бездны выплывают
океанские сирены,

пусть услышат въявь моленья,
стоны, всхлипы, охи, ахи
и узрят мои томленья
в одиночестве и страхе.

Арион, певец, с которым
некому сравниться в мире,
на своём дельфине скором
приплывай бряцать на лире.

Чтобы громко зазвучали
и уже не стихли боле
песни, полные печали,
полные тоски и боли.

Если есть любовь на свете,
я Эола вместе с нею
заклинаю: пусть он ветер
ниспошлёт, что всех сильнее,

и ему накажет споро
облететь поля и балки,
рощи, долы, косогоры,
реки, где живут русалки,

чтобы ветер дал мне силы
над бушующей пучиной
в песнях о судьбе постылой
изливать тоску с кручиной.

Дабы далеко был слышен
голос страсти безрассудной,
страхом бедственным возвышен
над пустынею безлюдной,

где один я славлю Бога,
бесконечность озирая,

плачу от судьбы убогой,
поминутно умирая.

ДЖИВО ГУНДУЛИЧ (1559 – 1638)

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Что ты, человек, кичишься,
что тщеславишься надменно?
Даже если воскрылишься,
после рухнешь непременно!

Мы ненужные обломки
поломавшейся машины,
молнии, ярки и громки,
бьют сначала в гор вершины.

И без помощи небесной
незавидны судьбы мира,
станет статуей безвестной
изваяние кумира.

Колесо фортуны вечно
кружит, отдыха не зная,
то вдруг вознося беспечно,
то вдруг слепо низвергая.

То поможет меч короне,
то сразит её в гордыне,
бывший раб воссел на троне,
царь же стал рабом отныне.

К счастью вдруг приводят беды,
царства восстают из праха,
тот, кто ведал лишь победы,
тоже знает чувство страха.

От превратностей судьбины
нет ни для кого защиты,
и грядущие годины
даже от царя сокрыты.

КРАСОТА

Красота есть божья милость,
дар благой и славный сразу,
в ней всё то соединилось,
что любезно, мило глазу.

Блеск небесного светила
и эдемских кущ сиянье –
всё она в себе вместила,
блага и добра слиянье.

Красота дарует негу,
ей врата нам в рай открыты,
где чело подобно снегу,
солнцу – взор, заре – ланиты.

Страсти с радостью сплетенье,
соразмерность совершенства,
в ней – сердечное стремленье
к провозвестию блаженства.

Тем, кто сладкий мёд вкушает,
не горька и чемерица,
их одна краса прельщает,
лишь покой желанным мнится.

МОЛОДЁЖИ

Где когда-то шли герои
по пустыне раскалённой,
там лежат руины Трои,
греческим огнём спалённой.

Троя славная, что ране
на востоке всём царила,
уступив на поле брани,
только имя сохранила.

Цитадель, дворец, жилища –
всё сгорело во мгновенье.

Даже место пепелища
время предало забвенью.

И где стены Илиона
высились в долине белой,
Симоент лишь плещет сонно,
от пожара обмелелый.

Половину вод потока
оставляют себе горы
в память о войне жестокой
и огне, объявшем город.

Юноша! Когда, пылая,
ты пойдёшь дорогой длинной,
помни, как судьбина злая
Трою сделала руиной.

Молодёжь, что так беспечно
и бездумно в путь выходит,
знать должна, к чему конечно
легкомыслие приводит.

НАРОД

Народ – слепец, не в силах он
понять, где свет, где тьма,
и отличить от яви сон
не для его ума;

что благо, что во вред ему –
народ не знает сам,
он туп, ленив и потому
так склонен к мятежам;

то войн, то мира ждёт народ,
никто ему не мил,
и завтра он того распнёт,
кого вчера любил.

ЙОВАН ДОШЕНОВИЧ (1781 – 1813)

ДУБРОВНИКУ НА ПРОЩАНИЕ ПОСЛЕ КРАТКОГО В НЁМ ПРЕБЫВАНИЯ

Царствуй, царствуй, о Дубровник, город достославный,
возвышайся, город древний, по-над синим морем.
Я с тобой прощаюсь ныне, пусть же на просторе
для тебя русалки хором гимн споют заздравный.

Расстаюсь с тобой сегодня я в тоске безмерной,
но летать к тебе в мечтах я буду, если даже
не видать мне больше башен, что стоят на страже
добродетели и чести, отгоняя скверну.

Видеть я Дубровник буду сердца скрытым зреньем,
вспоминать не перестану город несравненный,
и всегда к нему стремиться стану с нетерпеньем.

Что ж, прощай, свобод народных столп, оплот священный,
ставший муз, наук, ремёсел сосредоточеньем,
дай Господь тебе удачи, град благословенный!

КЕДР

О высокий, благородный
кедр зелёный! Я тебя,
красоту твою любя,
посадил у глади водной.

Отчего, скажи, так скоро
крона вытянулась ввысь,
ветви густо разрослись,
и поют там птицы хором?

Не видать уже давно
имени, что я беспечно,
чтоб его хранил ты вечно,
вырезал. И где оно?

СТЕФАН ЗАНОВИЧ (1751 – 1786)

ПРЕСВЕТЛОЙ ДУБРОВНИЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 1770 ГОДА

О, ты, град у моря, град гордый, седой,
Дубровника имя издревле носящий,
Увенчанный славой, хранимый судьбой,
Богатства без счёта от века хранящий.

И что пред тобой Илион с Карфагеном?
Песок и трава. И другие, смотри,
Тесны, холодны в себялюбье надменном,
Убоги снаружи и пусты внутри.

Там вечные войны, с бряцанием стали
Злосчастье несущие в ближние страны
На земли, что кровью людской напитали.

А ты же, отринув оружья законы,
В покойном углу свои пользуешь раны,
Других городов молча слушая стоны.

О ЛЮБОВЬ

Любовь, о, как часто я в уединенье
Скрывался, чтоб в милых мечтаньях забыться,
Чтоб душу утешить, изгнать огорченья,
Чтоб духом воспрянуть и с вечностью слиться.

Куда ни направлюсь я – к морю ли, в горы,
Подальше от города, полного люду, –
Везде твои мнятся прекрасные взоры,
Лучистые очи мне видятся всюду.

Почудится вдруг, что ты близко, ты рядом,
И сразу перо из руки выпадает.
Давно я отравлен опаснейшим ядом,

Который приносит одно лишь страданье.
Любовь безответная в сердце пылает.
Скажи, госпожа, есть ли хуже терзанье?

Перевод с сербско-хорватского Ольги Панькиной

МИХАИЛ ИВАНОВ (род. в 1947 году)

От переводчика. Михаил Егорович Иванов родился в 1947 году в селе Туой-Хая Сунтарского района Республики Саха (Якутия). По образованию филолог и юрист. Работал судьёй Верховного Суда Республики Саха (Якутия). Якутский поэт, автор восьми книг стихотворений на якутском языке и сборника «Детства босоногого дожди» в переводе на русский Юрия Щербакова. Член Союза писателей Республики Саха (Якутия). Живёт в Якутске.

КРУЖАТ ПЕРЕЛЁТНЫЕ ЛЕБЕДИ

Поэма

1.

КОСТЁР НА БЕРЕГУ

Звезда в тумане – то огонь костра.
Его хозяин, что ты так печален?
Старик, зачем до самого утра
Глядишь опять в невидимые дали?

Зачем ты снова память ворошишь,
Как эти угли у костра ночного?
Не горький дым, а боль твоей души
Слезами на щеках осесть готова...

Ответил он, что сорок лет назад
Расстался навсегда с родной землёю.
В иной земле года его летят,
Но оставаться, видно, ей чужою

Навеки…
– Вот сижу на берегу,
Судьбы перебираю неудачи.
Как горько сознавать, что не смогу
Я ничего уже переиначить...

Но утишает пламя боль мою,
И плеск воды мою тоску врачует.

Мне кажется, я вновь в родном краю,
В который наяву не прилечу я…

Ты спросишь почему? Неужто путь
На родину сейчас не одолею,
Чтоб силы предков сердцем зачерпнуть?
Ползком бы я отправился за нею!

Да некуда ползти…
– Но как же так?
Почтенный старец, не пойму я что-то:
Да разве трудно сделать нужный шаг,
Коль ты готов к заветному полёту?

Он долго не решался на ответ,
Наверно, были для того причины.
Подчёркивал костра неверный свет
Печали многолетние морщины.

Он трубку закурил, и горький дым –
Была со всхлипом сказанная фраза.
Ещё бы – ведь история беды
Легла в основу этого рассказа...

2.

НОСТАЛЬГИЯ

У каждого быть родина должна.
И хоть её зовут небрежно «малой»,
Трёх Духов дарит каждому она,
Которые души любой начало.

Они как пуповина, что всегда
Людей соединяет с местом силы,
Незримые, они через года
Хранят нас от рожденья до могилы.

Всех! Даже тех, кому оплот
Земли родимой отчего-то тесен, –
Их родовая память бережёт
Великой силой языка и песен!

И для меня земля родная тут! –
Груди коснулся он, – навек со мною!
Три Духа и сейчас во мне живут!
А я живу надеждою одною,

Что не сотрётся родина моя
Из памяти грядущих поколений.
Пускай они живут в иных краях,
Но да пребудут с ними предков тени!

А если я забуду о былом,
То кто им будет на земле гордиться?
Как часто снится мне родимый дом
И пращуров моих глаза и лица…

Урочищами предков я иду,
Духу Огня готовлю подношенье,
Чтобы узнать: на радость иль беду
На родину такое возвращенье.

Во сне туманы рассекаю я.
В полёте землю озираю сверху
И обретаю чудо: у ручья
Я вижу танец заповедный стерхов!

Туой Хая… Отсюда целый мир
Увидел я когда-то несмышлёным,
Мир, населённый добрыми людьми, –
Иные не селились у Чуоны!

3.

ТУОЙ-ХАЯ

Гора судьбы. У ней иная стать,
Чем у великих горных исполинов,
Что облаками могут утирать
Свои непобедимые вершины.

Туой-Хая в сравненье с ними как
Речная галька рядышком с палаткой!

Но для меня она так велика,
Что сердце наполняет без остатка.

О, эта трёхголовая гора –
Реки Чуоны верная защита!
Несчётно в наступлении ветра
Здесь не жалели звонкие копыта.

Ворча, они смирялись до поры
И, раны зализав, бросались снова
На приступ удивительной горы,
Каменья в порошок стереть готовы.

А в помощь им морозы и дожди
Вели свои могучие дружины
И бились, оставляя на груди
Туой-Хаи глубокие морщины.

Я гладил эти шрамы много раз,
Где тропы предков пролегли по склонам.
Они коврами радовали нас:
Зимою – белым, а весной – зелёным.

Но был ещё один заветный цвет,
Им солнышко вершину золотило.
И хоть сейчас уже я хром и сед,
Но помню, как однажды встречь светилу

Поднялся на Туой-Хаю впервой,
И гордость, и восторг мальцом изведав.
Заветною победой над собой
Была та долгожданная победа!

Внизу посёлок и реки вода –
Глядел с вершины, сердцем их вбирая.
И в памяти осталась навсегда
Святая красота родного края…

4.

ЧУОНА

«На землю, – говорили старики, –
Швырнуло небо щедрое когда-то
Алмазов горсти, чтобы в родники
Те обратились в мерзлоте проклятой.

Чтобы текла хрустальная вода
Упрямо через мари и болота!»
...Чуона наша родилась тогда.
Пусть опровергнет это нынче кто-то!

Небесной силой родников полна
Моей реки стремительная сила!
О, как прекрасно вёснами она,
Разбуженная солнышком, бурлила!

Вобрав в себя якутские снега,
Неукротима в радостном веселье,
Раздвинуть норовила берега
И сотрясала горные ущелья!

О, как кипенье белопенных струй
Хотел бы увидать сейчас опять я
Там, где могучий богатырь Вилюй
Чуону принимал в свои объятья!

А летом на реке царил покой,
Пески на плёсах там дремали важно.
Вода была прозрачною такой
Что камешек на дне был виден каждый.

Там жаворонок трели разливал
Над разнотравьем луга то и дело.
И на берёзах юная листва
Ему в ответ призывно шелестела.

Там лиственниц могучих тесный ряд
Стоял стеной у самого обрыва,

Чтоб не увидел посторонний взгляд,
Как моются в Чуоне девы-ивы.

Река судьбы, сестра Туой-Хаи
В моей душе струится и струится
Туда, где корни вечные мои,
Туда, где жизни лучшие страницы…

5.

МЕСТО СИЛЫ И СЧАСТЬЯ

Здесь, у подножия Туой-Хаи,
На землях плодородных и богатых
Давно селились пращуры мои.
Легенда нам не сохранила даты.

Зато святой костёр пылает в ней,
И к этому костру из дальней-дали
С кумысом перелётных лебедей,
Благословляя, Айыы[1] прислали.

От светлых сил принявши благодать,
Не покладая рук, трудились предки.
О, как им вольно было заселять
Места, где люди были очень редки.

Тайги богатства – вот они, в руке! –
Многих и многих прокормить могли бы
Пушниной, дичью! Сколько здесь в реке,
В озёрах и ручьях прекрасной рыбы!

Полны цветами сочные поля,
Пьянят их ароматы крепче хмеля.
Внимает безмятежная земля
Здесь славящим живое птичьим трелям.

Любовью и покоем всё вокруг
Столетиями долгими дышало

[1] Айыы – светлые небесные божества народа саха. (Здесь и далее прим. переводчика).

В долине счастья. И за кругом круг
Сменилось поколений здесь немало.

Не сосчитать, сколь раз тут Ысыах –
Начало лета – праздновали люди.
Казалось, наш осуохай в веках
Богами данным хороводом будет.

В священном круге юноши свою
Казали ловкость – стерхами в полёте!
А девушки… Ну где, в каком краю
Ещё таких красавиц вы найдёте?

В окрестностях царили мир и лад
Над лесом, над горами, над водою.
Нашли алмазы. Поначалу рад
Был каждый. А потом стал клад бедою…

6.

НАГРЯНУЛА БЕДА

Чернее ночи с запада ползли,
Как вестники беды великой, тучи,
Грозя просторам солнечной земли
Нежданным горем, лютым, неминучим.

Нахмурилась гора Туой-Хая,
К сестре Чуоне в гордом сердце – жалость.
А та внизу, тревоги не тая,
Вся в белой пене в берегах металась.

Страшней ударов молний грозовых,
Страшнее бури буйного набега
О затопленье новость из Москвы
Волною прокатилась по наслегам.

Отныне лишь одно имеет вес –
Караты… Что для них людское горе!
«Алмазы Родине!» А значит, будет ГЭС.
А для неё необходимо море,

Которое долину всю зальёт…
Не дожидаясь этого итога,
О, сколько писем написал народ,
Сколько обил начальственных порогов!

Но слышали просители в ответ:
– Необходимость! –
Что равно приказу.
Как будто заслонили белый свет
Грядущие якутские алмазы…

– Переселить! Нуждается страна
В богатствах, что таятся в синих глинах!
В сравненье с ними, видно, грош цена
У горьких судеб жителей долины.

Решенье – плод холодного ума
Тех, кто, наверно, не лишался крова…
О как пылали яростно дома,
О как ревели жалобно коровы…

Слезами злое слово «навсегда»
Написано судьбой на многих лицах.
Им не вернуться никогда сюда,
Чтобы могилам предков поклониться…

7.

ЧЁРНАЯ ПУЧИНА

И вот земли счастливой больше нет –
Погребена под чёрною водою.
Но сколько б ни прошло над миром лет,
Сердца людей не свыкнутся с бедою.

Умолкли жаворонки навсегда.
Угрюмой тишины стоит завеса.
И не сулит счастливые года
В лесу кукушка. Нету больше леса…

На дне недогоревшие дома
Затянуты давно зелёной тиной.

Но не идёт из сердца и ума
Былой их облик. Голубою глиной

Украшены хозяйскою рукой,
Крещённые дождями и снегами,
Стоят они. Над каждою трубой
Витает дым, рождённый очагами.

Теперь вода в родимом очаге,
А во дворе былом, не видя солнца,
Наперекор судьбе стоит сэргэ[1],
Как будто ждёт, что прошлое вернётся…

То прошлое, где звонок детский смех,
Где радостью наполнены колодцы,
Чтобы её хватило здесь на всех!
А радость эта Родиной зовётся…

Ради неё охотник удалой,
Как говорится, «в творческом экстазе»
Невиданной, причудливой резьбой
Украсил главный столб для коновязи.

Чтоб родичи, соседи, земляки
Полюбоваться на неё могли бы.
Но видят красоту на дне реки
Одни только бесчувственные рыбы…

Тот дом был мой, и коновязь, и двор.
Сэргэ бы мне достался по наследству.
...Коль слово «счастье» слышу, до сих пор
Перед глазами проплывает детство…

8.

КАМЕННАЯ ЖЕНЩИНА

Над родиною малою моей
Безжизненное море рукотворно.

[1] Сэргэ – столб коновязи.

Не море даже – водоём ничей,
Где ветер у разбойников – дозорный…

Разбойники – кипящие валы –
Здесь погубить всё сущее готовы.
Вгрызаются в подножие скалы
Они остервенело снова, снова…

Но в брызги разбиваются у ног
Святого изваяния. Змеино
Шипенье их, когда – один итог –
Ползут обратно в чёрную пучину.

Там, на горе, застыла скорбно та,
Что Каменною Женщиной зовётся.
И нет важнее этого поста
Для порождения людей и солнца.

Защитница былой Туой-Хаи,
Печальница людской великой муки
Простёрла к небу скорбные свои,
Взывающие к покаянью руки.

Надеясь, что опомнятся враги
Загубленной красы, и на просторе
Покроет голос вековой тайги
Голодный вой искусственного моря.

Как будто чудо, явится рассвет,
Рассеивая напрочь злые чары.
Один лишь миг – и наважденья нет!
Забыты затопления кошмары!

О как бы я хотел, чтобы сбылись
Заветные желанья и надежды!
Чтоб снова Жизнью стала наша жизнь,
Такой, какой была у предков прежде!

Но не вернуть свершённого назад
Ни душам человечьим, ни природе…
Опять печально лебеди кружат,
Не родину ли ищут? Не находят...

9.

ЗАВЕТ

Ушли светила вечного лучи
С последнею полоскою заката.
И я, и собеседник мой молчим,
Как будто оба в чём-то виноваты.

У деда в трубке стал золой табак,
Почти дотла в костре сгорели сучья.
И воцарился над рекою мрак,
Как будто звёзды проглотили тучи.

Зашевелился наконец старик,
Подбросил в угли новое полено.
– В любой реке, – сказал, – Чуоны лик
Я отыскать пытаюсь непременно.

Кому-то это, может, и смешно:
Мол, и на солнце ты отыщешь пятна!
Что ворошить былое? Всё равно
Не повернуть историю обратно…

Так, да не так! Без правды на земле
О том, что с ней, многострадальной, было,
И будущее у людей во мгле!
Не будешь знать, где пращуров могилы,

Забудешь о трагическом былом,
О малой родине, надежде и опоре, –
И Мир Срединный, где мы все живём,
Не превратится ли однажды в море?

И не получат ли тогда в ответ
Беспамятные дерзкие потомки,
Пускай не сразу, через много лет,
Не свет природы, а её потёмки?

А потому, земляк мой, и тебе,
И всем другим под этим небосводом

Я завещаю помнить о судьбе
Лишённого своей земли народа!

Благословляю вас на добрый путь!
Да будет с вами Родина большая!
Но мой завет в пути не позабудь.
...Отец, я помню. Я не забываю.

СЭРГЭ

Поэма

1.
В урочище такая тишина,
Как будто все, как есть, саха земли
На этом древнем месте времена,
Глубоким сном объятые, легли.

Я потревожил этот вечный сон, –
(Да будет это предкам не во гнев!)
И тени незапамятных времён
Почудились отчаянному мне.

О, нет печальней в прошлое тропы,
Той, на которую ступил сейчас,
Где множества былых столетий пыль
Незримо обволакивает вас

И потрясает… Здесь, в глухой тайге
Не кажется ли мне: через века
Со мною говорит сейчас сэргэ,
Которого касается рука…

2.
Остался от былого только он.
Хранит его тайги глухая падь.
Всё стало прахом – изгородь, хотон.[1]
И прежний дом теперь не отыскать.

[1] Хотон – помещение для зимнего содержания скота.

Ну разве что вот этот бугорок,
Похожий на могилу, где бурьян
За долгие года кошмою лёг
На жалкие останки бытия

Людей. Вот здесь топили печь –
Нежданно камень хрустнет под ногой.
Он помнит, как любил в печи разжечь
Огонь хозяин лютою зимой.

Как весело струился тёплый дым,
Над крышею с морозами борясь...
Далёкой жизни редкие следы
Хранит упрямо эта коновязь.

3.
Средь лиственниц и сосен вековых
Надгробья заросли зелёным мхом.
Немым укором для людей живых,
Забывших ненароком о былом.

Разбросаны надгробья по земле,
Крушили их со злобою в сердцах...
Воистину у времени в седле
Не удержаться осквернившим прах…

И проступает ржавая труха
Между корней деревьев, словно кровь.
Здесь поколенья многие саха
Нашли последний ненадёжный кров…

А разве по-иному может быть,
Коль о минувшем мы – как о враге?
Коль времени приказываем прыть
Всю показать, забывши о сэргэ?..

4.
А он стоит, напоминает он,
Что люди заселяли эту падь.
Свидетель прокатившихся времён,
О них он много мог бы рассказать.

Хоть покосился столб, но не упал!
Он столько повидал добра и зла!
И неспроста заветная тропа
Меня к нему сегодня привела.

Я слышу голос, и по телу – ток.
Священный трепет чувствую в душе…
– Давно уже окончился мой срок,
А вот стою на этом рубеже,

Оставленный в урочище глухом
До нынешних быстротекущих дней
Эпохою рожденья олонхо
И богатырских топота коней…

5.
На Древо Жизни, на Аан Кудук
Впервые Айыы сошли с Небес
И принесли с собой священный круг
В наш заповедный, наш якутский лес.

Так добрые решили божества:
Да будет летний праздник Ысыах![1]
«Сэргэ» и «тюсюлгэ»[2] – эти слова
Даны нам свыше, чтобы жить в веках!

На Мир Срединный – хрупкий мир людей –
Нисходит с ними Божья благодать.
То с высоты немыслимой своей
Нам продолжает Небо помогать.

День Изобилья – Ысыах в тайге
С его благословения грядёт
На радость людям с посохом сэргэ –
Опорою святой – который год.

6.
Сэргэ не зря затейливый узор
Через столетья на себе несёт –

[1] Ысыах – праздник встречи лета.
[2] Тюсюлгэ – место проведения праздника.

Такой обычай с тех далёких пор
Хранит в знак благодарности народ.

И с лиственницы лучшей всю кору
С молитвою снимают мастера,
Чтоб впитывала стужу и жару,
Чтоб иссушили плоть её ветра,

Чтобы звенело дерево, как сталь,
В ответ на стук железа. Лишь потом
Те, в ком душа якутская чиста,
Над ней священнодействуют резцом.

Рождало сердце каждый завиток
В узорах тех, что я, сэргэ, обрёл.
Народной жизни в той резьбе исток
И купол неба, где парит орёл.

7.
Как много счастья и лихих годин
Мне испытать на свете довелось!
Да, я трухляв, и время позади,
Когда держалась мной земная ось…

Но я стоял, за мой народ скорбя,
Когда сбивало зло его с пути.
Держался, не жалеючи себя,
Чтоб от него напасти отвести.

Я видел и счастливые века,
Помочь старался в праведном труде,
Когда была в грядущее крепка,
Как лиственница, вера у людей!

Держусь за землю из последних сил,
Осиротевший караулю двор.
Посланец тьмы души не погасил,
Она стремится к солнцу до сих пор!

8.
Я чую: ветер западный сейчас
На нашу землю дует всё сильней.

О как порой бывает жалко вас,
Плывущих в лодке на крутой волне,

Не ведая, что силою чужой
Вам время наполняет паруса…
Леса, поля, аласы, дом родной
Неужто вам заменят чудеса

Фальшивой жизни? Лютого врага
Не видите, скрывающего зло,
Мечтающего, чтобы к берегам
Его земли якутов принесло…

Он жаждет вашей роковой судьбы,
Того, что в перекрестье новых лет
Откажетесь покорно от борьбы
За память предков, за добро и свет.

9.
Почудилось иль слышал наяву
Я эти заповедные слова?
А только с той поры они живут
В моей душе, и тем душа жива.

На стойбище забытом я нашёл
На многие сомнения ответ:
В Срединном Мире, пёстром и большом,
Дороже ничего, чем память, нет.

Прильнув щекою к древнему сэргэ,
Я ощутил тепло родной земли.
И там, в якутской коренной тайге
Вот эти строки, как завет, пришли.

Как мог, его пытался передать
Я в неказистых, может быть, стихах…
Да будет с вами Неба благодать,
Мои потомки, сыновья Саха!

Перевод с якутского Юрия Щербакова

ДМИТРИЙ ПОПОВ

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ (1937 – 1995)

ВЕЛИКИЙ ЛОВ[1]

Поэтический цикл в стиле священных песен навахо
из романа «Глаз кота»[2]

Сын отца-поляка и матери-ирландки, один из самых успешных американских писателей, Роджер Желязны нерасторжимо соединил в своей жизни глубокий интерес к мистическому мировосприятию, духовной культуре американских индейцев, научной и мистической фантастике, а также магическому притяжению Нью-Мексико, одного из горных штатов Америки, недаром прозванного «землёй очарования».

Писатель вместе со своей семьёй переехал в Нью-Мексико в 1975 году и поселился в Санта-Фе, столице и культурном центре штата. Именно здесь его талант развернулся в полной мере, позволив ему создать весь основной корпус его романов.

Роман «Глаз кота» занимает особое положение в литературном наследии писателя. В нём единственном он объединил все перечисленные нами увлечения своей души в единый удивительно сплетённый воедино узел сюжета, творческой мысли и мистического потока сознания. Главным героем здесь является ловец наделённых сверхъестественными способностями экзотических животных, выходец из народа навахо, который действует на просторах космоса. Судьба заставляет его предпринять охоту на некое особое, таинственное и могучее, существо, которое называется кот края. Охота требует от него предельного напряжения всех своих навыков и умений с приложением сверхусилий. Осознав это, он отправляется в священную землю своего рождения, где прибегает к очистительной и возвышающей магии духовных ритуалов своего народа, что и приводит его к конечному успеху.

Неизвестно, читал ли Желязны сборник стихов Николая Рериха «Цветы Мории»[3] и его итоговую поэму «Наставление ловцу, входящему

---

[1] Название дано переводчиком. (Прим. ред.).

[2] Zelazny R. J. Eye of Cat. – New York: Timescape Books 1982. Copyright © 1982 by The Amber Corporation. © Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2025. (Здесь и далее прим. переводчика).

[3] Первое издание в переводе на английский Roerich H. Flame in Chalice / Translated by Mary Siegrist. – New York, 1930.

в лес», но главным героем своего романа он сделал своего ловца, ведущего великий лов, который становится кульминацией и триумфальным завершением его жизни, ибо в итоге его загадочная добыча оказывается его собственной скрытой сущностью, обретение которой выводит его на сверхчеловеческий уровень бытия. И в этом свете определённо неслучайным выглядит то, что, наряду с основным текстом этого произведения, писатель создаёт и цикл стихов, где в поэтической форме выражает мистическую квинтэссенцию духовного пути своего героя. Эти стихи он распределяет по всему тексту книги, акцентируя ими узловые моменты в развитии повествования.

По сути, этот внутренний поэтический цикл составляет особую часть книги, которая может восприниматься совершенно самостоятельно.

Несмотря на то что роман известен российскому читателю уже четверть века и литературное достоинство его перевода в целом не вызывает никаких нареканий, в нём присутствует один, но достаточно заметный недостаток – это текст заключённого в нём цикла стихов.

Во-первых, их перевод выполнен по тем же принципам, что и перевод основной прозаической части, без учёта внутренней ритмики поэтического текста.

Во-вторых, работа сделана без вникания в реалии духовной культуры коренных американцев, что вызвало ряд довольно серьёзных ошибок в передаче смысла.

В-третьих, автор весьма плотно насытил поэтическую часть своего романа именами, понятиями и концепциями из мифологии и, в целом, духовной культуры навахо,[1] сутью которого является приобщение человека ко всей внешней и внутренней красоте и гармонии мироздания. В справедливом расчёте на средне образованного соотечественника, он оставил всё это без всяких пояснительных примечаний. Однако зарубежный, в том числе и российский читатель, никоим образом не обладает достаточными познаниями в этой области и не имеет возможности лёгкого доступа к словарному аппарату, что было полностью упущено из виду и переводчиком, и издателем.

Это и побудило меня предпринять данный опыт перевода и составления примечаний к нему. Надеюсь на то, что он покажется в достаточной мере интересным как некоторым из коллег, так и просто заинтересованному читателю.[2]

---

[1] Навахо – крупнейшее индейское племя США, чья историческая родина и нынешняя территория простирается по землям штатов Аризона и Нью-Мексико.

[2] В настоящее время перевод принят издательством «Эксмо» в ходе подготовки нового издания романа.

* * *

При входе в Дом Тьмы[1]
лежат два рыжих койота с головами наоборот.
Найенесгани[2] отметает их тёмным жезлом
и входит в поисках меня.
С молнией позади,
с молнией впереди,
входит в поисках меня,
с горным хрусталём и говорящим кетаном.[3]

Сверху, по косякам двери в Дом Тьмы,
сидят две красные сойки с головами наоборот.
С молнией позади,
с молнией впереди,
он отметает их тёмным жезлом
и входит в поисках меня.

Дальше, у очага Дома Тьмы,
сидят два рыжих филина с головами наоборот.
Он отметает их жезлом своим
и проходит в поисках меня,
с горным хрусталём и говорящим кетаном.

В средоточии Дома Тьмы,
где сидят две совы с головами наоборот,
Найенесгани отметает их прочь
и проходит в поисках меня,
с молнией позади,
с молнией впереди.
С горным хрусталём и говорящим кетаном
идёт он за мной.
Из средоточья земли он идёт.

Дальше…

Молитва от вражьей погони

[1] Дом Тьмы – аллюзия на сферу первичного непроявленного небытия, тёмного в силу недоступности людскому сознанию.

[2] Найенесгани (навахо, букв. «убийца врагов») – мифический герой навахо, один из двух сыновей Преображающейся Женщины, которая родила их от Солнца. Братья избавили мир от враждебных людям монстров.

[3] Кетан – здесь, магический талисман.

* * *

То было время,
когда дневное светило сияло и ночью.
Чёрный Бог[1] сидел у меня на правом плече.
Время неслось вкруг меня лентой Мёбиуса,[2]
когда я восходил Горой Тьмы в небеса.
И зверей,
зверей я ловил.
И когда звал, они сходили ко мне
с Горы Тьмы.

* * *

С холма на холм прохожу я,
Переносясь с одного на другой,
словно ветер, бесследно.

Для этого должна быть песня,[3]
но я никогда не учил её слов.[4]
Потому и пою вот эту,
что сложена мною самим:

Обращаюсь я радугой,[5]
встающей там, нисходящей здесь.
И не оставляю следа на земле,
Переступая с места на место.

Пусть проходит мой путь в красоте.
Да ляжет она впереди, позади,
надо мною и ниже меня,
справа и слева...
Так, в чистоте, и пройду я
в небесные двери.

---

[1] Чёрный Бог – в мифологии навахо божество огня, научившее людей добыванию пламени с помощью деревянного сверла.

[2] Круглая лента, как бы разрезанная поперёк и вновь склеенная с одним из концов, перевёрнутым на 180 градусов; в результате вместо двух (внешней и внутренней) сторон лента имеет лишь одну единственную.

[3] В индейских традициях для любого дела есть своя песня, зачастую носящая обрядово-магический характер.

[4] Отсыл к традиционной духовной культуре навахо, где готовящийся стать жрецом-целителем должен постепенно выучить десятки обрядовых песен.

[5] Радуга – у навахо символ небесного свода над землёй, а также мост между нашим и запредельным мирами.

* * *

«Твои кони снова твои, внук мой», –
говорит он, садясь подле меня.
«Твои овцы снова твои, внук мой»,[1] –
говорит он, садясь подле меня.
«Всё имущество снова твоё, внук мой», –
говорит он, садясь подле меня.
«Земля твоя снова твоя, внук мой», –
говорит он, садясь подле меня.
«Родники твои снова твои, внук мой», –
говорит он, садясь подле меня.
«Твои горные цепи снова твои, внук мой», –
говорит он, садясь подле меня.

* * *

Благословенно вновь приходящее,
благословенно вновь приходящее.
Благословенно вновь приходящее,
благословенно вновь приходящее![2]

* * *

Ирокезы назвали тебя Безликим.[3]
Я иду посмотреть и узнать, так ли это,
о Разрушитель великий,
проходящий, грозя окрест
взятым наперевес копьём и палицей занесённой.
Когда я иду, то шагаю ступнями,
всеми в цветочной пыльце.[4]
Я возлагаю ладони,
что тоже усыпаны ею.
Повожу головой, что покрыта пыльцой.
Мои стопы, ладони и тело
покрылись пыльцой,

[1] Разведение лошадей и овец – традиционная основа хозяйства навахо.

[2] Выражение «вновь приходящее» отражает принципиальное представление навахо и большинства других индейских народов Северной Америки о времени и течении событий. Само время видится здесь не бесконечной линией поступательного движения, а кругом бесконечного вращения, подобно вечно повторяющимся циклам суток и лет. Потому всё происходящее носит элемент, как новизны, так и вечного повторения. Выше автор уже чрезвычайно удачно сравнил время навахо с лентой Мёбиуса.

[3] Аллюзия на ирокезскую традицию обрядов исцеления и изгнания злых духов, в которой применяются маски, вырезанные из живого, ещё не срубленного дерева.

[4] Цветочная пыльца играет чрезвычайно важную роль в мистических ритуалах индейских племён культуры Пуэбло, коренного населения земель североамериканского Юго-Запада. Эта традиция была всецело воспринята и пришедшими сюда гораздо позднее навахами и апачами.

и мой разум,
даже мой голос.
Тропа та прекрасна.
Земля моя, дом мой прекрасны.
Акала́ни, Дине́та[1].
Дух мой странствует по тебе от края до края.
Я иду, чтоб увидеть Безликого.
Недоступным для боли идти мне.
С красотой вкруг себя да пойду я.
Да свершается всё в красоте.
Не сверну я обратно.
Не бойтесь.

* * *

Именно ветер дал жизнь нам.
Лишь дуновение уст дарит нам бытие.
А когда оно иссякает, мы умираем.
На коже кончиков пальцев
мы видим след того ветра.[2]
То открывает, где веял тот ветер,
когда сотворял наших предков.

Из обрядовых возглашений навахо

* * *

В доме своём,
доме жёлтого маиса,
стою я и так возглашаю:

Я – Чёрный Бог, говорящий с тобою.
С севера я прихожу и встаю здесь.
И слово моё таково:
С главы Горы Тьмы, что стоит предо мною,
встаёт хрустальная оленуха, подходит ко мне.
От копыт до колен, и от туши до морды,
вместе с дичью всех видов
идёт ко мне в руки она.

[1] Акала́ни – у навахо возглас приветствия и прощания (подобно «чао» в итальянском или «алоха» на гавайском). Дине́та – Земля дине́, то есть людей, как навахо сами называют себя.
[2] Навахо считают кожный узор на подушечках пальцев выражением той творческой силы (ветра), которая созидает этот мир и управляет им.

Когда к ней я взываю, когда умоляю,
она выходит ко мне
вместе с дичью всех видов.
Я – Чёрный Бог, говорящий с тобою.
Я встаю с севера.
Они же сходят ко мне с Горы Тьмы.

* * *

Среди миров шагая...
Среди миров шагая...
Среди миров шагая...
Среди миров шагая...
Есть нечто
предо мною и позади,
справа, слева,
надо мною и ниже меня.
Что же это, повсюду,
такое?

* * *

Солнце клонится в небе, спускаясь к закату...
То пора распадения связей...
Цвета нереальны...
Икне-этсо и Наа-тсе-элит[1] в потоке речном...

…круговорот...

* * *

И для бегства и для лова
есть время своё.
Всякий из нас предаётся охоте,
и на всех нас ловитва идёт.
Мы, все мы – добыча;
мы, все мы – ловцы.
Зная это, ловец всегда насторожен.
И добыча учится ловкости
сверх обычно доступной.
А ещё есть удача,

[1] Икне-этсо (навахо, букв. «великий гром») – в мифологии навахо небесные существа, из крыльев и ног которых исходят молнии. Наа-тсе-элит (навахо, букв. «радуга») – здесь, небесные существа, посредничающие между посю- и потусторонним мирами.

а к тому же и боги.
Чем закончится ловля, нельзя предсказать.

Все мы носим мохнатую шкуру,
а поутру́ надеваем кожу людскую.
Ночью же снова она обернётся
шкурою волка.

В лове
нет предрешённости,
нет установок.

Говорящий Бог,[1] будь со мною.
Чёрный Бог, будь со мною.
Удача и сила,
пребудьте со мной.

* * *

Хранитель Облаков распустил все узлы.
Хранитель Ветров распахнул все врата.
Хранитель Вод отворил небеса.
Хранитель Молний потрясает копьями.
Хранитель Спутников отметил:
«Быть ливню».

* * *

След ветра на подушечках моих пальцев –
знак моей смертности.
След дождя на ладонях[2] –
знак мировой жажды.
Песня, во мне встающая, –
знак моего духа.
Свет того призрачного места,
где лошадь плясала под Неистовым Конём,[3] –
знак мира иного,
где всё ещё расхаживают силы, камни говорят,

[1] Говорящий Бог (Хашхиэлти) – в миропредставлении навахо один из йеи, изначальных божеств земли, которые бессмертны и путешествуют по радуге и солнечным лучам; за особую роль в помощи людям в их великом путешествии по мирам его также называют Посредником или Проводником.
[2] Если узор на подушечках пальцев у навахо это отпечаток личной силы человека, то линии на ладонях рук подобны каньонам, прорезающим равнину под действием речных вод в сезон дождей.
[3] Неистовый Конь – один из наиболее знаменитых военных лидеров сиу, возможно, самый яркий из героев индейского сопротивления на Великих Равнинах.

и ни что не есть то, чем оно мнится.
Мы встретимся в том старом месте.[1]
Земля содрогнётся. Камни напьются.
Забытые вещи уж стали тенями.
Но тени ещё станут столь же реальны,
как ветер, дождь, песня и свет
в том старом месте.
Паучиха[2] на вершине скалы,
я приветствовал бы тебя,
но иным путём прохожу.
Лишь глупец стал бы преследовать навахо
в каньоне Смерти.
Лишь глупец вообще пошёл бы туда
в половодье.
Я иду в то старое место.
А значит, и преследователю моему
тоже дорога туда...
Знак ветра и след дождя, рождение песни и свет –
всё со мной и на мне, и внутри, и вокруг меня.
Хорошо быть глупцом когда должно им быть.
Я – сын Солнца
и Преображающейся Женщины[3].
Я иду в то старое место.
На-йа!

* * *

Я теми местами пойду, где чёрные тучи сбегутся ко мне.
Я теми местами пойду, где ливень накроет меня.
Я теми местами пойду, где будут бить молнии.
Я теми местами пойду, где слепые туманы поглотят меня.
Пойду я туда, где радуги всходят, рокочут грома.
По росе и пыльце я пойду.
Они на моих ступнях. Они на моих ногах…

[1] Аллюзия легендарного «затерянного города» Лукачукай, дорога к которому заказана для современных людей.
[2] Паучиха (Женщина-Паучиха) – в мифологии навахо культурный герой. Она научила людей искусству прядения нитей и ткачества.
[3] Преображающаяся Женщина – в мифологии навахо одно из божеств-творцов этого мира. Её родителями были Мальчик Долгой Жизни и Девочка Счастья, которые олицетворяют средства, с помощью которых вся жизнь проходит сквозь время. Она участвовала в создании земли и неба. Она создала людей, сбросив старую кожу с собственного тела и, использовав четыре щепоти земли с четырёх сторон света. Она родила от Солнца божественных близнецов, культурных героев навахо – Найенесгани (Убийцу Чудовищ) и Тобаджижчини (Дитя Воды). Она чествуется в обряде Благословенного Пути, который приносит удачу и долгую жизнь.

* * *

Он идёт по воде…
По тропе за горами.
Волшебство уж готово.
...Это его вода,
вода белого койота.
Волшебство уж готово.

* * *

...Я иду по незримой дуге,
ноги готовы нести меня всюду.

* * *

Опасно, где я иду,
в своих мокасинах, ноговицах, рубахе
из чёрного обсидиана.
Пояс мой – чёрная стрелка-змея.
Чёрные змеи свернулись и встали над моей головою.
Зигзаги молний бьют из моих ступней,
коленей моих и глаголющего языка.
На голове моей блюдо с пыльцой.
Змеи едят её.
Опасно, где я иду.
В нечто грозное я обращаюсь.
Я – смерч и серый медведь.
Молнии бьют вкруг меня.
Опасно, где я иду.

* * *

Ты уже держишь свой путь одиноко.
Кем ты стал, нам не ведомо ныне.
Какого ты рода теперь, мы не знаем.
Ныне и присно ты уже не от мира сего.

* * *

Вот он возвращается вместе со мной, Найенесгани,
тёмным жезлом вращая своим для защиты.
Молнии бьют вкруг него.
К первой ступени лестницы,

Месту Явления[1]
он возвращается вместе со мной;
и радуга возвращается с нами,
и говорящий кетан учит меня.
Мы проходим двенадцать ступеней.
Маленькие голубые сойки поют надо мною,
Маисовый жук поёт позади.
Хашхиэлти[2] возвращается вместе со мною.
Я взойду на Гору Явления в мир,
Гору Вождя, Гору Дождя,
Гору Маиса, Гору Пыльцы...
Я возвращаюсь. Чтобы сесть на рисунок песчаный.[3]
Чтобы вновь владеть домом, его очагом и запасами пищи,
ложем постельным, руками, ногами и телом,
и вновь обладать рассудком и голосом, силой движенья,
и речью, которая благословенна.
Это моё возвращенье.
Собиранье вещей.
Восхожденье.
Сквозь облака и туманы,
по мхам и травам,
лесам и скалам,
земле четырёх цветов.[4]
Возвращение...
«Внук, мы стоим на радуге».

* * *

Ветер колышет травы.
Снег устилает землю.
Вихрь идёт по горе,
пыль вздымая.
И камни звенят
высоко на горе, за туманом.
Солнечный свет убегает,
как вода из надтреснувшего горшка.

[1] Место Явления – по представлениям навахо, в начале эпохи творения люди появились глубоко во чреве Матери-Земли и явились на её поверхность лишь в результате долгого странствия по подземным мирам, где они поднимались всё выше и выше. Теперь уже забытое и неизвестное им место появления их предков на белый свет считается в высшей степени священным, ведь туда уходят души окончивших свой земной путь.
[2] Хашхиэлти – Говорящий Бог (см. прим. 1 на стр. 36).
[3] Песчаный рисунок – в религиозно-мистических обрядах навахо магические рисунки из цветного песка на земле являются важной составляющей церемонии наряду со священными песнопениями.
[4] Земля четырёх цветов – здесь, земля с четырёх Сторон Света.

Мы будем жить дальше.
Заснеженная земля
выплывает из бури, что уходит.
А мы будем жить.

* * *

Когда я зову,
они приходят ко мне
с Горы Тьмы.
Трубопроводы пересекают её,
спутники пролетают над ней,
но я объемлю землю перед собою,
со всеми существами, кто ловит
и кого ловят здесь.
Я следовал за народом
через эпохи.[1]
давая должному ловцу его добычу
в должное время.
Но, кто ловит себя самого,
тот из особого рода.
Та изощрённость неведома древним.
Но ты никогда не стар чрезмерно, чтобы учиться,
что и даёт увлекательность этому делу
и сохраняет меня чернокрылым. На-йа!

И тогда, с Горы Тьмы:
Пошли завершенье.

* * *

Высоко на вершине огня
в затерянном городе древних,[2]
огонь падает справа и слева,
впереди, позади, сверху и подо мною.

[1] Народ (диné) – самоназвание навахо. В мифе о сотворении мира, где навахо постепенно переходят из мира в мир всё ближе к поверхности земли, пребывание в каждом из этих пространств составляет отдельную эпоху.

[2] Древние – здесь, прозвание предков племён культуры Пуэбло, которые оставили после себя многочисленные руины своих селений с каменными домами по всей территории, занятой впоследствии навахами. Затерянный город – аллюзия знаменитого мифического города Лукачукай, недоступного современным людям.

Я встретил чинди[1] своего «я» –
«я» своего чинди.
Назваться ли мне перед ним,
чтобы быть поглощённым?

Тропою радужной иду я.
В сокровенное время огня и льда
в потерянном селении древних
я встретил чинди собственного «я»,
и обратился в «я» своего чинди.
Я шествовал мирами.
И всюду ловцом был.
И сердце разделилось на четыре части,
что были поглощены ветрами.[2]
А теперь я вновь обрёл их.

Сижу я теперь в средоточии мира,
правлю песню свою.
Повсюду я дома,
всё вернулось ко мне.
Я одолел путь всей жизни
и в конце его встретил себя.
Вкруг меня красота.

Найенесгани пришёл за мною
в Дом Тьмы,
жезлом своим отметая
всё искривлённое и перевёрнутое.
Тёмный Ловец меня помнит,
меня помнит Койот,[3]
и Небесный Народ,
земля эта помнит меня,
древние помнят,
и сам я припомнил себя,
восходящего в мир.
Я сижу на огромном песчаном рисунке

[1] Чинди – в миропредставлении навахо сгусток всех негативных переживаний человека (боль, страх, гнев, разочарование, неудовлетворённость, обида, неприятие чего-либо…), от которых он не смог (не успел) избавиться, приведя душу ко вселенской гармонии. Покидает тело умершего с его последним вздохом. Навахо страшатся любого контакта с чинди ушедших из жизни, чтобы не получить душевную заразу, которая может привести и к физической болезни.
[2] Ветра – здесь, четыре ветра четырёх Сторон Света.
[3] Койот – традиционный трикстер (шутник, обманщик) в мифологии большинства североамериканских племён.

Дине́ты, в самой его середине.
Её сила помнит меня.

Койота зов за пределами тьмы...
Поглотив сам себя, я новую силу обрёл.
Вкруг меня красота.
Передо мной, позади, и справа и слева
маисовая пыльца и радуга.
Белое таинство вздымает меня в своей длани.

Танцор в средоточии сущего[1]
кружится передо мною, как демон из пыли.
Мой талисман от грозы раскололся.
И возгласил я законы свои.
Мой единственный враг –
я сам, получивший новую жизнь,
тоже танцор.
Мой путь и сознанье моё исполнены звёзд –
в их великом вращенье
к грядущей весне. Звёзды...
Я прихожу, как ветер с дождём,
и всё идёт в рост.
И белое таинство берёт меня в длани свои.
Здесь, в затерянном городе Лукачукае, я говорю:
Лову нет завершенья.
Путь прекрасен.
И таинство в силе своей.
Поезд-призрак здесь больше
не остановится. Я – ловец
в глазах преследуемых.
И если я позову,
они выйдут ко мне
с Горы Тьмы.

Перевод с английского Дмитрия Попова

[1] Наряду с песней, в традиционных индейских культурах танец является одним из основных средств сакрального самовыражения.

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

От переводчика. Каждый увлечённый читатель зарубежной поэзии, а уж тем более её переводчик, мысленно составляет собственную личную антологию из любимых стихотворений. Не избежала этого и я. Поэтому представляю любезным читателям свою «Попытку антологии» английской поэзии. Конечно, это только небольшая её часть.

УИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ (1770 – 1850)

КУКУШКА

Кукушка! Зов твой не забыть
Нездешней красоты.
Ты птица? Или, может быть,
Один лишь голос ты?

Я головой к траве приник
И слышно мне с земли,
Как бродит призрачный твой крик
В неведомой дали.

Таких на свете больше нет
Волшебных голосов.
Твой голос-странник словно свет
Таинственных лесов.

Ты вечно прячешься в тени,
Будя мои мечты.
Но, невидимка, объясни:
Ты – эхо? Тайна – ты?
(фрагмент)

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН (1788 – 1824)

ПЛАЧУЩЕЙ ПРИНЦЕССЕ

Принцесса,[1] не стирай с лица
Прекрасных чистых слёз –

[1] Посвящается принцессе Шарлотте, дочери Принца Регента (с 1820 года – короля Георга IV), которая имела либеральные симпатии. (Прим. пер.).

Пусть смоют все грехи отца,
Позор, что он принёс!

Пусть отмывают, как гроза,
Страну твою от зла,
Чтоб каждая твоя слеза
Улыбку принесла!

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ (1792 – 1822)

ВЕЧЕР

Сгорел закат, спят ласточки в гнезде,
Пугает в сумерках полёт летучей мыши,
И жабы мягко выползли к воде,
И вечер дышит: тише, тише, тише…
И над дрожащей влагою затона
Не будит всхлипа сонного и стона.
Росы сегодня нет, трава суха,
И воздух лёгок в сумраке древесном,
И вся природа спящая тиха.
Лишь ветерок, насвистывая песню,
Несёт по мостовой, давно знакомой,
Бесшумный вихрь из пыли и соломы.

АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН (1882 – 1956)

ДОМОВОЙ

За пыльною портьерой живёт мохнатый Кто-то,
Живёт со мною рядом – лишь руку протяни,
Страшилку домового увидеть мне охота,
Но он играет в прятки и прячется в тени.

Мой домовой ужасно застенчивый и робкий –
Не выглянет, не скажет: «Пока!» или «Привет!»
Мгновенно исчезает за шкафом, за коробкой,
За пыльною портьерой – лишь зажигаю свет.

ДВАЖДЫ ДВА

Шли два медвежонка по чаще глухой.
Один был хороший, другой был плохой.
Один умноженье на два повторял,
Другой по дороге шнурки потерял.

Зимой они жили в берлоге сухой.
Один был хороший, другой был плохой.
Один постоянно учил «дважды два»,
Другим у другого полна голова.

А летом они залезали в дупло,
Где в полдень прохладно, а ночью тепло.
Один день-деньской «дважды три» бормотал,
Другой шмыгал носом и слюнки глотал.

Когда же им дали полезный совет,
Один согласился, другой буркнул: «Нет!»
Так «дважды четыре» один затвердил,
Другой прямо в лужу тогда угодил.

Но, словно укушен лентяйкой-блохой,
Стал хуже хороший. Но лучше плохой!
Один «дважды три» переврал от тоски,
Другой завязал аккуратно шнурки.

Один «дважды два» позабыл сам не свой,
Другой свой платок отыскал носовой.
Во всём они очень похожи на нас.
А мы на зверюшек походим подчас.

Есть в этом мораль или нету? Бог весть.
Не знаю какая, но, думаю, есть.
Ведь эти проблемы смущают умы:
Стать лучше так трудно, но пробуем мы.

Мой сын «дважды десять» с утра повторял…
А я свою ручку опять потерял.[1]

[1] Поэтому написал всё это карандашом. (Прим. пер.).

ДЖОН КИТС (1795 – 1821)

ДЕВУШКА ИЗ ДЕВОНШИРА

Куда, о девушка, твой путь?
И что в твоей корзинке?
Дай мне взглянуть, чуть-чуть глотнуть
Мне сливок дай из крынки.

Люблю я горы и поля,
Люблю луга и стадо.
Тебя моля, зовёт земля:
Прилечь на вереск надо!

Корзинку спрячем средь кустов.
В траве легко скрываться.
Всю ночь готов среди цветов
С тобою целоваться.

РОБЕРТ ЛУИС СТИВЕНСОН (1850 – 1894)

***
Уходят корабли
В далёкие моря.
Вечерняя заря
Встречает нас вдали,
Летит волна, горя,
И звёзды свет зажгли.

Надежда даст нам цель,
Она наш рулевой,
Ведёт сквозь бури вой,
Минуя риф и мель.
Свет звёзд над головой
У сказочных земель.

Рёв шквалов штормовых –
То грозный зов морей.
Господь, услышь скорей
И нас оставь в живых.
Корабль в обломках рей,
Как в шрамах боевых.

А если он с пути
В отчаянье свернёт?
Прощально флаг сверкнёт,
Как горький крик: «Прости!»
Сумеет в бездне вод
Он гавань обрести.

Но смерть для нас пустяк:
Мы продолжаем путь –
Найдёт когда-нибудь
Порт в небесах моряк.
А под водой сквозь муть
Горит наш гордый стяг.

***

Постой, душа, не покидай поля,
Где радовалась ветру и траве,
Где ясно улыбался летний день,
Звенела птичья песнь, и где любовь
Звала тебя тогда в последний раз.
Корабль отходит – с вечных берегов
Воздушные несутся голоса.
И всё ж постой, не уходи, душа.
Покой и воля далеки. А ты
Так крепко с жизнью связана пока,
Как с нервом нерв или со вздохом вздох,
Иль как с любовью сплетена любовь.
Ещё не выполнен твой человечий труд!
С рожденья ношу ты несёшь, а долг
Твой вечен. И растёт ещё, растёт –
Всё новые идут к тебе дары
От Бога, от природы, от людей,
Пока, душа, под тяжестью добра
Однажды в изумленье не замрёшь.
Не оставляй, душа, свои поля,
Свой неоплатный долг – без платежа.
И ради жизни плоть обороняй –
Ведь рано или поздно бедный прах
Сойдёт в могилу, и твои друзья
Тебя оплачут. Так вот человек,
Старея мирно, должен воевать
За каждую минуту, каждый час,

Что жизнью полон. Жизни каждый миг
Как царство, завоёванное им.
Ведь полководец поднимает вновь
На штурм свои разбитые войска
И, победив, готов весь мир обнять.
Но в этот миг коварная судьба
Вдруг поражает армию врасплох.
Вчера победа, а назавтра смерть.
Но он ещё не ведает о том –
И праздник длится в лагере его.

***

Любите жизнь, ловите краткий час,
Пока рука незримой силы вас
Не разлучит, взяв мужа иль жену, –
И зов ваш встретит только тишину.

Перевод с английского Евгении Славороссовой

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

АНТЕРУ ДЕ КЕНТАЛ (1842 – 1891)

Антеру де Кентал был великим португальским поэтом и философом, центральной фигурой поколения 70-ых гг. XIX века и португальского реализма. Он был революционным мыслителем, «апостолом социализма» и соучредителем Португальской социалистической партии. Родился на Азорских островах. В возрасте 49 лет покончил жизнь самоубийством.

Привожу здесь фрагменты предисловия к книге сонетов Антеру де Кентала, изданную «ulmeiro», из серии «Классики португальского языка, № 1». Это предисловие было написано Жуакином Педру Оливейрой Мартиншем (1845–1894), который был другом поэта в течение более 20 лет. Историк, экономист, антрополог, а также социальный и политический критик, он имел значительное влияние не только на историков, критиков и писателей своего времени и XX века, но и на современную ему португальскую политическую жизнь.

Оливейра Мартинш говорит об Антеру де Кентале как о человеке исключительно богато одарённом, в чьём характере и личности необычайно сочетались совершенно противоположные черты. Он думал о том, что чувствовал, и чувствовал то, о чём думал. В нём сочетались поэт, в совер-

шенстве владевший словом, и философ, обладавший острым критическим умом, практическим инстинктом и глубочайшей проницательностью. Темперамент его соответствовал этой противоречивости, сочетая мягкость ребёнка, чувствительность нервной женщины с периодически проявлявшимися чертами вспыльчивости, порывистости, даже жестокости, темперамент холерика. В нём чувствовалась сила, разумная и кажущаяся невозмутимой. Но это спокойствие нарушалось порой бурным волнением и скорбью, как шторм нарушает безмятежную гладь океана. Именно эти кризисы рождали его стихи, они возникали из его души, как рыдания, как слёзы. Но затем слёзы превращались под его пером, пером художника, в жемчужины, его стоны становились музыкой.

Мартинш называет стиль письма Антеру де Кентала скульптурным и иератическим,[1] говорит о его поэзии как о фантастической, психологической, в чём-то близкой поэзии Данте Алигьери (1265–1321). В связи с последним не могу не вспомнить слова из выступления Ольги Седаковой,[2] отмечающей такие высшие ценности этики Данте, как свобода, справедливость, божественное достоинство человека, связь каждого человека со всем мирозданием и с его центром. Именно эти ценности мы встречаем в поэзии Антеру де Кентала.

Оливейра Мартинш считает, что португальский писатель не рисует и не описывает мир в своих чудесных сонетах. Он не поэт-художник, каким, например, был другой замечательный португальский поэт – Сезариу Верде (1855–1886). Антеру считает такую технику более низкой, возможно, даже недостойной. Этот поэт – мистик, философ. Но в его творчестве идёт постоянная борьба глубокого чувства поэта и критического разума мыслителя, его стихи – портрет его личности, гениальной и противоречивой. В этой борьбе рождался его стиль: синтез рационализма, критического видения мира и мистического чувства, глубинного интуитивного прозрения тайн природы. Так он реализует нереализуемое, то, что не может воплотиться в ясных формулах, то, чья реальность чувствуется, не существуя.

А теперь я хочу обратиться к недавно вышедшей в «Вопросах философии» статье современных исследователей.[3] Статья предваряет перевод сочинения испанского философа Мигеля де Унамуно (1864–1936) ≪Полнота полнот и вся полнота≫ (1904 г.). Я не буду говорить ни о статье, ни о переведённом её авторами эссе испанского философа. Приведу только фрагмент из этого эссе, касающийся непосредственно Антеру де Кентала. Споря с Экклезиастом, с его словами о том, что «всё – суета и

[1] Иератический художественный стиль (от греч. *hieratikos* – священный, жреческий) – это тип искусства, характеризующийся торжественностью, каноничностью, строгой упорядоченностью и условностью изображений. (Прим. пер.).

[2] Выступление на конференции “Traduzioni, tradizioni e revisitazioni dell’opera di Dante” («Переводы, традиции и переложения Данте»). Университет Бергамо, 13–15 мая 2021 года. (Прим. пер.).

[3] Мигель де Унамуно и его сопротивление «Духу Распада» и «философии сомнамбул» в эссе 1904 г. Унамуно М. де. Полнота полнот и вся полнота! Пер. с исп. и примеч. А.С. Андрюшина и И.Н. Захарова. – Вопросы философии, № 1, 2026. С. 197–212.

томление духа» (Екклезиаст 1:16–17) и утверждая: «Всё, что делается под солнцем – это полнота и радость духа», Мигель де Унамуно обращается к стихам Антеру де Кентала.

И закончу своё краткое слово об Антеру де Кентале цитатой из эссе испанского философа. Перевод стихотворения Антеру де Кентала «Избавление», вошедший в эссе, взят из «Лузитанской души».[1]

«Голос Проповедника, сына Давида, царя Иерусалимского, встретил множество откликов в истории, и многие пели в согласии с ним. Среди этих многих есть один поэт-философ, чьи песни звучат печально на сладком португальском языке. Это Антеру де Кентал, чья слава стала сценой человеческой трагедии. Слушайте, как он воспевает искупление в своём произведении *Redempçao*:

Голос волн, деревьев, голос ветров!
В горестном сне слышу голос могучий,
Полон я весь мукой вашей певучей –
Мукой родной странных ваших миров…
Сумрачное дыхание дубров –
Это псалом тайных, тёмных созвучий.
Может, весь мир плачет во тьме текучей,
Сетует во тьме немых вечеров?
Форм бегущих огненна и тяжка
По свободе трепетная тоска,
Дух, что к воле рвётся, вдаль бездорожий.
Жалобой тревожат ночной простор
Голос моря, голос далёких гор…
Души – сёстры мои, пленницы тоже.
Первобытный хор ночных голосов:
Ветер стылый и морские приливы.
Замолчите, этот стон сиротливый –
На кладбище вой одичалых псов.
Знайте, будет день, на призрачный зов
Вы придёте, вы очнётесь, счастливы,
Радугой взрывая сумрак пугливый
Сна гнетущего жестоких часов.
Души, что стряхнут вековечный прах,
Чистой мыслью став в синих небесах,
Медленно паря в золотом свеченье,
Вы увидите, крушение их –
Форм несбывшихся, иллюзий больных.
И растает ваше злое мученье.

[1] Лузитанская душа: Стихи португальских поэтов XV–XX веков / Сост. и пер. с португ. Ирины Фещенко-Скворцовой. – М.: Водолей, 2017. – 232 с. С. 46.

Поэт, начав с ≪суеты сует≫ Проповедника, сына Давида, царя Иерусалимского, придя таким путём к ощущению искупления всего Универсума и к тому, что всё однажды пробудится в Сознании, находит в конце трагической жизни отдохновение своему сердцу в руке Бога, в деснице Его, и может сказать своему сердцу:

Спи своим сном, сердце свободное,
Спи в руке Бога вечно!»[1]

1.

ТЕЗА И АНТИТЕЗА

1.
Что я скажу о ценности идеи,
Когда она на площади, пьяна,
Блудницею, что на кутёж звана,
Берёт как дар кровавые трофеи.

Вот жертвенник: в угоду этой фее
Зловонный дым курится дотемна.
И, некогда спокойная, она
Исполнена безумствами Медеи!

Мышление в наш век больно падучей…
И мысль, и речь – в плену взрывных созвучий,
И взрывов гром звучит речам в ответ…

Есть мир идей, он там, на небе вечном,
В свечении, в движенье бесконечном…
Мысль – не огонь. Она – далёкий свет!

II.

Быть может, путь извечный свой торя,
Дивится Бог, на облаке летучем,
Что бьётся род людской, страстями мучим,
Недолгими, как яркая заря.

[1] Мигель де Унамуно и его сопротивление «Духу Распада» и «философии сомнамбул» в эссе 1904 г. Унамуно М. де. Полнота полнот и вся полнота! Пер. с исп. и примеч. А. С. Андрюшина и И. Н. Захарова. – Вопросы философии, № 1, 2026. С. 197–212. – С. 211.

Но человек на землю был не зря
Заброшен встарь, к ветрам её и тучам,
Чтоб воздухом земли дышал могучим,
Хуля её, её боготворя.

Волнением рождается идея,
Душой творца божественно владея,
Маня его так солнечно вдали…

Вздымай мятеж, неистовое племя!
Героев кровь, живительное семя,
Кропи пески иссохшие земли!

2.

Mors-amor[1]

Конь вороной, чей бег в глухой тревоге
Я слышу ночью, там, где тьма густая,
Является, внезапно вырастая,
В кошмарном сне на призрачной дороге.

Откуда скачет? Страшных гор отроги
За ним во мраке иль земля святая?
Недаром ужас, гриву разметая,
Вихрится следом, спутник легконогий.

Могучий всадник дивно кроток ликом,
И в лоне ночи, бархатной и росной,
Доспех его сияет лунным бликом.

Нет страха в нём, хоть зверь под ним жесток.
«Я – смерть!» – так вороной вещает грозно.
«А я – любовь!» – в ответ ему седок.

[1] Mors-amor – Смерть – любовь (*лат.).* (Прим. пер.).

3.

Что говорит смерть

«Ко мне придите от земной юдоли
Во тьме сомнений, зла, страстей плутая;
Ничтожество плодов ума и воли
Увидите вы, прошлое листая.

И хворь, неизлечимая дотоле,
Во мне, как сон, бледнеет, отлетая.
И неустанные потоки боли
В меня вливаются, как в море тая».

Так смерть нам говорит. Глухое слово –
Истолкователь призрачного зова
Предвечных тайн, холодных и безгневных.

И в немоте своей, не умолкая,
Шумней она, чем в бури ширь морская,
В ночи своей светлей лучей полдневных.

4.

Избавление[1]

I.

Голос волн, деревьев, голос ветров!
В горестном сне слышу голос могучий,
Полон я весь мукой вашей певучей –
Мукой родной странных ваших миров…

Сумрачное дыхание дубров –
Это псалом тайных, тёмных созвучий.
Может, весь мир плачет во тьме текучей,
Сетует во тьме немых вечеров?

[1] Переводы диптиха «Избавление» намеренно сделаны с приближением к силлабике, не учитывающей так строго рисунок расположения ударений в строке, как силлаботоника. Это позволило, как кажется переводчику, приблизить перевод максимально к манере португальского оригинала. (Прим. пер.).

Форм бегущих огненна и тяжка
По свободе трепетная тоска,
Дух, что к воле рвётся, в даль бездорожий.

Жалобой тревожат ночной простор
Голос моря, голос далёких гор…
Души – сёстры мои, пленницы тоже.

II.

Первобытный хор ночных голосов:
Ветер стылый и морские приливы.
Замолчите, этот стон сиротливый –
На кладбище вой одичалых псов.

Знайте, будет день, на призрачный зов
Вы придёте, вы очнётесь, счастливы,
Радугой взрывая сумрак пугливый
Сна гнетущего жестоких часов.

Души, что стряхнут вековечный прах,
Чистой мыслью став в синих небесах,
Медленно паря в золотом свеченье,

Вы увидите, крушение их –
Форм несбывшихся, иллюзий больных.
И растает ваше злое мученье.

5.

Уныние

Пускай летит та птица, у которой
Птенцов отняли, жалости не зная.
Её несёт стихия ледяная,
Ей ветер одиночества опорой.

Пусть парусник, ветров свирепой сворой
Подхваченный, летит, скрипя, стеная,
Когда восходит полночь смоляная
Над океаном поступью нескорой.

Позвольте ей брести, душе тоскливой,
Без веры, безнадёжно и устало,
К бесшумной смерти, к смерти молчаливой.

Позвольте песне вырваться, как птице,
В последний раз взлететь и пасть на скалы ….
Позвольте жизни из груди сочиться…

6.

Эволюция

Я камнем был на склоне одиноком
Во времена, что прячутся в тумане,
Волною был, гранит седой тараня,
И деревом, с кривым, замшелым боком.

Я – зверь, рычал в пещере, крытой дроком;
О древний монстр, ревел на зорьке ранней,
Я голову вздымал в ночном лимане,
Я жертву ждал под пламенным востоком.

Я – человек теперь, из давней тени
У ног моих спускаются ступени
Спирально вниз, к бездонности пустынь…

Я к вечности протягиваю руки,
Но в пустоте, в которой никнут звуки,
Свобода мне дороже всех святынь.

7.

Один! Но и к отшельнику в пустыне...

Посвящается Alberto Teles

Один! Но и к отшельнику в пустыне
От Господа нисходит свет небесный;
Рыбак в жестокий шторм в лодчонке тесной
Средь волн о Божьей молит благостыне.

Один! Но и забытый на чужбине
Хранит воспоминаний дар чудесный;
Надеждой жив он на скале отвесной,
Рыдая горько ночью в горной сини.

Один! Не тот, кто, выстрадав немало,
Ещё привязан к жизни, столь жестокой,
Желанием душа его согрета…

Но руки уронив, брести устало,
Чужим в толпе скитаться одиноко –
Оставленности подлинной примета…

8.

В цирке

Посвящается Жуау де Деушу

Давным давно... Подобьем миража
Я вижу эти дальние края...
Чем там была судьба и жизнь моя?
Всё было трепетнее витража,

Воздушным, лёгким, как полёт стрижа,
И ясным – на рассвете бытия.
Прозрачно-лёгким был тогда и я,
Но ветер подхватил меня, кружа...

Упав, я оказался на арене,
Там ярость била бешеной волной,
Чудовища дрались в крови и пене.

И в этот миг во мне родился зверь,
И ярость грозно овладела мной...
Зверь среди львов, реву и я теперь!

9.

Видение

Я видел Любовь, чьих глаз выражения
Ни разу улыбка не умягчала.
Их горькая мысль всегда омрачала,
Жили усталость и боль поражения.

Как призрак парила в своём скольжении,
Как парус в мареве без причала...
От муки корчились одичало
Тонкие руки в странном движении...

Из крыльев перья она вырывала,
Бросала их в темноту провала,
И стоны звучали бедой неминучей,

И в ярости, в горе руки ломала...
И влага слёз или крови ало
На мир струилась отравой жгучей.

10.

Живая любовь

Любить! Но пусть придёт любовь живая...
А есть ещё, за этой не спеши,
Желание, в котором нет души,
Горячки и безумия кривая.

Любовь, сияй! Пусть свет, не уставая,
Меня наполнит радостью в тиши,
Желания, безумье – хороши...
Любовь!.. Но пусть придёт любовь живая...

Живая, тёплая! Предъявит мне права,
И не рассеют нежную рассветы,
Как слабый свет ночного колдовства...

Не сгубит солнце, не убьёт молва...
Что могут сделать люди и планеты
Против любви... которая жива?

11.

С мёртвыми

Мои любимые, вы где? Ответь мне, мгла...
Теперь живут средь призрачных видений,
И в этой тени, смене и подмене
Вселенных взорванных летит зола...

А если память снова завела
В прилив высокий, в завитки мгновений,
То вижу их я в бледно-жёлтой пене,
Затопленные лица и тела...

Но задержись, охвачен тишиной,
Закрой глаза: мы рядом во Вселенной,
И те, кого любил, живут со мной.

И в этот миг единый, заревой,
Сливаемся мы вновь душой нетленной
В нетленном Благе любви живой.

12.

Lacrimae Rerum[1]

Ночь, Разума и Смерти ты сестра,
Как умолял тебя я в тишине
О слове – наяву ли, в вещем сне,
Но те мольбы развеяли ветра!

Где вожаки для душ, кому пора,
Какой их свет ведёт? Ответь же мне:
За что при жизни бьёмся в западне
Без слова утешенья и добра?

[1] Слёзы вещей – (лат.) Вергилий «Энеида». (Прим. пер.).

Но в тайне погребального обряда
Ты, ночь, зловещего не опуская взгляда,
Идёшь торжественно, ни слов, ни назиданий...

Нет места ни прозреньям, ни урокам;
И слышу я в раздумии глубоком
Печальный стон неведомых созданий...

Перевод с португальского Ирины Фещенко

СОВРЕМЕННАЯ ИСЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ

ИНГУНН СНАЙДАЛЬ (род. в 1971 году)

Ингунн Снайдаль родилась в г. Эйильсстадир в восточной Исландии; в юности долго жила за границей (в т. ч. в Ирландии и Мексике). Автор многих книг стихов.

Из книги «На безлесье» (2008)

В округе Хунавассисла[1]

согласно второму изданию
растрёпанного старого
путеводителя
здесь можно искупаться
в полуразрушенных
замшелых бассейнах
и купить поесть
в давным-давно закрывшихся
сельмагах

[1] Местность на северо-западе Исландии. (Прим. пер.).

Из книги «Ночь, приди и останься» (2009)

смеёшься, что ли?

у меня к тебе дело[1.]
сказало стихотворение
и улыбнулось

в глубине-то глаз твоих
грустно светит месяц

а ты зарифмуй![2]

сцена в гостиной

женщина рыдает
скорчившись на диване
мужчина понурил голову
глядит себе в ладони

в глубине квартиры
робко открылась дверь

назад

в моём возрасте
от несчастной любви уже не тоскуют
сердца не разрываются
люди не чахнут
не бледнеют не болеют
ничего в таком масштабе

им просто становится
слегка неприятно
они удаляют номера

[1.] Заглавные буквы в начале предложений и знаки препинания не используются. Прим. пер.).

[2] Отсылка к старинному исландскому интеллектуальному развлечению: один из собеседников произносит экспромтом две стихотворные строки, а другой должен завершить четверостишие, соблюдая размер, рифму и правила аллитерации. Реакция поэта на предложение поучаствовать в таком развлечении, вынесенная в заглавие, очевидно, вызвана тем, что в современной исландской поэзии стихи в традиционной манере, с рифмой и аллитерацией, распространены далеко не повсеместно и уступают первенство верлибру. (Прим. пер.).

из телефона
стирают сообщения

поэтому я порой пью
пока мне не стукнет семнадцать
и я не начну блевать
на паркет в чужих домах

просто и понятно

если я наводню эти стихи
непонятными цитатами
университетских мудрецов

скажу что-нибудь хлёсткое о жизни
ссылаясь на малоизвестных
но весьма самобытных поэтов
из Армении или Финляндии

и вставлю цепляющие
сексуальные сцены
со всякими жидкостями

вот тогда всё по-настоящему
вот тогда это серьёзная любовь

или я могу и дальше
цитировать «Гриффинов»
грызть ногти
и предаваться совершенно
нелогичным романтическим грёзам
почерпнутым из
английских исторических фильмов

ТОУРДИС ГИСЛАДОТТИР (род. в 1965 году)

Тоурдис Гисладоттир – автор сборников стихов, детских книг, переводчик, литературовед, преподаватель. Одно время была редактором журнала «Дети и культура» (Börn og menning), посвящённого детской литературе, редактором сайта Северного совета. Книга «Чужие тайны»

была в 2010 году удостоена литературной премии им. Томаса Гвюдмюндссона.

Из книги «Адаптация» (2024)

В эпоху пандемии

В полдень хочу пить вино
с французским мужчиной в панаме.
Под вечер хочу поддаться соблазну
потусоваться в отеле
вместе с Жюльет Бинош,
в одежде, отделанной лебяжьим пухом.

В эпоху пандемии
я сижу в посёлке
в шерстяных носках,
а мыслями я в Париже
с коллегами по офису
у площади Вогезов.

Мы все такие шикарные,
у нас каблучки стучат,
мы обедаем за столом со скатертью,
а совещания у нас в баре
в девять часов вечера,
а не в девять утра за компьютером.

А коллеги все открытые да искренние:
«У тебя не было секса целых полгода?
Это ж опасно для жизни!» –
говорит один.
«А я пойду к психотерапевту,
потому что не знаю,
собаку какой породы завести», – вторит другой.

А мы с Жюльет пьём «пасти»
и идём под кайфом в клозет,
планируем месть тем, кто нам насолил,
и находим повод устроить сцену,
обозвать кого-нибудь шлюхой

или откупорить шампанское:
ведь нам всегда найдётся, что отмечать.

Самоизоляция дарит мне тайных друзей,
живущих в сериале “Call My Agent”.
Посланцы кинозвёзд,
мои воображаемые близкие –
это важный противовес
совещаниям по удалёнке,
на которых сообщается
о новых запретах на сборища,
количестве заражённых
и пациентах на ИВЛ.

Общение отмирает

А где-нибудь в стране,
а где-нибудь в мире
есть те, кто недавно влюбился,
и, может, чувствуют себя так,
словно парят на мягком облаке
или словно заплыли далеко
и вот-вот потонут.
Тебе такое чувство знакомо?

Если б эти люди родились десятилетия назад, –
скажем, лет сорок, пятьдесят, шестьдесят, –
они б, наверно, ощутили потребность
писать любовные письма.

А сейчас бумажные письма сменились
сообщениями в телефоне.
Любовным письмам место лишь в музеях.
Никто не хочет изводить бумагу,
да и писать – дело долгое.

Уже никто не помнит, когда в последний раз
к нему приходил конверт по почте.
Сейчас встречаются люди, вообще не получавшие
писем, написанных от руки.

Мой друг не любит, когда в почтовый ящик что-нибудь бросают,
а что такое марки, и не ведает.

Письма вымирают в мировом масштабе.
Однако разнообразные послания,
которые можно пощупать руками,
издавна сопровождали человечество.
В древности женщины вырезали
свои списки покупок на дощечках
и клали в карман мореходам.

Под силу ли сообщению на экране передать эмоции рукописных писем?
А волнение, с которым вскрывались конверты?
Сухость бумаги под кончиками пальцев.
Слова, начертанные на листке,
может, и не следовало бы писать вовсе,
но всё же они хорошо сохраняются десятилетиями и даже веками.
А сейчас любовные письма – коротенькие фразы в мессенджере,
который, возможно, скоро закроется.

А в будущем кого-нибудь охватит ностальгия
при виде эсэмэсок:
«Ах, каки-и-ие времена-а-а ведь были!»

Это, конечно, нелепо – но я ощущаю: что-то утратилось.
У меня возникает желание прикоснуться к бумаге,
которой кто-то вверил своё душевное состояние,
я скучаю по словам, ради которых было не жалко
потратить деньги на марку.
Скучаю по обрывкам воспоминаний в пыльной коробке.

Улицы прошлого

На панорамах улиц на Гугл-картах можно увидеть[1]
на улице Скеггьягата женщину с коробкой,
а на улице Одинсгата – бывшего мэра, в шортах, выносящего на крыльцо таз с бельём.
По улице Ловюхоулар на синей «Тойоте» едет мой дедушка,

[1] Упоминаются улицы в разных районах Рейкьявика, как центральных, так и окраинных (Лёйгавег – оживлённая туристическая улица в центре, Ловюхулар – улица в спальном районе). (Прим. пер.).

умерший семь лет назад,
а на улице Лёйгавег туристы сидят перед кафе, которое уже давно разорилось.

От этих картин на душе у меня теплеет.
Как мне хочется, чтоб было возможно
смотреть Гугл-карты годов 1972, 1932, 1902.

Из книги «Чужие тайны» (2010)

Сочудствие[1]

Меня переполняет сочувствие к людям, которых нет. Когда я смотрю на окна верхних этажей с уродливыми шторами, я уверена, что за ними скрывается какая-нибудь безумно одинокая душа.

Например, женщина в матовых нейлоновых колготках и с дряблыми мышцами рук. Она полностью утратила радость бытия и всё глядит на запылённые выцветшие семейный фотографии на стенке, слишком громоздкой для такой тесной квартиры. Иногда она разговаривает по телефону со своей сестрой в Кеплавике о преступности, болезнях и запорах.

А может, там редковолосый мужчина в штанах, которые ему велики, с тощим задом. Он всасывает сквозь кусочек сахара полуостывший кофе из сетевого супермаркета, отсутствующим взглядом смотрит на фарфоровую табличку с «Молитвой безмятежности» и с ужасом думает, что скоро ему придёт пора спускаться в подвал и класть бельё в стиральную машину. Больше всего ему хочется уехать на Западные фьорды к брату, который часто бродит вдоль глубокого фьорда между превысоких гор.

(Переводы публикуются с разрешения автора)

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

[1] Заглавие носит каламбурный характер. (Прим. пер.).

Проза

КНУТ ГАМСУН (1859 – 1952)

Подводя итоги очередного жизненного отрезка пути, рада представить читателям дорогого и любимого журнала «Переводчик» два рассказа норвежского классика Кнута Гамсуна.

Осмелюсь утверждать, что всегда стремилась следовать традициям лучших переводчиков Гамсуна: Ю. Балтрушатиса, В. Хинкиса, С. Л. Фридланд, Ю. Я Яхниной, С. С. Белокриницкой (с последними тесно общалась. Старалась найти не только совсем новое, непереведённое на русский язык (это огромное количество статей, эссе, писем, ранний роман «Бьёргер»), но и обратить внимание на что-то такое, что на мой взгляд литературоведа и переводчика, требует нового перевода. Перевода взамен совсем архаичного текста или, скажем, невразумительного (например, роман «Мечтатели», который ранее был по недоразумению представлен нашему читателю как «Фантазёр» или даже «Сумасброд»), что не соответствует содержанию и смыслу этого ироничного, овеянного тонким юмором, но одновременно и глубокого произведения…

«На каменном острове» – это рассказ писателя, из сборника “Stridende liv” («Кипение страстей», 1905), то есть опубликованного чуть более 125 лет назад. Сурова жизнь обитателей Каменного острова, но хотя, казалось бы, есть там и своя гармония. Рыбаки и строители лодок, они ещё и разводят овец, а любовь Марселиуса и Фредрикке, «пастуха и пастушки», – это уж почти буколическая поэзия, но увы на дворе XX век с его модернистским художественным сознанием, и перед нами Антипастораль… Эти соображения настраивают на определённый лад и формируют ритм, общий тон, которые необходимы и русскому тексту.

В прежних переводах названия рассказа фигурировали следующие варианты: «На острове Бломаннен», «На синем острове», «На чёрном острове», «На Мавританском…», «На негритянском острове» и даже «Остров Чёрнаго» (!) Постепенно пришла к выводу что камень (а не его чёрный оттенок) – главное в характеристике этого острова, где нет приметных строений, как на соседнем Церковном острове, нет какой-либо растительности, как на других маленьких островках, что делает жизнь на нём особенно суровой.

Что же касается рассказа «Александр и Леонарда», то он в русском варианте показался мне хотя и сохраняющим свою притягатель-

ность, но в чем-то всё же фальшивым по тону, с невыразительными диалогами, некоторыми сомнительными бытовыми деталями…

В обоих рассказах одна и та же любовная коллизия, важнейший мотив творчества писателя: заносчивая и недоступная женщина, играющая чувствами влюбленного в неё мужчины, что так или иначе приводит к трагическому концу. Эта же коллизия, имеющая биографические истоки, является доминирующей в прославленных и всемирно известных романах писателя «Пан» и «Виктория».

Элеонора Панкратова

НА КАМЕННОМ ОСТРОВЕ

I

Там вдали**,** в открытом море, лежит множество островов, и среди них один совсем маленький, который называют Каменным островом; живёт там всего несколько десятков человек. Уже ближайший его сосед гораздо больше, да и обитают на нём целых три, а, может быть, даже пять сотен человек, на том острове есть церковь и своё местное самоуправление. Он называется Церковный остров. Со времён моего детства на Церковном острове уже были почта и телеграф.

Наибольшим уважением среди островитян всегда пользовались жители Церковного острова, обитателей же прибрежной полосы островитяне, особенно с Церковного острова, вообще ни во что не ставили, невзирая на то что, казалось бы, тем принадлежит вся суша. И те, и другие на многие мили вокруг испокон века были рыбаками.

Волны Атлантического океана со всех сторон омывают Каменный остров – далёкий остров в морских просторах. С трёх его сторон скалы совсем отвесные, и причалить к нему можно только с единственной стороны, с южной, той, что обращена в сторону полуденного солнца, и где люди, с помощью Господа, вырубили каменную тропу; и получилась лестница с двумястами ступеньками. Шторма и бури прибивают к острову брёвна, доски и прочий древесный хлам, и, как ни странно, из всего этого местные плотники строят здесь всевозможные лодки. Эти корабельные обломки им приходится поднимать вверх по каменной лестнице, затем они строят лодки поблизости от своих домов, а потом ждут зимы, когда северный склон обледенеет и его поверхность станет гладкой и ровной, и тогда с помощью тросов и талей[1] они спускают построенные лодки вниз по льду так, что те оказываются в море.

[1] Таль (*морской термин*) – устройство из блоков и тросов для подъёма тяжестей. (Прим. пер.).

Мне и самому в моём детстве доводилось видеть, как это происходит: двое мужчин стояли наверху и постепенно ослабляли тросы, при этом и в лодке находился человек, который следил, чтобы лодка ненароком не зацепилась за что-то во время спуска. Всё это происходило с чрезвычайной осторожностью, работа сопровождалась негромкими командами. А когда лодка, наконец, касалась воды, раздавался радостный возглас: «Баста!» Кроме этого единственного слова, никакого другого больше не произносилось, оно одно означало, что дело увенчалось успехом.

Самый большой дом на Каменном острове принадлежит старому, всеми уважаемому плотнику, лодочных дел мастеру Иоакиму. Это в его доме год за годом устраивается всеобщее празднование Рождества с танцами, ведь пять-шесть пар танцующих вполне могут развернуться в его просторной гостиной. Тут уж всегда приглашали музыканта-скрипача, а рядом с ним усаживался и другой – красивый парень, по имени Дидрик, который играл на гармошке, отстукивая такт ногой.

Один из них обычно во время танцев играл роль своеобразного распорядителя, чаще всего это был младший сын Иоакима, тоже отличный плотник. При этом он прославился не только своими золотыми руками, но также и светлой головой. «О, Марселиус!» – вздыхали все девушки не только на Каменном острове, но даже на самом Церковном острове. Сам же Марселиус думал только о Фредрикке, дочери учителя. Но она-то была благородная барышня, говорила книжным языком и семейство её было такое необыкновенное, так что у него было очень мало надежд когда-либо получить её руку и сердце. Ведь, известное дело, учитель – это не то, что простой рыбак, напротив – это выдающаяся личность, у него большой дом, а на окнах гардины. В его дом нельзя зайти просто так, предварительно не постучав костяшками пальцев по двери. А между тем, Марселиус был совершенно захвачен и ослеплён любовью к Фредрикке. В прошлом году ему довелось побывать в доме учителя, зашёл он и в этом году, но только не через парадный вход, а через кухню.

– Я бы хотел пожелать тебе доброго вечера, и можно ли поговорить с тобой кое о чём, Фредрикке?

– Что ты от меня хочешь? – спрашивает Фредрикке, которая прекрасно знает, что ему нужно, и выпроваживает его.

– А ты разве не догадываешься?

– Нет, ни о чём таком я не догадываюсь. И нечего тебе думать обо мне, Марселиус, больше не ходи за мной.

– Да уж, конечно, известное дело, что тебе нравится новый учитель. Ну поглядим, что из этого выйдет, сможешь ли ты задирать перед ним нос, как передо мной.

Ну что ж, новый учитель тоже влюбился в Фредрикке. Родом он был с Церковного острова и закончил учительскую семинарию. Отец его был простым рыбаком, как и многие, но вот разбогател и приобрёл почёт и уважение, его коптильни ломились от трески и сайры, а погреба от мяса, и масла, и вяленого палтуса. После окончания семинарии его сын стал ровней сыну самого пастора, который тоже после учёбы вернулся в родной дом. Это был молодой человек с бакенбардами, из кармана его сюртука всегда торчал кончик носового платка, который он носил там исключительно из щегольства. А внизу его шляпы под подбородком свисала длинная тесёмка. Глядя на его носовой платок, многие от души смеялись и говорили о том, что с самого раннего детства, то есть с сопливого возраста, Симон Руст отличается большой бережливостью, даже сопли в носовой платок собирает.

– Недавно он заказал у нас лодку, – сказал Марселиус, – и уж, надеюсь, она будет для него божьим благословением.

– К чему такие слова? – спрашивает Фредрикке.

– У меня есть для этого основание. Ведь он хочет, чтобы верхние края обшивки были зелёного цвета, это ладно, ну, я покрашу, как он хочет. Но вот что касается названия лодки, то пусть он намалюет его сам.

– А какое он хочет дать название лодке?

– «SUPERFIN». [1]

– Это ж надо такое придумать! Да и вообще, невелика посудина, ведь это же не шхуна с кабиной для жилья, это просто обыкновенная лодка… Так что знаешь ли, Фредрикке, может быть, ты передумаешь и выберешь меня.

– Ну уж нет, знаешь ли. Мое сердце принадлежит ему.

– Ах вот как, твоё сердце принадлежит ему! – вторит Марселиус и уходит.

Ближе к Рождеству сюда приезжает Симон Руст с Церковного острова, и он собирается сам написать краской название на своей новой лодке. Этот Симон Руст нашёл себе пристанище у здешнего учителя, и Фредрикке каждый день теперь ходит в праздничном, нарядном, платье, с шёлковым бантом на шее. И вот название лодки уже написано краской на её внешнем борту, не все здесь умеют читать старинный шрифт, которым оно написано, но кое-кто разобрал, что на лодке написано «SUPERFIN». Вот как он, оказывается, решил назвать свою лодку. Не только буквы, но и само название было чудное.

Наступил ясный звёздный вечер, до Рождества оставалось совсем недолго. Марселиус пришёл в дом учителя и вызвал Симона Руста для разговора.

---

[1] SUPERFIN – Самая лучшая, прекраснейшая (норвежский неологизм). (Прим. пер.).

– Ну вот краска уже высохла, – сообщил Марселиус.

– Ну что же, значит, завтра спустим лодку на воду, – отозвался Симон Руст.

Марселиус продолжал:

– Ну как, женишься на Фредрикке?

– Это тебя не касается, – парировал молодой учитель Симон.

– Знаешь, что если ты точно женишься на ней, то тогда я ничего не возьму за свою работу.

Симон Руст задумался. По своему характеру был он такой же скупой, как и его отец. Он позвал Фредрикке, которая была в доме своего отца, старого учителя, и спросил: «Это правда, что ты выйдешь за меня замуж?»

Фредрикке сказала «да», ведь её сердце принадлежало ему.

Ночь была ясная и звёздная, а глаза Фредрикке сияли от радости. По дороге домой Марселиусу вдруг пришло в голову, что зря он решил не брать денег за свою работу. Нет, пусть уж лучше лодка разобьётся при спуске на воду, без него ведь при спуске не обойтись.

Он пошёл мимо домов всё вперёд и вперёд под северным сиянием и звёздами. Вышел на самый северный склон острова, где уже лежали заготовленные им тросы и тали, которые будут использованы завтра при спуске новой лодки. Вокруг бушевали волны Атлантического океана. Спустился вниз.

Здесь Марселиус увидел два огонька, один из них горел на парусснике, а другой – на пароходе, который двигался прямо на восток. Марселиус подумал: «Лучше всего мне было бы оказаться на одном из этих кораблей и уплыть отсюда навсегда. Ведь теперь я навсегда потерял Фредрикке, и зачем мне оставаться на Каменном острове, когда она покинет его. Господи боже, Отец Небесный, спаси и сохрани её всегда в её жизни». Тут он подумал о своём намерении испортить лодку Симона и решил попросить у Всевышнего прощения за свои злые помыслы. Нет, он, конечно же, напротив, приложит все усилия для того, чтобы удержать лодку на тросах во время её спуска на воду. Ведь он хочет быть достойным человеком. Марселиус поднялся и направился в сторону дома, и тут вдруг до него донёсся тихий голос, он прислушался и понял, что кто-то окликает его. Он заметил, что кто-то идёт ему навстречу.

– Фредрикке, это ты? – спросил он.

– Да, это я. Я хотела только сказать тебе, что я беспокоюсь, как бы ты не сделал чего над собой, Марселиус.

– А я просто прогуливаюсь, – отозвался Марселиус.

Она взяла его за руку и сказала:

– Не следует принимать всё так близко к сердцу. К тому же я окончательно всё не решила.

– Как это не решила?

– Я даже не знаю, как всё будет! Он так несносно ведёт себя по отношению ко мне. Мне кажется, что ты лучше Симона. Сегодня мы с ним разговаривали, и он сказал мне: «Там видно будет».

Марселиус ничего не сказал на это. Просто шёл своей дорогой. Но Фредрикке была такая умная и рассудительная, даже, несмотря на свои переживания, она вдруг посоветовала ему:

– Не отдавай ему лодку без платы.

– Ладно, ладно, – отозвался Марселиус.

На том месте, где ей нужно было повернуть в сторону, она подала ему руку и сказала:

– Мне нужно поскорей идти домой, иначе он будет корить меня. Наверное, он видел, куда я пошла.

Тут они распрощались, и каждый пошёл своим путём.

На следующий день погода стояла безветренная и на море был штиль. Искусные плотники, лодочных дел мастера Иоаким и два его сына ещё до рассвета доставили новую лодку на то место, где находились тали, на северной оконечности острова; им помогали многие мужчины, стараясь нести лодку со всей осторожностью, для того, чтобы никак не повредить. И вот она, во всей своей красе, изящная и сверкающая свежей краской, повисла на тросах.

Старый учитель уговорил своего собрата по профессии Симона Руста перенести своё возвращение домой, на Церковный остров, на вечер, а сейчас пора было спускать лодку. Отношения между женихом и невестой не стали лучше, чем накануне, даже по тропинке, ведущей к лодке, они шли не рядом, а на достаточно далёком расстоянии друг от друга. Было видно, что Фредрикке мучили сомнения. Когда эти двое подошли к талям, то увидели, что Иоаким и его помощники были уже в сборе. Мужчины сняли шапки и поклонились двум учителям и их спутнице Фредрикке.

– Всё готово? – спросил Симон.

Иоаким ответил:

– Всё готово. Рад служить.

Вдруг Фредрикке с сомнением и тревогой громко произнесла:

– Ты бы лучше поостерёгся, Марселиус. Может быть, кто-то другой будет сегодня в лодке во время её спуска?

Все слышали её слова.

– Да он прекрасно справится с этим делом, он человек бывалый, – произнес Иоаким, отец парня.

– Какое глупое название дали лодке, – заметила Фредрикке.

– Напротив, название прекрасное, – заметил её отец снисходительно. – Ты этого не можешь понять, Фредрикке.

Тут Симон Руст коротко бросил:

– Я сам сяду в лодку.

Многие пытались удержать его от этого, но Симон, не обращая внимания на увещевания, забрался в лодку и устроился в ней. Ещё несколько минут его продолжали уговаривать, но Симон повторил надменным, не допускающим возражений тоном:

– Нет, в лодке буду я. Пусть Фредрикке будет спокойна за Марселиуса.

– Ну тогда хорошенько привяжись к лодке, – советует Иоаким и протягивает ему канат.

– Опускайте, – командует раздражённо Симон.

Ослабили тросы. Лодка стала опускаться. Свисающую под подбородком тесёмку шляпы он привязал к пуговице.

Раздаётся крик Иоакима. Снизу слышен ответный крик Симона, но друг друга они уже не видят. Время от времени Иоаким окликает Симона, но тот отвечает всё реже и реже, видно, так уверен в себе, что считает это зряшным делом; наконец, он совсем умолкает. Марселиус стоит в стороне от происходящего, ведь у него здесь сейчас нет никакого дела.

– Наверное, сейчас он уже на полпути, – произносит Иоаким. – Ну что ж, этот парень понимает, что к чему.

И тут вдруг снизу раздаётся странный крик. Никто не понимает, что происходит, потому что это явно не всеми ожидаемый возглас «Баста», а только какое-то «ао, уэ уэ», и те, кто держит тросы, ощущают сильные рывки.

Иоаким и его помощники приходят к выводу, что им следует поднять лодку немного вверх, что они и делают. И тут раздаётся пронзительный, душераздирающий вопль, потом все слышат, как лодка ударяется об отвесный склон с такой силой, что от громкого эха содрогается весь остров.

Все стоят с белыми как мел лицами. Вдруг люди наверху скалы ощущают, что тросы в их руках совсем ослабели. Все разом заволновались и закричали, тогда Иоаким командует: «Ещё ослабить тросы! Немного погодя он отдаёт другую команду: «Поднимайте!» Но все понимают, что все это не имеет никакого значения: лодка, скорее всего, пуста. Судя по всему, в какой-то момент лодка опрокинулась, и Симон упал в море.

В это время с Церковного острова послышался колокольный звон, созывая народ на рождественскую службу. Ну, какое уж тут было Рождество!

А Фредрикке, несмотря ни на что, оставалась умной и рассудительной, как всегда. Она подошла к Марселиусу и сказала:

– Да простит меня Господь Всемогущий, но я так рада, что это не ты был в лодке. Но всё же, чего ждёшь? Надо бежать к южной стороне, отвязать лодку и искать Симона.

Тут все поняли, что Фредрикке права, и все мужчины бросились на южную сторону острова. На месте оставался только один лишь старый Иоаким, искусный плотник, лодочных дел мастер.

II

«Ну что же, не вечно же мне здесь стоять и удерживать эту лодку! – предавался размышлениям Иоаким, – нужно либо её совсем поднять на самый верх, а на это у меня у одного не хватит сил, либо спустить её на воду!» Он поразмышлял об этом ещё немного и отпустил тросы.

И тут произошла удивительная вещь: оказалось, что, чтобы лодка коснулась поверхности воды, ему пришлось отпустить совсем немного троса. И вот лодка уже была на поверхности воды.

Иоаким никак не мог взять в толк происходящее. Он поднял трос приблизительно на сажень, а затем снова отпустил его. Лодка почти сразу же оказалась на воде. Тогда Иоаким ощутил огромную радость, которой ему не с кем было поделиться. Дело в том, что, если лодка находилась всего лишь в паре саженей от водной поверхности, Симон Руст не мог при падении разбиться насмерть о скалу. Только бы он не утонул!

– Скорей, поспешайте, ребята! – что было мочи закричал Иоаким бегущим к южной части острова. – Его ещё можно спасти!

Он всё ещё придерживал трос, и ему на миг показалось, будто кто-то держится за лодку там внизу. «Может быть, это просто волны бьются о днище и лодка колышется на волнах», – подумал Иоаким. И всё же, наклонившись вниз, он изо всех сил закричал:

– Ты жив?

Но в ответ он услышал лишь плеск морских волн.

Бесконечно долго удерживал он своими руками тросы; он мог бы как-нибудь закрепить трос и спокойно ожидать дальнейшего, но Иоаким решил, что так негоже, что сам он может и потерпеть, ведь порой несколько минут могут спасти человеческую жизнь. На его глазах мог безвременно погибнуть образованный, обладающий многими знаниями человек. Таким образом, эта жизнь была особенно ценной.

Долго и томительно шли минуты ожидания. Ветер снова принёс звон колоколов с Церковного острова, и в их звоне Иоакиму почудилось что-то тревожное, предостерегающее. И наконец, совсем издалека, снизу до него стали доноситься голоса тех, кто устремился на помощь Симону. Теперь Иоаким уже понял, что в лодке гребут его собственные

сыновья, и он мог быть уже уверен, что она быстро достигнет берега.

Иоаким затаил дыхание и прислушался.

– Он здесь, мы нашли его! – крикнул Марселиус.

– Нашли? – переспросил отец, обращаясь вниз с высоты горного утеса.

И тут он почувствовал, что ему больше незачем держать трос, лодку уже отвязали. Он прислушался к происходящему внизу и закричал:

– Он жив?

– Да, жив! – отозвался Марселиус. – Давай, тяни трос.

– Слава тебе, Господи Всемогущий, – пробормотал Иоаким.

Он вытянул трос наверх, взял себе порцию жевательного табаку и пошёл в сторону лодочного причала на южной стороне острова, навстречу всем. По дороге лодочных дел мастер всё думал и думал о произошедшем. Его осенило, что Симон – человек образованный, но при этом хороший прохвост, так как вполне возможно, что это он сам раскачал лодку и бросился в море, когда до воды оставалось всего несколько саженей. «Так что вполне может быть, что это всего-навсего какая-то продуманная хитрая выходка!» – заключил Иоаким. Тут он встретил учителя и его дочь, и сообщил им:

– Симона спасли.

– Спасли? – воскликнула Фредрикке. – Ты шутишь!

– Нет, точно, он спасён.

Старик-учитель только что воскликнул:

– Слава тебе господи!

Было видно, что он рад без памяти. А вот Фредрикке как будто бы замерла на месте.

Когда лодки приближались к причалу, то все увидели, что в одной из них сидит Симон Руст и изо всех сил гребёт; он промок до нитки, и его трясло от холода.

– Ты не поранился? – спросила Фредрикке. – А где же твоя шляпа?

– Мы не смогли найти её, – ответил за Симона Марселиус.

– Тогда ты мог одолжить ему свою шапку, – произнесла Фредрикке, которая теперь во всю проявляла заботу о Симоне.

– Он не хочет брать мою шапку, – отозвался Марселиус.

– Нет, уж извините меня, пожалуйста, я не возьму твоей шапки, – заявил Симон, хотя у него зуб на зуб не попадал от холода, он всё ещё оставался прежним гордецом.

Тут старый учитель стал расспрашивать своего коллегу и собрата по профессии о том, как произошло несчастье. При этом Иоакима всё время не оставляла мысль, что разговор этот какой-то странный и в нём

есть какая-то тайна, как будто тут что-то было продумано заранее: Симон Руст рассказал, что в семинарии он научился плавать и что это-то и спасло ему жизнь, но что при этом ему довелось испытать танталовы муки, прежде чем он увидел направляющуюся к нему лодку своих спасателей. Иоакиму показалось, что Симон описывает всё произошедшее как-то неестественно, так, чтобы в дальнейшем избежать всяческих кривотолков по этому поводу.

– Скажи мне только одно, – тут он повернул голову к Фредрикке.

– Какое у тебя было состояние духа, Фредрикке, когда узнала, что моя лодка опрокинулась и я упал в море?

– Состояние духа? – переспросила Фредрикке.

– Да, каковы были твои первые слова?

Фредрикке быстро пришла в себя.

– Я тут же стала созывать народ, чтобы все побежали тебя спасать, – ответила она.

– Ну что ж, это хорошо, – заметил Симон.

Марселиус хранил молчание. Тут он понял, что Симон Руст снова завоевал сердце Фредрикке.

– Нам надо скорей спешить домой, чтобы Симон мог просушить свое платье, – вмешался в разговор отец Фредрикке. – Это будет просто чудо, ежели ты, Симон, выживешь после такой передряги.

Тут все бросились вытаскивать лодки на берег, и при этом Марселиус проявил одинаковую заботу об обеих лодках: он положил под лодку Симона такие же дощечки, как и под свою собственную, чтобы, не дай бог, лодки не унесло ветром в открытое море. По дороге он отстал от других, шёл, молча предаваясь своим мрачным мыслям.

В тот же вечер Фредрикке пришла зачем-то к соседям, но в дом Марселиуса не заглянула. Он нарочно вышел на крыльцо, чтобы поговорить с ней, и, когда она приблизилась, он произнес:

– Добрый вечер. Ну что, вышла прогуляться при северном сиянии?

– Нет, я иду по делу, – отозвалась она. – А что ты думаешь о чудесном спасении Симона, которое произошло сегодня?

Марселиус отозвался:

– Вот что я тебе скажу: никакого чуда не было.

– Вот как! А если бы ты сам выпал из лодки, ты бы сумел спастись?

– А он и не выпадал из лодки. Он сам выпрыгнул из неё, когда она была совсем близко от воды, – так говорит мой отец.

– Выпрыгнул? Не может быть! Ты-то на такое, небось, не решился.

Марселиус ничего не ответил.

– Ты-то ведь не умеешь плавать, – продолжала Фредрикке, – и не знаешь всего того, что знает Симон. И ты не умеешь играть на органе.

– Так значит, вы все-таки поженитесь? – спросил Марселиус.

– Я не знаю, что и как будет, – отозвалась она. – Но, похоже, дело идёт к тому.

Тут Марселиус с горечью произнес:

– Ну что ж значит, так тому и быть, я отдам вам лодку бесплатно, как уже и обещал раньше.

Фредрикке задумалась, а потом сказала:

– Хорошо, если мы с Симоном поженимся, пусть так оно и будет. Но если у меня с ним не получится, то я выйду за тебя, и тогда пусть он заплатит тебе за работу, а лодка будет наша с тобой.

Казалось, Марселиус совсем не удивился её словам, он только спросил:

– Когда же, наконец, будет все ясно?

Фредрикке отозвалась:

– Завтра он уезжает домой, так он говорит, по крайней мере. – Но ведь ты понимаешь, я так прямо не могу у него спросить.

Таким образом выходило, что Марселиусу придётся ещё ждать несколько месяцев для того, чтобы удостоиться определённого ответа.

Симон Руст уехал домой на Рождество и до этого времени не принял никакого окончательного решения насчет женитьбы на Фредрикке. Потом пошли слухи, что он ухаживал за девушками по всему Церковному острову, и нигде не было ему отказа: все уважали его отца. При этом Симон нигде не делал определённого шага и оставался свободным как ветер. В конце концов, он решил сделать предложение учительнице из пасторской усадьбы, но уж эта барышня занимала столь высокое положение, что тут уж Симон Руст получил отказ.

Все эти слухи и пересуды доходили до Фредрикке, и она всё более погружалась в свои печальные думы.

На Святки как и всегда, в доме Иоакима устраивался праздничный вечер с танцами, и, конечно же, Марселиусу, сыну хозяина, распорядителю танцев, предстояло там быть не последним лицом. Тут уж всегда приглашали музыканта – скрипача, а рядом с ним усаживался и другой – красивый парень по имени Дидрик, который играл на гармошке, отбивая такт ногой.

Но вот тут как-то незадолго до праздника, в один прекрасный день, к острову причалила лодка. Это приплыл старый рыбак Руст с приглашением Фредрикке отправиться на Церковный остров, на танцы, которые устраивались в тот же самый вечер, что и на Каменном острове. Фредрикке поспешно нарядилась и отправилась на праздник на Церковный остров.

У лодочного причала она встретила Марселиуса, и он спросил её:

– Ну так что, ты привезёшь теперь оттуда решение?

– Да, скоро ты будешь знать окончательный ответ, – отозвалась Фредрикке.

Она села в лодку, думая о том, что теперь она знает, как ей поступить.

Старый рыбак Руст радушно принял Фредрикке в своём доме, и на танцах она пользовалась большим успехом у парней со всего Церковного острова. А вот сам-то Симон, сын хозяина, заигрывал со многими девушками и относился к Фредрикке как-то безразлично.

Гостеприимный хозяин предлагал всем и выпивку, и кофе, не зря же ему доставили несколько бочонков спиртного; сам он благодушествовал и вёл степенные беседы с пожилыми рыбаками. Симон Руст тоже то и дело пропускал по стаканчику и совсем не важничал, хотя и не танцевал с дочками рыбаков, помня о том, что ведь он здешний учитель.

Ночью, когда все уже разошлись по своим домам, Фредрикке шла по дороге вместе с Симоном, она собиралась остаться, как было договорено, на Церковном острове до утра. Она шла и думала о том, как было глупо с её стороны принимать ничего не значащие ухаживания Симона за свидетельства его глубоких чувств.

– Я хочу немного прогуляться, освежиться после танцев, – произнесла Фредрикке.

– Лучше бы этого не делать, это может нанести вред твоему здоровью.

– Смотри-ка дверь этого сарая почему-то открыта, – произнесла Фредрикке и указала на сарай.

Симон как-то не заметил этого раньше.

– Давай пойдём и закроем её, – предложила Фредрикке.

Они подошли к сараю, ярко освещенному северным сиянием и звёздами.

Фредрикке сунула голову внутрь и сказала:

– Давай посмотрим сколько сена вы запасли.

И они оба вошли в сарай.

– У нас есть сено и наверху, – поведал ей Симон.

– Где?

Симон залез наверх и показал ей где.

И Фредрикке залезла вслед за ним.

III

Фредрикке снова заставила Марселиуса жить в состоянии неопределённости относительно окончательного решения, выйдет ли она за не-

го замуж, и он продолжал смиренно ждать, всё ещё питаясь хрупкой надеждой.

В марте, незадолго до Масленицы, Фредрикке так и не сказала Марселиусу ни да, ни нет, хотя она давала понять, что всей душой надеется выйти замуж за Симона.

– Ну, ну, понятное дело.

Он уже больше ничего не говорил о той лодке. Теперь ему было уже все равно, пусть себе забирает лодку бесплатно. Марселиус занялся устройством собственной жизни. При этом он стал совсем иным в общении с другими, всё более пребывал в одиночестве.

А дни становились все длиннее, солнце светило все ярче, снег растаял, никакой наледи уже не оставалось, лодки спускать на воду уже было нельзя. Таким образом, у строителей лодок оказалось время для небольшого отдыха в течение пары-другой недель; весенние штормы пригнали к острову косяки рыбы, и они принялись за рыбный промысел. Однажды во время лова Марселиус с братом увидели вдали дрейфующую в океане шхуну со сломанными мачтами, на шхуне никого не оказалось, братья заработали большие деньги, пригнав судно к острову и поставив его здесь на прикол.

Совсем неудивительно, что положение Марселиуса после этого события весьма упрочилось, а так как он к тому же и постоянно приглядывал за стоявшей на приколе шхуной, то он стал как бы капитаном потерпевшего кораблекрушение судна. Потом объявились судовладельцы из Дании и заплатили Марселиусу деньги за то, что он позаботился об их шхуне, и сумма этих денег оказалась очень значительной по масштабам Каменного острова, при этом слухи ещё и преувеличили размер этой суммы, так что история со спасённой шхуной на долгие годы стала предметом домыслов и пересудов. Стали поговаривать, что лодочных дел мастер Марселиус будет теперь купцом и возьмёт себе фамилию Йоакимсен.

Однажды Марселиус пошёл к Фредрикке и прямо спросил:

– Ну так что, ты окончательно решила выходить замуж за Симона?

– Да, так оно и будет, – отозвалась она.

Вместе с ним она отправилась в сторону его дома, а по дороге начала кокетничать с ним.

– Если бы мы были с тобой такими же друзьями, как и прежде, то я бы попросила тебя съездить на лодке к Симону и привезти его сюда. Но ведь теперь ты стал таким важным, Марселиус.

– Ну что же, я докажу тебе, что я такой же, как и раньше, не привык задирать нос.

И он, как всегда, со всей своей честностью и открытостью, поп-

лыл в сторону Церковного острова за Симоном.

После того как Симон был доставлен на остров, побыл здесь в гостях и отбыл обратно, Марселиус снова подошёл к Фредрикке и спросил, по-прежнему ослеплённый своей любовью:

– Ну так что, вы решились наконец?

Она отозвалась:

– Да. И теперь у нас есть хороший повод, чтобы поспешить с этим.

Ну что ж, больше спрашивать было не о чём.

– Ты ведь знаешь, как оно бывает, когда кому-то отдашь своё сердце, – сказала Фредрикке. – Я всегда любила только его.

На это Марселиус ничего не ответил, так как для него это были лишь красиво сказанные книжные слова. Он предложил ей выпить у них кофе, но, поблагодарив, она отказалась, не стоит ему на неё тратиться. Собираясь уходить, она вновь заговорила о той самой лодке.

– Ну что же, тебе теперь уже всё равно, получишь ли ты плату или нет? – спросила она. – Ведь так? Теперь ты богач. Это меня Симон просил узнать тебя об этом.

– Да я совсем и не думаю об этой лодке, – отозвался он, – слава богу, у меня есть и деньги, и положение. Скажи, пожалуйста, в какой день будет церковное оглашение вашей помолвки?

– Через две недели.

– А ты уже думала о наших «исландцах»[1]? – спросил он.

Она ответила:

– Давай с этим пару недель подождём. Ведь время ещё есть, снег ещё не везде сошёл.

– Я просто так спросил.

Через две недели в церкви огласили помолвку Фредрикке с Симоном Рустом. Наконец-то случилось то событие, которое ожидали все на Каменном острове. Вечером того же дня Фредрикке пришла в дом плотника Иоакима. Она была она в каком-то игривом настроении.

– Счастья тебе и божьего благословения! – произнесла жена плотника, лодочных дел мастера Иоакима. – Я ведь слышала сегодня, как пастор объявил о твоей помолвке.

– А может быть вы ослышались? – пошутила Фредрикке.

– Счастье и божьего благословения тебе! – сказал и Марселиус. – Ну так что, как же быть с нашими «исландцами» в этом году?

Фредрикке рассмеялась в ответ:

---

[1] Исландцами (utgangere) здесь называют особую породу овец. Эти овцы с очень густой толстой шерстью были вывезены из Исландии, теперь они живут сами по себе, самостоятельно находя себе корм зимой и летом. Раз в году их вылавливают и стригут, обычно это делают весной, когда устанавливается тёплая погода. (Прим. пер.).

– Что-то ты в этом году уж очень спешишь заняться стрижкой овец. Что это с тобой? Ведь обычно мы не делали этого раньше весеннего благодарственного молебна.

– Сдаётся мне, следует спросить тебя об этом.

– Между прочим, я как раз и пришла сказать тебе, что завтра можно было бы этим и заняться, я пришлю тебе помощницу, – произнесла Фредрикке.

Он поспешно спросил:

– Зачем мне какие-то помощники? Разве ты сама не пойдёшь со мной в этом году?

Дело в том, что в этом году ей видите ли, надо поберечь себя. Тогда Марселиус задал ей прямой вопрос, а она покраснела до корней волос и ответила:

– А ты не догадываешься? Неужели я тебе должна всё рассказать?

Впрочем, Фредрикке всё же пойдёт в этом году стричь овец, как всегда, это ничего, что в последние недели она как-то странно стала полнеть.

Когда Марселиус услышал всё это, то бросился вон из дома и уже больше не входил в него, пока она не ушла.

Марселиус сошёл немного вниз по каменным ступенькам, туда, где была длинная пещера с отсеками для строящихся лодок. Лодки здесь были самые разные: от каяков до четырёхвёсельных. Он навёл здесь полный порядок, положил все инструменты по своим местам и подмёл пол. Стоял май месяц, и было светло почти до одиннадцати вечера, и даже ещё позднее. После этого Марселиус завернул на лодочный причал. Его лодка стояла, как будто бы ожидая его. Домой он вернулся лишь только к полуночи.

Раздеваться он не стал, как был в одежде, так и присел на краю их со старшим братом кровати, тот спокойно спал. Марселиус подошёл к окну и стал вглядываться вдаль. «Боже мой, вот оно как всё! Боже Всемогущий!» – тихо произнес он и повернулся к кровати. Он лёг на неё, не раздеваясь, и так и пролежал до самого утра, не сомкнув глаз. Услышав, что мать встала и начала хлопотать по хозяйству, он тоже поднялся, разбудил своего брата и встал с кровати. Было всего четыре утра.

– Что-то ты сегодня рано поднялся, – проговорила мать.

– Я думаю о стрижке «исландцев», – отозвался он. – Если мы будем их стричь сегодня, то отправиться надо пораньше.

Вот они и собрались, два брата и их мать, и пошли к дому учителя, там они остановились у крыльца, ожидая Фредрикке. Фредрикке взяла с собой служанку. Таким образом, в лодке их было пятеро.

Братья сидели на вёслах и гребли ритмично и уверенно, а женщи-

ны вели беседу между собой. Солнце вставало всё выше, тот маленький островок, на котором паслись исландские овцы, тихо покоился среди окружающей его морской глади. Уже издалека овцы заметили приближающуюся лодку и перестали жевать, стояли, изумлённо взирая на приближавшихся в лодке людей. Для того чтобы окончательно не распугать животных, теперь приходилось грести тихо, почти бесшумно.

Дело в том, что овцы совершенно забыли, что люди и в прошлом году приплывали к их острову, они вели себя так, как будто никогда прежде не видели подобной картины: лодка, а в ней люди. Ошеломлённые животные всё смотрели и не двигались с места. Стоило лодке подойти к острову, как большой косматый баран затрясся от страха.

Он бросил взгляд на своих собратьев, а потом снова уставился на лодку. Когда пятеро людей вступили на остров, то сначала всё стадо как бы замерло, наблюдая, как лодку втаскивают на берег, но потом, по-видимому, баран решил, что теперь-то наступил самый опасный момент, и во всю прыть бросился прочь в глубину острова. Стадо последовало за ним.

– Вот незадача-то, как переловить этих овец, – судачили женщины между собой.

И вот теперь все прибывшие на остров приступили к делу. Они решили, что следует переловить ягнят, тогда матки сами прибегут за ними. Они бегали по острову, пока наконец им не удалось схватить первую взрослую овцу. Животные были так перепуганы, что в панике бросились в сторону лодки, а потом с отчаяния прямо в море. Тогда Марселиус сам вошёл в воду и стал выводить их оттуда одну за другой.

– Да ты совсем промок, – заметила Фредрикке.

В то время как все три женщины стригли овец, рядом с каждой стоял кто-то из мужчин, держа наготове следующую овцу с уже перевязанными ногами. Марселиус стоял рядом с Фредрикке. Жаркое весеннее солнце светило над ними.

– Вот и вторая готова, – сказала Фредрикке, ссыпая шерсть в мешок и поднимаясь со своего места.

– Давай-ка мы с тобой попробуем вместе словить ещё какую-нибудь из овец, – предложил Марселиус каким-то странным дрожащим голосом.

Фредрикке пошла вслед за ним, и они отошли подальше от других.

– Сдаётся мне, что все овцы убежали на другую сторону, – заметила Фредрикке.

Марселиус ответил:

– А давай сначала здесь посмотрим.

Они вышли к северной оконечности острова, здесь была тень, ко-

торая могла привлечь овец, но их здесь не было.

– Наверное, они на мысу, – произнёс Марселиус и заспешил прочь.

Но теперь Фредрикке уже не та, она не могла порхать как бабочка и поспевать за ним, как в прежние дни, и она осталась на месте. Тогда Марселиус схватил её за руку, принуждая идти, при этом увещевая её неестественно громким голосом:

– Сейчас ты увидишь! Сейчас ты увидишь, увидишь!

– Зачем ты кричишь так громко, ты испугаешь овец, – сказала Фредрикке, которая только и думала о деле, которое привело их сюда.

Но он, крепко сжимая ее руку, продолжал увлекать её за собой и громко твердил с какой-то безумной интонацией:

– Вот теперь ты увидишь! Я тебе покажу, как играть на органе!

– Что тебе нужно от меня? – спрашивала она, вглядываясь в его лицо.

Это было чужое, непроницаемое лицо.

Она пыталась было сопротивляться и всей тяжестью повисла на его руке, подошвы башмаков скользили по каменному склону, а он безжалостно тащил её всё дальше к краю. Она поняла, что Марселиус хочет убить её, и тут силы оставили её. Он приволок её на самый край мыса, и, молча, не издав даже крика, она упала вниз, в море.

Она была так парализована страхом, что, падая, даже не вцепилась в его одежду. И он остался стоять на краю мыса целый и невредимый, хотя его замысел состоял в том, чтобы броситься в бездну вместе с ней.

В замешательстве он огляделся вокруг: нет ли кого поблизости. Потом внимательно огляделся ещё раз, внизу глухо шумели морские волны, которые только что приняли к себе Фредрикке. Теперь и он последует за ней. Он снял свою куртку и хотел было уже спрыгнуть, но передумал, стал спускаться вниз по утёсу, осторожно ставя ногу, чтобы случайно не соскользнуть. Остановившись на полдороге, он подумал, что ведь теперь ему безразлично, если он упадёт и поранится, но тем не менее продолжал спускаться, тщательно выбирая место, куда поставить ногу.

Море билось об отвесные скалы, и до морской глади оставалось всего лишь несколько шагов, здесь и остановился Марселиус. Он снял с себя всю одежду и аккуратно сложил её на утес, как будто бы на тот случай, если бы вдруг она могла бы кому-нибудь пригодиться. После этого он сложил руки на груди и обратил молитву к господу нашему Иисусу Христу. А потом ринулся вниз.

АЛЕКСАНДР И ЛЕОНАРДА

Была в наших краях протока Глимма. И жил в наших же краях цыган по имени Александр. С Александром мне довелось как-то беседовать в крепости Акерсхюс, куда его заточили за разбой. Недавно я прочёл в газете, что опасный преступник умер, не вынес душной тюремной камеры. А мне он поведал о том, как однажды погубил девушку…

Сегодня я размышлял об этой истории и в смятении начал рассказывать её с середины. А лучше начать с самого начала.

В Нурланне много рыбаков, зажиточных и победнее. Зажиточный рыбак – могущественный человек в здешних краях, у него кошельковый невод для ловли сельди, своя пристань и дом – полная чаша. Он ходит в просторной одежде из добротной ткани, отчего кажется ещё более внушительным, – признак того, что в еде он себе не отказывает. Он с лёгким сердцем платит налоги – священнику и всем остальным, а на Рождество покупает целую бочку спиртного. Его усадьба всегда на виду, дом обшит досками и выкрашен в красный цвет, а оконные рамы и дверь – в белый. Его сыновей и дочерей сразу узнаешь в церкви по нарядной одежде.

Однажды на пристани такого вот рыбака, Енса Олаи, появился большой цыганский табор. Было это ранней весной. Цыгане приплыли на своей лодке, их вожак – старый Александр, по прозвищу Перекати-поле, был настоящий богатырь, ростом в три аршина. С лодки сошёл также молодой парень лет двадцати и прямиком направился к дому Енса Олаи попрошайничать. Это был молодой Александр. Случилось это всё в моём детстве. Мы, дети, узнали Александра, он играл с нами несколько лет назад, когда был моложе, и мы менялись с ним блестящими пуговицами и разными железками.

Енс Олаи, человек гордый и степенный, никому ничем обязан не был, потому велел цыганам убираться восвояси; но Александр – он был дерзкий и бесстрашный – уступать ему не захотел.

– Ты можешь получить работу, – сказал Енс Олаи.

– Какую работу?

– Будешь чистить котлы и кастрюли. Кроме того, помогать по хозяйству моей жене и дочери, когда мы, мужчины, уйдём в море.

Александр пошёл к лодке спросить совета у своих соплеменников. Вернувшись, он сообщил почтенному Енсу Олаи, что согласен поступить к нему на службу. Видно, что в этой усадьбе есть чем разжиться. Прошло немного времени. Енс Олаи и его сыновья ушли в море, в усадьбе остались только его жена и дочь Леонарда. Ей было всего двадцать лет.

Молодой Александр вел себя вполне благопристойно. Он взялся приглядывать за коровами и лошадьми, лечил их от разных напастей. Вскоре жена рыбака начала выказывать ему особое своё расположение, хотя ей было уже под сорок. Но цыган отшучивался, у него, дескать, в отцовской лодке осталась возлюбленная, и ни о ком другом он не помышляет. Раздосадованная жена рыбака начала шпионить за дочерью, боялась, как бы у той чего не вышло с цыганом. Едва успел сойти снег, и земля немного оттаяла, стала она посылать Александра копать торф на болоте, подальше от дома. С болота, где он смиренно отбывал свою повинность, доносились его непонятные песни. Он был рослый и могучий, этот язычник.

Леонарда говорила с ним редко, он вообще мало что значил для неё, дочери самого Енса Олаи. Но весна – время опасное, и когда стало по-настоящему тепло, глаза у Александра засияли, как звёзды, и, проходя мимо Леонарды, он всё норовил задеть её. Из её сундука каким-то непостижимым образом стали пропадать вещи, хотя замок на нём был исправный. А потом обнаружилось, что у него отстаёт дно, и Леонарда обвинила во всем Александра.

– Да не крал я у тебя ничего, – сказал он. – Но обещаю, всё будет снова на месте, только не закрывай вечером дверь в спальню…

Она взглянула на него и сказала:

– А не лучше ли завтра тебе убраться подобру-поздорову из нашего дома?

Но уж что-что, а просить цыган умеет, его алые губы, смуглая кожа и глаза хоть кого обольстят. Да и в любовных утехах он непревзойдён.

Как-то Леонарда сидела во дворе и вязала, а Александр, проходя мимо, сказал:

– Позволь мне всё-таки остаться на торфяном болоте. Я буду стараться, и ни одной дерзости ты от меня не услышишь.

Она взглянула на него и почувствовала, как эти слова прямо пронзили её. Он снял картуз, и она увидела, что у него густая копна волос и красивый алый рот.

И Леонарда сказала:

– Ну да ладно.

И склонилась над вязанием, щёки её пылали.

Цыган соображал, что делал, когда униженно просил молодую девушку разрешить ему остаться на торфяном болоте. Просто хотел подольститься к ней, ведь он прекрасно знал, что вовсе не она, а мать всем здесь распоряжается.

Дни шли.

Сын местного столяра Конрад был в отъезде, обучался ремеслу

отца. Выучился в городе и стал искусным мастером. Жил он на другом берегу Глиммы, и всякий, кому нужен был сундук особо тонкой работы, обращался к нему. Однажды Леонарда решила отправиться к Конраду, и Александр перевёз её на другую сторону.

Она засиделась у юного Конрада, они говорили о новом сундуке, который она приехала заказать, да и о многом другом, ведь они знали друг друга с детства. Потеряв терпение, Александр подошёл к дому столяра и заглянул в окно. Но тут же отпрянул и, разъяренный, ворвался в дом.

Все трое уставились друг на друга. Цыган был похож на скакуна с развевающейся гривой и раздувающимися ноздрями.

– Ну ладно, иду, иду, – сказала Леонарда, чтобы успокоить его.

Мужчины смерили друг друга взглядами, оба молоды были. Александр пошарил за поясом, но ножа при нём не оказалось, и взгляд его погас. Цыган беспомощен без оружия, но, если при нём нож, он смел и безрассуден, может и убить.

Это была первая их встреча.

Через неделю столяр Конрад доставил сундук в дом знатного рыбака. Сундук был слажен на совесть, и замок на нём был новый, хитроумный. Как только Леонарда начала перекладывать в него добро, она обнаружила в старом сундуке пропавшие вещи в целости и сохранности.

– Опять ты, – упрекнула она цыгана.

– Нет, не я, – сказал цыган и снова солгал, просто так, по привычке.

Столяр зачастил к Леонарде, она угощала его кофе. А цыган умудрялся улучить момент и плюнуть в кофейник. Когда столяр возвращался домой, он шёл за ним по пятам как тень. Мужчины мерили друг друга взглядами, а Александр нащупывал нож.

– Ты зря суетишься, цыган. Сегодня она дала мне слово.

Александр вспыхнул и выхватил нож. Но столяр успел вскочить в лодку и оттолкнуться от берега. А когда оказался в полной безопасности, в нескольких саженях от берега, крикнул, что донесёт на бродягу властям.

Дни шли.

Старый Александр, по прозвищу Перекати-поле, снова причалил к пристани на своей лодке, чтобы забрать сына, но молодой Александр не захотел возвращаться и стал просить, чтобы ему разрешили закончить службу, как было договорено. Отцу он наплёл, что ещё много чего наворует в усадьбе, и цыганская лодка отплыла без него.

Однажды молодой Александр сказал Леонарде:

– Уже ласточки прилетели. Не пойти ли нам с тобой на пристань,

прикажи мне привести в порядок бочки и снасти, ведь скоро путина.

Леонарда не понимала ещё, что с цыганом шутки плохи, она насмешливо скривилась и сказала:

– Ну что ж, пойдём.

Но на этот раз её насмешка не была суровой, а скрытый смысл его слов не возмутил её. Она видела, что любовь цыгана становится всё горячей.

Не успели они подойти к пристани, как Александр обнял её и стал целовать в губы.

– Ты спятил, – произнесла она и высвободилась из его объятий, едва не задохнувшись, щёки её пылали.

– Ну так что, уходить мне завтра со двора?

На сей раз Леонарда ответила ему кротко:

– Смотря как будешь себя вести.

– Впредь это больше не повторится.

Слова своего он не сдержал. Он всё время задевал её и приставал со своими нежностями.

И сердце Леонарды начало уступать смуглому язычнику. Она уже не задирала нос, ни кичилась. Хотя и не сразу ему удавалось подступиться к ней, но потом взгляд её становится томным и нежным в его присутствии. Всё это случилось в ту пору, когда распускается листва и над Нурланном стоят удивительные светлые ночи. Наконец однажды на торфяном болоте она подошла к нему совсем близко – он стоял на самой его середине, – а ведь могла поставить узелок с едой, как и раньше, у края болота. Но ей захотелось подойти к нему поближе.

Мать с ума сходила от ревности, из кожи вон лезла, чтобы дочь как можно скорее вышла замуж за столяра. Леонарда не возражала. Но она была в каком-то радостном опьянении и мало думала о предстоящей свадьбе. Этот бродяга Александр копал торф посреди болота, а она подходила к нему совсем близко, так манила её молодость его и красота. Бывали дни, когда она и не вспоминала о столяре Конраде, и нельзя сказать, что это были тоскливые для неё дни. Поздней весной рыбак с сыновьями воротился домой, началась весенняя страда, и помощь цыгана была нелишней. Но к Иванову дню он должен был уйти насовсем. Теперь ему трудно стало встречаться с Леонардой наедине, по наущению столяра за ним следили братья. Да к тому же любовь прихотлива, она гаснет, если не встречает препятствий, и молодой цыган стал надоедать Леонарде. Она начала готовиться к свадьбе с Конрадом.

Александр сказал:

– Знай: если столяр появится здесь хоть раз, я убью его.

Но Леонарде цыган уже порядком поднадоел, и она произнесла с насмешкой:

– Да что ты говоришь! А если два, что ты сделаешь?

На Иванов день в доме столяра устраивались танцы, и Леонарда тоже собиралась туда. И в тот же самый вечер Александр должен был навсегда оставить дом рыбака.

– На прощанье перевези меня на тот берег, – попросила Леонарда Александра.

– Зачем тебе туда?

– Это тебя не касается.

Александр собирался уже покинуть усадьбу. Он сложил пожитки в узелок и сказал:

– Я готов.

Они спустились к протоке и сели в лодку. Глимма разлилась и так бурлила, что плыть стало опасно. Налегая на весла, Александр спросил:

– Ты выйдешь за него?

– Да, – ответила она.

– Это не я крал твои вещи, – сказал он. – Это твоя мать.

Она долго смотрела на него, а потом вспылила:

– Вздор!

– Она хотела поссорить нас, но я знал, куда она прятала их, и выкрал их для тебя.

– Врёшь ты всё, – сказала Леонарда, она и впрямь не поверила ему.

Цыган продолжал грести, но совершенно обезумел.

– Я не причинил тебе никакого зла, – проговорил он наконец. – Если бы ты захотела, я бы образумился, бросил бродяжничать.

– А мне-то что, – сказала она, желая поддразнить его. – Куда это ты гребешь? Нас несёт на скалу.

Лодка продолжала плыть по воле волн.

Она вскрикнула.

Он с силой взмахнул веслом, как бы повинуясь ей, и оно сломалось. Теперь они были полностью во власти стихии.

– Ты нарочно сломал весло, – сказала она, впервые по-настоящему рассердившись.

Он ответил:

– Ясное дело, нарочно. Живой ты не сойдёшь на берег.

Вслед за этим раздался пронзительный крик, лодку прибило к скале и ударило об неё. Цыган успел вскарабкаться на скалу. Он видел, как Леонарду несколько раз перевернуло, а потом волны подхватили её и потащили головой вперёд. И водоворот увлёк её на дно.

Их заметили с берега, и цыгана сняли со скалы.

Молодого Александра винить было не в чем. Что поделаешь, просто сломалось весло, несчастный случай, только и всего.

Эту историю я услышал из уст самого Александра, который был заточён в крепость Акерсхюс за разбой.

(Stridende liv, Skildringer fra Vesten og Østen ,Gyldendal Kristiania, København,1905)

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

ИЗАБЕЛЛА (КРЕЙГ) НОКС (1831 – 1903)

Изабелла Нокс, в девичестве Иза Крейг – поэт, журналист, редактор и новеллист – родилась в Шотландии в Эдинбурге. Ещё в раннем возрасте Иза начала публиковать свои стихотворения в различных периодических изданиях. Поэтические произведения, увидевшие свет в журнале «Шотландец», подписанные именем Иза, привлекли внимание читателей, и девушка получила возможность работать в этом издании. Иза Крэйг писала литературные обозрения и статьи на социальные темы, которыми живо интересовалась.

В 1856 году вышел в свет её первый поэтический сборник, который был принят читающей публикой очень благосклонно. Изабелла Крейг была активной участницей женского клуба, поддерживала феминистское движение в борьбе за права женщин, в частности, за право замужних женщин на труд.

Известно, что Иза Крейг приняла участие в поэтическом конкурсе, посвящённом 100-летию со дня рождения Роберта Бёрнса. Она написала оду и заняла первое место среди 620 других участников. Иза настолько не рассчитывала на успех, что даже не приехала на церемонию награждения победителей конкурса, которая проходила в Хрустальном Дворце.

Подобно другим талантливым поэтам, миссис Нокс обратилась ещё и к прозе и получила признание и на этом поприще. Некоторые из её рассказов и романов приобрели широкую известность. В них чувствуется мощный творческий потенциал, стиль автора отличается простотой и притягательностью. Повествования Изабеллы Нокс заставляют читателя задуматься о жизненно важных вопросах бытия, в них всегда присутствует некий нравственный урок. Кроме того, она обладала счастливым даром писать для детей в свойственной ей лёгкой и доступной манере.

ПРОПАВШАЯ СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТА

Глава I

– А Мёрси – Мёрси Бейкер, – что сталось с ней?

Собеседник, давно забытый всеми человек, вернулся в родные края и наводил справки о тех, кого он знал тогда двадцать лет назад до своего отъезда.

– О, у Мёрси десять маленьких девочек, – послышалось в ответ.

– Десять маленьких девочек! – воскликнул первый собеседник. – Как? А я думал, что она никогда не выходила замуж.

Он не настолько полностью потерял из виду людей, с которыми жил по соседству, насколько они вычеркнули его из памяти.

– Она не замужем, – последовал ответ собеседницы. – Она просто приютила десять малышек.

– Каким образом? Вы имеете в виду постояльцев?

– Нет. Вижу, что я должна рассказать вам всю историю, – сказала миссис Брукс.

Вот эта история, которую она мне поведала.

Мёрси Бейкер жила со своими родителями в большом старомодном доме, который назывался «Каменный дом». Он был построен из серого камня и со всех сторон окружён стеной так, что вы могли взглянуть на него только через железные ворота. Дом стоял в стороне от большого города. За ним простирались зелёные поля и широкая река. Из его верхних окон открывался вид на башни и колокольни, трубы и мачты, смутно вырисовывающиеся сквозь туманную дымку.

Мёрси была единственной дочерью двух пожилых людей, и, как ребёнку, ей не хватало той яркости впечатлений и радости, которые давали своим детям более молодые родители. Мёрси росла не по годам степенной и рассудительной девочкой. (Всё это уже было известно пришельцу). Её имя – Мёрси, и милосердие было у неё в крови. Каждая мышка, обитавшая в старом Каменном доме, имела в лице маленькой девочки своего друга.

У пожилых родителей были такие же пожилые друзья и им никогда не приходило в голову, как безрадостно было их маленькой дочери без сверстников. Бейкеры были хорошими людьми, если судить по тому, как устроен этот мир, но они были обычными мирянами. Они бывало просиживали до десяти часов вечера за картами, позволяя Мёрси засыпать в уголке дивана за своими книжками. И какими книжками для ребёнка в её возрасте! Мильтон и Купер, Аддисон и Поп и даже этот язвительный старый Свифт!

Знаете, я всё это изменила и добилась того, чтобы ей разрешили

проводить довольно много времени с моими детьми, но именно церковь привела Мёрси на путь служения Господу.

Бейкеры регулярно ходили в церковь, и Мёрси всегда была с ними. Она не играла, не гуляла или спала, как другие дети. Мёрси участвовала в богослужении и не сводила своих больших серых глаз с настоятеля во время проповеди. Наш настоятель не был выдающимся проповедником. Слушателей больше впечатляло то, что он говорил, а не то, как он это делал. На Мёрси это производило впечатление больше, чем на других потому, что она, имея сердце маленького ребёнка, обладала умом взрослой женщины. Но она долгое время воздерживалась от вступления на путь служения Господу. Помнится, ей было восемнадцать, когда она принимала своё первое причастие. Тогда она выглядела совсем взрослой. Не нам судить, но мне кажется, что именно беззаботность её родителей удерживала её от принятия должного решения. Накануне в четверг она приняла конфирмацию. Мёрси стояла на коленях среди других верующих и выглядела намного старше в платье из плотного белого муслина и в длинной белой вуали. Когда епископ подошёл к ней, он, вместо того чтобы сказать: «Это дитя Твоё», – произнёс: «Это раба Твоя. Защити, Господи, эту рабу Твою небесной благодатью, чтобы она оставалась Твоею навечно». Думаю, Мёрси почувствовала это. Я не могла видеть её лица, так как она низко склонила голову и пребывала в таком положении дольше остальных. Позже я заметила, что выражение её лица было именно такое, какое появляется у доброго и верного слуги Божия – выражение внимательности и уважения.

Она выглядела такой кроткой и тихой в своём простом платье. Смотреть на неё доставляло истинное удовольствие.

– Вы знали её в то время, не так ли? – миссис Брукс вопросительно посмотрела на своего собеседника.

– Да, я знал её в то время и любил её, – мог бы он добавить.

– Ну, она продолжала жить со своими родителями, а они старели, дряхлели, становились всё более угрюмыми и хотели, чтобы она целиком посвятила себя им. Служанка сегодня имеет в двенадцать раз больше выходных, чем Мёрси, поскольку у неё не было ни одного. Когда ей было около двадцати лет, мистер Бейкер заболел и Мёрси ухаживала за ним всю зиму и весну. К лету ему стало лучше, но доктор сказал, что его заболевание было хроническим и, скорее всего, болезнь вернётся следующей зимой. Так оно и случилось. Это произошло примерно в то время, когда вы от нас уехали. Так ведь?

Собеседник кивнул в знак согласия.

– Это была серая, унылая жизнь, – продолжала миссис Брукс, – поскольку старики становились всё чуднее и чуднее, и едва ли они с кем-либо встречались в то время. Каменный дом напоминал тюрьму, а

Мёрси была в его стенах узницей. Всё, что она имела, приносила им в жертву, даже занятия в воскресной школе, которые она просто обожала. Но Мёрси никогда не роптала, как послушная служанка, которой было велено делать то, а не другое. Она отдала свою жизнь заботам о родителях. В то время, когда другие девушки её возраста влюблялись и выходили замуж, она оставалась незамеченной.

Лицо слушателя отразило несогласие, но он ничего не сказал. Он мог бы рассказать историю о том, кто любил её, и стремился к взаимности, и у кого хотя бы было утешение в том, что он тщетно пытался завоевать её сердце, – долг позвал его на один край света, а её приковал цепями на другом.

– Не думаю, что после вашего отъезда хоть один молодой человек входил в ворота Каменного дома. И, как я уже говорила, мистер Бейкер зимой опять заболел и следующие шесть месяцев Мёрси снова ухаживала за ним. Но он не умер. Каждое лето он выкарабкивался и ходил в церковь с миссис Бейкер и Мёрси и совершал небольшие поездки на автомобиле. Так продолжалось, по крайней мере, ещё лет шесть. Потом он скончался, – с миром и надеждой в душе, как сказал настоятель, благодаря заботе Мёрси. У неё осталась только мать.

– А что насчёт десяти маленьких девочек? – спросил собеседник, с нетерпением ожидая продолжения.

– Нам ещё очень далеко до них, – последовал спокойный ответ. – Мать Мёрси пережила отца на десять лет, она тяжело болела и очень страдала. Преданность Мёрси своей матери вызывала восхищение. Но я не могла избавиться от мысли о её жертвенности, размышляя о чужих детях, которые потеряли такую мать. Она просто обожала детей и знала, как найти с ними общий язык. Я обычно посылала своих внуков, которые приходили навестить меня повидаться с Мёрси. Мы отправляли маленького Чарли к ней на перевоспитание, когда он становился непослушным. Однажды его сестрёнка, услышав это, сказала: «Бабушка, я хочу стать непослушной». «Глупости Мэгги, – ответила я. – Ты должна быть хорошей девочкой». «Нет, я *дожа* быть непослушной, – настаивала она.– Я *дожа* быть непослушной. Я хочу пойти к *мит Батер*».

– Ну, а теперь про маленьких девочек. Миссис Бейкер умерла, и Мёрси осталась совсем одна в старом Каменном доме. Она была не богатой, но достаточно состоятельной. У Мёрси было всё, что оставили ей старики. Она не покинула своё родное гнездо, но ей, должно быть, было ужасно одиноко.

– На Рождество и Пасху к ней приходила женщина, которая помогала с уборкой. Мёрси приглашала её навести порядок в доме после смерти матери. Муж женщины бросил её с ребёнком лет пять назад. Мёрси приводила малышку на кухню, пока её мать занималась уборкой,

чтобы та не оставалась без присмотра и случайно не залезла в воду или не обожглась. Спустя неделю или две одна из соседок этой женщины пришла к Мёрси посоветоваться и спросить, что делать. Мать убежала неизвестно куда с одним ужасным и распутным типом и бросила маленькую девочку на попечение прихода.

– Мы знаем маленькую Рози с младенчества и не хотим, чтобы её отправили в работный дом, – сказала женщина.

– Почему? – спросила Мёрси.

– Она будет там тосковать, – ответила женщина. – Там некому позаботиться о малышах, а они нуждаются в материнском внимании.

– Но, должно быть, её мать была очень жестокой, – с негодованием произнесла Мёрси. – Должно быть, у неё чёрствое сердце, раз она сбежала и бросила малышку. Она, по-видимому, не отличалась добротой по отношению к дочери.

– Порой она проявляла доброту, – ответила женщина. – Иногда и обнимала её, прижимая к себе. Рози обожала её. Мисс, я сама бы забрала её, но мой муж едва зарабатывает, чтобы прокормить наших восьмерых детей. Он говорит, что мы не можем отрывать от них последний кусок хлеба ради ещё одного лишнего рта.

– Чем я могу помочь? – спросила Мёрси.

– Вам бы сходить туда и повидаться с ней, – был ответ.

Женщина была по-своему мудра. Мёрси сходила, посмотрела на девочку и не смогла устоять перед грустными голубыми глазами и трясущимися губками маленькой брошенной Рози. Девочка подошла и остановилась подле стула, на котором сидела Мёрси. Малышка взглянула на неё, увидела открытое выражение лица и слегка коснулась её колен. Мёрси не была ребёнку совершенно чужой. Рози знала её, как даму, у которой работала её мама и которая не раз улыбалась ей и угощала печеньем и яблоками.

– Ты пойдёшь со мной и будешь моей маленькой девочкой? – спросила Мёрси.

– Да, – бесхитростно пролепетал маленький ротик.

– А ты найдёшь мою маму?

– Я сделаю это, если смогу, – ответила Мёрси.

Маленькая девочка позволила себя умыть и спокойно надеть на неё шляпку, поцеловала свою кроткую заступницу и пару маленьких подружек и поспешила прочь, держась за руку Мёрси.

– Рози была первой из группы маленьких девочек Мёрси Бейкер. Но до конца года их стало уже десять. Она снова начала проводить занятия в воскресной школе и обыкновенно брала маленькую Рози с собой. Она была самой младшей их всех. Следующей по возрасту была девочка семи лет, на которую нельзя было смотреть без умиления. Её

звали Дженни Кроуфорд, дочь бедного башмачника, думаю, шотландца по происхождению. Вы никогда не видели такого удивительно красивого ребёнка. По сравнению с ней, внешность Рози была самой обыкновенной, такой обычной, как розовый бутон. А Дженни выглядела точь-в-точь как ребёнок со священной старинной картины – спокойная, нежная и торжественная. У неё было бледное лицо с чёрными, как ночь волосами, которые падали ей на плечи густыми, тяжёлыми локонами. Казалось, она всегда выглядела причесанной и опрятной, возможно, потому, что девочка была такой тихой и спокойной. У неё были большие чёрные глаза – зрачки едва различимы, и в них читались меланхолия и удивление. Когда она была серьёзной, глаза были просто грустными. Когда она, как другие дети, смеялась – в них читалось удивление, но веселье – никогда. Черты её лица были восхитительны, как и вся она, вылепленная с совершенной грацией. Зная её окружение, нельзя было не поражаться, как мог появиться столь совершенный образ. Мать была невзрачной, за исключением глаз, которые были такими же, как глаза ребёнка. А отец был низменным, жестоким человеком.

Казалось, что Дженни не была особенно смышлёным ребёнком. Очень сложно было сказать, что она воспринимала, а что нет, но она никогда не доставляла никаких хлопот. Она была сама нежность и доброта. И прелестный детский ротик лепетал уроки так серьёзно, что она производила впечатление на других силой чувства, которое она вкладывала в них. Однако её посещаемость была нерегулярной. Мёрси обыкновенно навещала семьи, если кто-то из её детей отсутствовал на занятиях. На этот раз дома оказались маленький брат Дженни и младенец, которого она нянчила, в то время как мать изо всех сил пыталась выманить у отца деньги, полученные за пошив обуви и тратившиеся им впустую.

Было начало июня, приближался школьный праздник. Дети как обычно были в состоянии сильного возбуждения. Один из прихожан церкви предоставил на этот день им в пользование прекрасную площадку на природе – Хили Филд. Там они должны были пообедать, выпить чаю и поиграть во всевозможные игры. Но в предыдущее воскресенье Дженни не пришла на занятие. Тогда Мёрси, как обычно, пошла узнать, в чём дело. Мать объяснила, что ребёнок остался дома из-за отсутствия обуви. В присутствии учителя девочка стояла на голых досках босиком с малышом на руках.

– Надеюсь, что Дженни не пропустит праздник, – сказала Мёрси. Это будет для неё большим разочарованием.

Дженни не сводила с лица учительницы глаз с выражением необычайно страстного желания.

– Она не пропустит праздника, если я смогу помочь в этом. Джен-

ни хорошая девочка и меня очень расстроит, если она лишится этого развлечения. Её отец ещё несколько недель назад пообещал сшить ей пару туфель. И я постараюсь, чтобы он выполнил своё обещание.

Бедная женщина! Она пыталась напомнить ему об отцовских обязанностях, но тщетно. На деньги за пошив обуви, он купит себе выпивку, а маленькие туфельки так и останутся лежать не пошитыми.

В конце концов, он выполнил свой последний заказ и получил деньги. Ещё оставалось время. Дженни, в ожидании его прихода, не сводила глаз с двери.

Подошло время обеда. Он пришёл, наконец. Ей подумалось: «Туфли будут готовы вовремя». Дженни, – её мать никогда не видела, чтобы девочка вела себя подобным образом, – подпрыгивая, бросилась к двери навстречу отцу. Она вложила свою маленькую ручку в его руку и с детской доверчивостью заглянула ему в лицо. Этот подлый человек не часто удостаивался таких взглядов, даже от своего собственного ребёнка.

– Теперь ты сошьёшь мне туфли? – пролепетала она.

Увы! Он пил. Несмотря на раннее время, он уже успел выпить крепких напитков, и в нём вспыхнули все его безумные, злые страсти. В тот день он не хотел больше работать, в голове была только выпивка. Его уже достали эти туфли, и в ответ на устремлённый на него умоляющий взгляд, он с яростью отшвырнул от себя ребёнка.

Послышался звук падающего тела и ужасный крик. Мать бросилась к ребёнку. Дженни упала прямо на чугунный котёл, который стоял на очаге. Мать подняла девочку, прижала к своему плечу – по хлопчатобумажному платью стекала кровь – и быстро вынесла дочь из дома. Проходя мимо мужа, она бросила на него такой испепеляющий взгляд, который убил бы его, если бы взгляды могли убивать. Она несла свою нелёгкую ношу до ближайшего аптекаря, знающего человека, который перевязал рану Дженни.

Рана была ужасной. Красивое лицо девочки было навсегда обезображено глубоким уродливым шрамом. Верхняя губа, едва смыкающаяся над жемчужными зубами, была рассечена, двух зубов не хватало. Дженни никогда уже не будет улыбаться своей ангельской улыбкой, которая озаряла всё её лицо, за исключением глаз. А эти глаза – Мёрси отвернулась, чтобы скрыть свои слёзы, когда она впервые увидела на изуродованном лице этот взгляд невыразимой скорби.

Итак, бедной Дженни было не до праздника. Кажется, её отец несколько дней не появлялся дома. Её мать хотела бы избавиться от него раз и навсегда. Она начала в одиночку зарабатывать на хлеб своим детям. Но, в конце концов, гонимый голодом, он вернулся домой и занял своё привычное место на табурете в их единственной комнате, – ещё

более омерзительный, чем прежде. Мать, стиснув зубы, не спускала глаз с дочери, поступившись заботой о других детях. Это привело к тому, что её младенец без должного присмотра умер.

– Он не выносит одного её вида, – сказала она Мёрси, которая стояла на коленях у кровати девочки на полу. – Я думаю, что однажды он убьёт её.

– О, не говорите такие ужасные вещи при ребёнке, – воскликнула Мёрси, – вы пугаете девочку.

– Она от страха не может отвести от него взгляда, – ответила женщина. – Посмотрите, на что она похожа! Она откинула покрывало с маленького тельца и показала, как сильно девочка исхудала.

– Отдайте её мне! – закричала Мёрси, поднимаясь с колен. – Позвольте мне забрать её.

– Куда? – с удивлением спросила женщина.

– Домой, ко мне домой, – ответила Мёрси. – У меня уже есть одна малышка. Они подружатся. А вы сможете приходить и навещать её в любое время.

– Дженни, ты согласна? – спросила сердобольная мать, обрадованная тем, что Дженни крепко сжала её руку. Это пожатие руки успокоило тревогу на сердце женщины. Она сразу же встала на сторону Мёрси и увидела все преимущества такого шага.

– Я буду навещать тебя, Дженни, – прошептала она, опускаясь на колени, как это делала Мёрси. – Дорогая, ты пойдёшь со своей учительницей. Отец не появится там – тебя буду навещать только я. Там уже есть одна девочка.

Дженни послушно пообещала, хотя было совершенно очевидно, что она цеплялась за мать, которую воспринимала как свою главную защитницу от худшего из зол. Итак, однажды, когда отца не было дома, её увезли в кебе. Мать спланировала отъезд девочки с молчаливого согласия Мёрси. Последняя была готова усмирить дикаря, если это потребуется. Мать сделала так, чтобы он не помешал их плану. Кажется, она не сказала ему, куда пропал ребёнок. Он и в самом деле мог наброситься на девочку.

Две маленькие девочки поселились под крышей в доме у Мёрси.

– Здесь места хватит ещё и другим, – однажды невинно сказала Рози.

Эти слова звенели у Мёрси в ушах, в какую бы комнату в старом Каменном доме она ни заходила. «Места хватит другим, места хватит другим». И наконец, она восприняла это как послание от Учителя и спросила: «Какова Твоя воля, что я должна сделать?».

Казалось, что после этого вся её будущая жизнь приобрела очер-

тания и план, как она будет жить в старом доме, наполнив его детьми. Детьми, которых она время от времени будет выпускать в большую жизнь, полностью подготовленных к служению Господу и людям. Ей не пришлось долго искать. Вскоре она определилась с числом десять, большинство из них сироты – и всё это благодаря первым двум.

– И что этот план удалось претворить в жизнь?

– Думаю, что касается детей, она сказала бы «Да». И в отношении себя самой тоже. Дети очень трудные. Только первая девочка приносит ей хоть какое-то утешение, даже сейчас. У большинства из них дурная наследственность, и в физическом, и в нравственном отношении и от этого трудно избавиться. У них бывают приступы безделья, болезненные припадки, злобные выходки. Мёрси часто не знает, от чего ей нужно лечить их в первую очередь.

– А как она к ним относится?

– Также как любая мать – мудрая, добрая мать – не всегда одинаково. Она ищет свой подход к каждому ребёнку. – Вы увидите её среди детей.

– Это то, что мне хотелось бы сделать. Когда мне лучше всего встретиться с ней?

– Ну, думаю, после обеда, когда все дети будут на уроках. Они делают это по очереди. По утрам двое остаются со старыми служанками – учатся вести хозяйство, а двое – с поварихой. Остальные или на уроках в школе вместе с Мёрси или играют в саду. После обеда они собираются все вместе на уроки – у них проходит урок чтения и урок шитья. Затем снова игры на свежем воздухе, потом ужин, вечерняя молитва и сон.

Глава II

Итак, старый друг увидел мисс Бейкер. В высокой пустой комнате в два ряда сидели дети. Они пели и занимались шитьём. Мёрси сидела перед ними и тоже шила и пела. Из высокого окна падал свет на её густые приглаженные волосы, тронутые сединой, но лицо было свежим и без морщинок. Позади неё возвышалась каминная полка из тёмного дуба. Окно наверху было открыто, и из сада доносился свежий и благоухающий аромат. Подышав свежим воздухом, дети затеяли весёлую карусель.

Будь я сапожник, гордился бы собой.
И был бы лучше всех я, без сомненья.
Будь я жестянщик, как никто другой,
Вам починил бы вещь на загляденье.

Голоса звучали звонко и пронзительно. Мёрси улыбалась, склонившись над своим шитьём, и не заметила, как открылась дверь. Первыми повернулись к двери десять маленьких головок, и десять пар глаз устремились в ту же сторону.

Миссис Бейкер тоже повернулась к двери и увидела своего старого друга. Время ли произвело такую перемену в нём, что заставило её побледнеть и подняться, уронив на пол белое шитье? Возможно. Время изменило его гораздо больше, чем её. Волосы его стали абсолютно белыми, а черты лица, испещрённые глубокими морщинами, отражали следы пережитых забот и влияния сурового климата. Для большинства людей он изменился незаметно, но не для неё. Через мгновение она пошла ему навстречу с распростёртыми объятиями и гостеприимной улыбкой.

Детей отпустили поиграть, и их крики долетали из сада в комнату, где Мёрси беседовала со своим старым другом. Они говорили о прошлом, что было несложно. Каждому было что послушать и что рассказать, пока они размышляли об этом. Настоящее было сложнее, и когда они дошли до него, то оба почувствовали некоторое замешательство. Но будущее обескураживало их ещё больше, и, тем не менее, они определились со своим будущим при первой же встрече. Для Мёрси оно не изменится за исключением перемен, которые могло принести время, но останется неизменным в плане её поступков и деяний. «Представь, что ты вернулся и нашёл во мне жену и своих родных детей», – сказала она. И он был бы вынужден довольствоваться этим.

Но он был из другого теста по сравнению с Мёрси. Он нашёл себе жену, которая стала для Мёрси самой лучшей и нежной подругой. У них появились собственные дети, которые нашли свою дорогу к Богу. Для него этого было достаточно.

В тот же самый вечер в Каменном доме произошло нечто, что явилось причиной большого беспокойства и огорчения для Мёрси. Она была очень взволнована и поглощена состоявшимся днём визитом друга и оставила ключи в столе классной комнаты. Обычно она тщательно закрывала двери, чтобы у детей не возникло искушения, которое они не смогли бы побороть, и пожалела, когда обнаружила, последним делом перед сном, что ключ остался в замке вместе с другими ключами, висящими на кольце.

Она механически открыла замок. Перед углублением стояла простая деревянная чашка, или когги, в которой она держала серебряные монеты. Чашка оказалась почти пустой. Но когда она заглядывала туда в последний раз, в ней оставались три монеты по полкроны. В этом она была совершенно уверена. Теперь в ней лежали только две монеты. У Мёрси в руках была лампа. В волнении она чуть не уронила её на пол.

Затем она присела на скамью подумать. Что делать? Никто не выходил из дома, поэтому деньги всё ещё были здесь. Но где они и кто их взял?

Её сердце сжалось от боли при мысли, что это мог быть кто-то из детей. Она мысленно перебирала их одного за другим, но уверенности не было.

О, если бы она могла быть уверена хотя бы в одном из них – могла бы знать, что этот ребёнок не должен был совершить этот поступок, согрешив против Бога, а не против неё! Но у неё не было такой уверенности. Рози была ласковой и очень привязалась к ней. «Не думаю, что она бы сделала это, но у меня нет уверенности в её правдивости. Дженни обычно правдива, ей трудно было бы солгать мне, но у неё нет высоких моральных принципов. Ни об одной из девочек я не могу сказать, что она отдала своё сердце Богу, своей единственной защите».

Так Мёрси размышляла, и эти мысли перемежались с другими – с естественным результатом тревожных событий дня. Что если её жизнь была ошибкой – её жизнь и её дело! Что если в тот день она сознательно отказалась от более простого и естественного пути, когда ребёнок мог бы называть её матерью и был бы духовно связан с нею такой же связью как кровной? Всё это было чуждо малышам, что нашли приют под её крышей. Всё чуждое в маленьких детях, всё отвратительное предстало перед ней во всей красе. Всё это было отталкивающим. Она была готова отречься от своей работы, готова, если бы тот, кто выслушал её решение днём, оказался бы рядом и был бы готов вложить её руку в другую руку и сказать: «Я откажусь от своего плана. Я могу позаботиться о десяти маленьких детях без стольких усилий, без такой жертвенной самоотдачи!»

Она печально поднялась, чтобы продолжить поиски внутри стола. Что если серебряная монета упала туда? В это время лампа осветила текст, который висел над столом, и она прочла: «Так, ибо не угодно богу Отцу вашему небесному, чтобы погиб один из малых сих».

– Отец, прости меня, – прошептала она, поднимая глаза к небу. – Да будет воля твоя.

Затем, вдохновлённая новой смелостью и новой верой, она приготовилась встретить стоящие перед ней практические трудности. Прежде всего, она взяла лампу и осмотрела все уголки классной комнаты, чтобы убедиться, что монета не спрятана там. Затем она пошла наверх и вошла в детские комнаты, но она не стала их беспокоить. Мёрси была полна негодования, но когда увидела их всех спящими в своих маленьких беленьких кроватках, таких спокойных и невинных, слёзы навернулись у неё на глаза. Если бы только ей знать, кто является виновником, на того её любовь и сострадание излились бы ещё сильнее.

Она составила план действий на завтра. Никто из детей не выйдет

из дома, даже в сад, пока не будет проведён самый полный и тщательный осмотр детских комнат, их одежды, их ящиков в комодах и даже постелей. Обдумав всё это в уме, она прочитала молитву и легла спать.

Она смогла совершить молитву и помолилась, но не смогла уснуть и не спала. Мёрси не могла не думать о завтрашнем расследовании и его результатах. Среди её подопечных был один маленький бесёнок, младше всех других детей. Мёрси почти желала, чтобы это была именно она, так как девочка не отличалась ответственностью. Она могла это сделать из чистого озорства. Однажды потерялся ключ от одной из комнат, и пришлось его немало поискать. В конце концов обнаружилось, что эта проказница перекинула ключ через забор просто из безрассудного озорства.

Наступило утро. Мёрси собрала всех малышей и рассказала им о пропаже, наблюдая за тем, какой эффект это на них произведёт. Но она ничего не смогла понять. Все девочки до единой более смело или робко отрицали, что взяли монету. Многие изменились в лице. Что это было – чувство вины или невиновности, смелости или робости, правды или лжи? После безрезультатного расследования Мёрси пришла к заключению, что все они очень похожи. Спальни и кроватки были обысканы, вещи детей осмотрены, но монета так и не нашлась.

Затем Мёрси, снова собрав вокруг себя своих подопечных, мягко сказала: «Я не буду снова спрашивать, кто это сделал». По своей доброте Мёрси боялась обвинить кого-либо в грехе. «Но я говорю вам, меня очень огорчает мысль о том, что среди вас есть один человек, которому нельзя доверять, кто не прав, кто нечестен, и если эта девочка подойдёт ко мне и признает свою вину, я буду очень рада простить её.

Помните об этом, и приходите ко мне в любое время дня и ночи. Помните, что до тех пор я буду считать одну из вас заблудшим человеком».

Дети смотрели на неё в изумлении. Дженни не отрывала своих огромных чёрных глаз от лица Мёрси.

– Послушайте! – сказала Мёрси торжественно. Она взяла со стола книгу и начала читать: «Какая женщина, имея десять серебряных монет, если потеряет хотя бы одну, не зажжёт свечу, не подметёт дом и не будет усердно искать, пока не найдёт её? А когда она найдёт её, она позовёт своих друзей и соседей со словами: «Порадуйтесь со мной, ибо я нашла потерянную драхму. Так же говорю вам: есть радость пред лицом ангелов Божиих об одном грешнике, который раскаивается».

– Вас десять, – сказала Мёрси, закрывая книгу, – и один из вас грешник. Одна из ваших душ, которая гораздо ценнее, чем эта серебряная монета, скатилась в тёмный угол обмана, покрытая хламом и пылью корыстолюбия. Подумайте о том, чтобы вернуть её чистоту и ценность,

как это было прежде. Позвольте мне найти пропавшую серебряную монету. Это, дети, ваш утренний урок, – добавила она, отпуская их, и они вышли от неё необычайно серьезными и тихими. Когда они выходили из комнаты друг за другом делая реверанс, она вглядывалась в их лица. Рози покраснела под её взглядом. Дженни, как обычно, была бледна, но девочка вся дрожала, на длинных пушистых ресницах блестели слёзы. Дженни не могла удержаться от слёз во всех торжественных случаях, а нынешний был особенно таковым. Обычный распорядок дня был нарушен. Невозможно было проводить привычные занятия, не было и привычных шумных игр. В то время как Мёрси сидела в печальном раздумье в классной комнате, в школьное окно не доносились ни крики, ни смех детей. Девочки гуляли в саду группками по двое-трое, обсуждая утренние события.

Рози и Дженни как обычно гуляли вместе, но они были немногословны.

– А бы хотела знать, кто взял монету, – сказала Рози. – Я никогда не стала бы с ней снова разговаривать.

Дженни не ответила. Она начала говорить о матери и малышах, которые остались дома.

Дома у Дженни всё складывалось хуже некуда. В семье было ещё двое маленьких детей, которых матери нужно было кормить, так как отец отказался от этого священного долга и стал даже хуже неверного, нет, хуже зверя. Он был самым ужасным источником страданий для своей жены и детей, самым большим страхом для них. Бывало, он пропадал на дни и даже на недели, а потом, когда они только начинали чувствовать себя в безопасности, он набрасывался на них, как хищная птица, и отбирал у них всё, что попадалось ему под руку – их еду, одежду, всё, что только мог. Уже давно комната, в которой они жили, была совершенно голой и пустой. Мать с ребятишками спали на соломе, зашитой в покрывало. Община одолжила ей одеяло, и его он бы тоже продал, если бы на нём не было метки – «не подлежит продаже». Они по уши погрязли в нищете, и пока он был жив, казалось, выхода не было.

В последнее время у них была более длительная передышка, чем обычно. В прошлый раз он буквально вынес всё из дома подчистую и даже заставил жену взять в долг продукты у бакалейщика, после этого исчез. Миссис Кроуфорд переселилась из своего жалкого жилища в другое, чтобы ускользнуть от него. Она не разрешала детям гулять во дворе дома, где сняла комнату, и сама не выходила из дома до наступления темноты. Она была умелой работницей и хорошо зарабатывала, поскольку работала не покладая рук с раннего утра до позднего вечера, а если требовалось, то и с ночи до утра. Женщина отличалась невероятным трудолюбием и выносливостью. Она стала одевать детей более

прилично и даже покупать кое-что необходимое для дома. Пока она работала, старший мальчик присматривал за младшими.

Теперь она думала, если бы только Дженни была дома! Она бы присматривала за детьми, училась сапожному делу, а Роберт мог бы стать посыльным. Дженни было двенадцать – красивая, высокая, подошло время учиться чему-то полезному.

Она поговорила с мисс Бейкер на эту тему и сообщила ей о своих планах. Но Мёрси отговорила её от этого.

– Она учится быть хорошей служанкой, и надеюсь, что это лучшее, чему она может научиться.

– Но она не сможет делать то, что приходится делать мне, если у неё не будет под рукой какого-нибудь ремесла.

– Будем надеяться, что у неё не будет нужды идти по вашим стопам, – сказала Мёрси. – При благоприятных условиях, которые я постараюсь создать для неё, когда подойдёт время, у неё будет меньше соблазна выскочить замуж, чем из собственного дома и тех условий, которые вы можете создать для неё. Никто не чувствует себя в доме увереннее, чем хорошая служанка, никто не испытывает меньше тревоги и не обладает большей подлинной независимостью.

Поэтому Мёрси была более огорчена, чем удивлена, когда спустя несколько дней после описанного случая, дней, которые не пролили свет на случившееся, сама Дженни попросила разрешения уйти из Каменного дома и вернуться к своим.

– Тебе здесь гораздо лучше, чем дома, – убеждала её Мёрси.
Но она устыдилась своих доводов, когда Дженни посмотрела на неё своими печальными глазами и сказала:

– Да, им хуже дома, но мне кажется, что я могу им помочь.

– Тогда, моё дорогое дитя, иди и помоги им, – сказала Мёрси. – Это правильно, что ты должна, и для тебя самое лучшее сделать то, что должно, ты в руках Божьих.

Итак, до начала следующей недели Дженни Кроуфорд ушла из Каменного дома и вернулась к матери.

Какое-то время семья Кроуфордов жила спокойно. Дженни была хорошей помощницей и утешением матери. Она была самой аккуратной маленькой хозяйкой, благодаря обучению, которое она прошла у Мёрси. Только в их бедной комнате было так прискорбно мало всего, чтобы она могла показать свои умения. Но она научилась делать мясной пудинг, и какой это был праздник для детей, особенно для мастера Боба, который по большей части довольствовался хлебом и жидким чаем, а по торжественным случаям с такими полезными блюдами, как креветки или гренки. У Дженни было много вариантов. Она могла сварить отличный суп с косточками и овощами – морковью, брюквой, или она могла при-

готовить блюдо из рыбы с грошовыми шпротами. Кроме готовки пищи и покупки продуктов, она следила за тем, чтобы дети были чистыми и аккуратно одетыми. Она также помогала матери справляться с более грубой работой.

Дженни было наказано не попадаться на глаза отцу, а если этого нельзя было избежать, никогда не удаляться далеко от входа во двор. Предупреждение было излишним. Дженни, казалось, пребывала в постоянном страхе неожиданно столкнуться с ним. Она внимательно присматривалась к каждой группе грязных, жалкого вида людей, собирающихся на тротуаре перед пабом, чтобы убедиться, что его среди них не было, прежде чем пойти по какому-то делу. Если она его замечала, то сразу же решала бежать и бежать не домой, но прочь от дома, надеясь на быстроту своих ног. Миссис Кроуфорд, набравшись смелости, отваживалась забирать работу на дом среди бела дня, благо летние дни были длинными, но Дженни страх не покидал. Миссис Кроуфорд шепотом говорила, что он, возможно, умер – такие люди иногда внезапно умирают в больницах или работных домах. Дженни было лучше знать, но это был её секрет.

В Каменном доме старшие девочки имели привилегию выполнять некоторые поручения Мёрси. Дженни это право выпадало чаще, чем Рози, потому что она никогда не задерживалась и ничего не забывала. В один из дней накануне визита друга Мёрси её отправили с поручением. Это был тот день, когда Мёрси оставила ключи в замке ящика стола, из которого пропали деньги.

Задание было очень простым – отправить несколько писем и купить новые марки. Дженни возвращалась с марками, завёрнутыми в кусок тонкой серой бумаги, неожиданно к ней подошёл жалкий тип в кепке, надвинутой на лоб по самые глаза. В первое мгновение она не узнала его, но долго сомневаться не пришлось.

– Где твоя мать? – прорычал он, крепко ухватив её за плечо.

– Не знаю, – ответила Дженни, и это было правдой.

– Я хочу вернуться домой, – пробурчал он. – Я уже несколько дней не ел ничего мясного.

Дженни смотрела на него со смешанным чувством сострадания и страха.

– Я хочу есть, – продолжал он, изрыгая ругательства. – У тебя есть деньги?

Он наклонился к ней и ослабил свою хватку.

– Нет, – пронзительно закричала она, съёжившись.

– А что у тебя?

– Марки.

– Практически это тоже деньги. Ты можешь сказать, что потеряла

их, – и он попытался выхватить пакет у неё из рук.

Но она отпрыгнула от него и полетела со всех ног, не останавливаясь и не переводя дыхание, пока не добежала до ворот Каменного дома. Он не решился преследовать её. Что если она будет кричать и он попадёт в переделку? Он стоял и глядел ей вслед и, потрясая сжатым кулаком, прорычал: «Я отплачу тебе за это!»

Дженни не решилась поделиться с кем-либо тем, что с ней произошло. Она испытывала к отцу смешанные чувства – страх и жалость. Жалость, а с ней и угрызения совести, как будто она, бедный ребёнок, могла ему чем-то помочь. Она не могла спокойно есть, представляя его голодные глаза. Её страх был естественным, учитывая то, кем был её отец, её жалость была тоже естественной, но это чувство выросло благодаря тому, чему её учила Мёрси. Всё милосердное и сострадательное, описанное в Священном Писании, глубоко завладело девочкой, будучи в высшей степени соответствующим её природе.

/ Lost Silver. London, Paris, & New York: Cassell, Petter, & Galpin, [1872?]. /

(*продолжение следует*)

Перевод с английского Ольги Стельмак

ОУЛАВ ХЁЙК СИМОНАРСОН (род. в 1947 году)

Оулав Хёйк Симонарсон – крупный современный исландский прозаик и драматург. Публикуемый здесь текст является вставной новеллой в более длинном рассказе «Детский рассказ» (Barnasaga). Эту историю, наряду со многими другими, сочиняет Олли – младший сын в многодетной семье, странный мальчик «не от мира сего», родившийся при удивительных обстоятельствах. Поступки Олли и его взаимоотношения с братьями и сестрой носят почти сюрреалистический характер. Публикуется с разрешения автора.

ОТ ДУШИ

В одном городке далеко-далеко на самом-самом севере страны все жители играли на скрипке. Не то чтобы все они играли превосходно – однако и не то, чтобы плохо.

Жаркими летними вечерами толпы стекались на площадь перед

кооперативной лавкой (а зимой в церковь) и играли от души. И, как водится, из общей массы выделялся один – что играл искуснее и вдохновеннее, чем все остальные. И вот, в тот вечер, в тот год, когда начинается наша повесть, крошечный мальчонка, которого и от земли-то было толком не видать, выколдовал из своей скрипки такие чарующие ноты, что при её звуках все другие скрипки замолкли, их струны перестали звенеть, и все прислушались, затаив дыхание. И тогда послышались лишь удивительно лёгкие звуки скрипки мальчугана; они взмыли в самую высь, где смешались со звёздной пылью на чёрном ночном небосклоне. И когда эти звуки, наконец, обратились в тишину, что сделало их ещё совершенное для слушателей – тогда старый учитель музыки изрёк:

– Вот у нас и родился будущий гений!

– Снова повторяется всё та же история, – произнёс какой-то человек с тёмной шевелюрой, стоявший с краю толпы. – Потенциал потенциалом, да только в здешней бездуховности этот потенциал задохнётся.

– Мы люди бедные, – ответил старый учитель музыки, – и кругозор у нас бедноват. А что ты, мой друг, можешь посоветовать?

И вот тёмноволосый вошёл в середину толпы, скрестил руки на груди и проговорил:

– Тогда я предлагаю всем нам, здесь собравшимся, продать наши скрипки, а вырученные деньги пустить на оплату обучения для нашего юного дарования.

– Разве это хороший совет, – возразил старый учитель музыки. – Долго ли проживёт бутон без корней?

– Как печально выглядит корень без цветка, – сказал на это темноволосый. – Разве красота не стоит жертв?

– Если оторвать бутон от корня и поставить срезанный стебель в вазу, то цветок, конечно, раскроется быстро и явит нам неописуемую красоту, но лишь единожды, на краткий миг, а больше никогда.

Старый учитель музыки на своём веку учил многие поколения касаться струн и водить смычком и помнил, что побеждают всегда скромные.

– Музыка может возникнуть из тишины – сказал он, – из живой тишины, а не из мёртвой.

Тёмный человек покачал головой.

– Кто согласен с моим предложением? – вскричал он. – Кто хочет рискнуть ради победы, о которой ещё долго будут помнить?

– Ура, ура! – разнеслось по всей площади. – Мы все согласны.

– Может ли один победить за всех? – спросил старый учитель музыки, но на его слова никто не обратил внимания.

– Он прославит имя своего родного городка в большом мире, –

сказал темноволосый. – К нам хлынет поток туристов, желающих своими глазами увидеть родину гения.

– В таком случае предлагаю покрасить здание турбюро и починить печатную машинку, – сказал один человек, который годами безрезультатно пытался привлечь в городок туристов.

– А я подам заявку, чтоб мне выдали участок земли для пристройки! – закричал владелец «Маленькой гостиницы».

Все были окрылены. Все соглашались, что родному городку просто необходим гений с мировым именем. Горожане добровольно понесли свои музыкальные инструменты на продажу. Они отправились на рынок в одном крупном городе, а так как многие из этих инструментов были старинные, за них дали хорошую цену. Разумеется, многим было жаль расставаться со своими верными спутниками, но они приободрились, когда серебряные монеты рекой хлынули из котомки темноволосого на пол церкви, где они пересчитывали собранные средства.

Мальчуган отправился с этим серебром в большой мир. И воссел он у ног великих мастеров и принялся впитывать в себя музыку несравненных минувших эпох. Чтоб изучить все эти чары, ему бывало мало целого дня, а порой и ночи, и даже наставники восхищались его рвением и усердием. Так текло время подобно большой реке, несущей в своём лоне всё живое и мёртвое, и жители северного городка продолжали заниматься своими будничными делами – обедали, ссорились любились, смотрели, какая будет погода. Но под спокойной поверхностью будней трепетали струны ожидания и тревоги. Все ждали новостей о сыне города, – так называли мальчугана между собой в беседах.

И вот в один прекрасный день мировая пресса запестрела заголовками: «Гений поднялся из грязи!»

– Ишь ты, из грязи, – восхищенно говорили горожане. – А не наш ли это мальчуган?

– Так уж в мировой прессе выражаются, – отвечал темноволосый.

Горожане толпились вокруг него – ведь он мог читать новости из новых зарубежных газет на каких угодно языках. А новости и впрямь были потрясающие! Газеты сообщали, что директора концертных залов буквально выстраивались в очереди, чтоб дать в своих стенах приют музыкальному волшебству. А ещё газеты писали, что это и есть единственно верный тон, который плывёт через континенты по волнам эфира. «Среди нас вундеркинд?!» – восклицают газеты. Горожане возрадовались в сердце своём. Их план удался. Их всех охватила радость ожидания, как только по городку разлетелась весть, что юный гений едет на свою родину давать концерт. Все засуетились, захлопотали, вымыли окна в здании кооператива, подмели площадь, воздвигли посреди неё по-

мост из белых досок, усыпали его цветами, протянули над главной улицей транспарант. А на нём было написано: «Добро пожаловать домой!»

Мужчины отряхивали выходные костюмы от пыли, а женщины накручивали волосы на бигуди. Юные девушки красили губы вишнёвым.

Когда юный гений вышел из сверкающего полировкой автомобиля и громко и звучно произнёс: «Я вернулся домой!» – ликованию не было конца. Затем он направился прямиком на украшенный цветами помост, держа в руках свою скрипку Страдивари, у которой из всех скрипок в мире звук самый красивый. И смычок заплясал над струнами – касался ли он их вообще? Чары были так сильны и прекрасны, что заполнили весь небосвод, словно он был одним большим мыльным пузырём. Соловьи в далёких тёмных лесах – и те прислушались. Никогда прежде в мире не звучало подобной музыки!

И когда большая ширококрылая птица мелодии воспарила высоко над горами, над лесами, и земля превратилась в разноцветное покрывало далеко-далеко под тем простором, в котором она летела, – вдруг взмахи крыл стали тяжелее, птица больше не могла лететь, и земля стала стремительно приближаться к ней. Юный гений, с невыразимой болью ощутил, что, по всей видимости, звуки больше неуместны на этой площади; каким-то образом они проходили мимо ушей сидящей там публики – тех людей, которыми он больше всего на свете желал быть услышан.

Сердце юного гения преисполнилось мраком, и тот взревел в его жилах; его руки задрожали, тело буквально сковала свинцовая тяжесть. Ему вдруг пришли на ум слова старого учителя музыки, что звуки растут из живой тишины, а не из мёртвой.

Наконец он, убитый горем, отложил смычок. Он от души вёл здесь речь о красоте, а увидел, что в глазах его собеседников отражается лишь страх. И сейчас он почувствовал, что этот же страх искажает и его собственное лицо.

Тут поднялся со своего места темноволосый и принялся хлопать, а вскоре и все горожане повставали один за другим – и вот уже все аплодировали, а кто-то даже стучал ногами и кричал «ура».

Тогда юный гений тоже поднялся и поклонился. А когда аплодисменты, топот и крики «ура» продолжились, он снова взял скрипку и сыграл на бис. В общей сложности на бис он сыграл три мелодии.

Но радости он не ощутил. И в глазах публики тоже не увидел радости. Он понял, что музыка каким-то образом исчезла из их сердец. И все это почувствовали. И когда юный гений уехал прочь, в большие города, на улицах городка воцарилась тяжкая тягучая тишина: даже в военное лихолетье и в пору погибельных эпидемий она не бывала столь

гнетущей.

Туристы, приехавшие в эти края, чтоб своими глазами увидеть родину гениального скрипача, потом рассказывали, что подняться из такой чудовищной тишины под силу разве что сверхчеловеку. Там не поют, не играют, писали журналисты; такие люди не заслужили, чтоб среди них родился гений.

(Из книги «Рассказы из запасника» (Sögur úr sarpinum), 1987)

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ УЭЛЛС (1866 – 1946)

ДВЕРЬ В СТЕНЕ (Колдовской сад)

Глава 1

Однажды вечером, чуть менее трёх месяцев назад, в обстановке, располагающей к доверительной беседе, Лайонел Уоллес рассказал мне свою историю о Двери в стене. И в минуты рассказа, наблюдая за его отношением к ней, я считал эту историю правдивой.

Он рассказал её мне с такой непосредственной простотой убеждённости, что я не мог не поверить ему. Однако, проснувшись следующим утром в своей собственной квартире, я почувствовал нечто отличающееся от уверенности. Я лежал в своей постели и вспоминал все те вещи, о которых он мне рассказал. При этом я старался не смущать своих воспоминаний обаянием его серьёзного размеренного голоса и выверенным вальсом бликов и теней, ползущих по столу и окутывающих нас с ним; я старался не мешать своим воспоминаниям сверкающими кухонными принадлежностями и вкусными угощениями; я вспоминал все эти вещи и понимал, что они являют собою блистательный маленький мир, который оторван от повседневной реальности; и тогда я счёл его историю абсолютно неправдоподобной. «Он просто ввёл меня в заблуждение!» – воскликнул я и добавил: «Но как талантливо он это сделал!.. Уж от кого-кого, а от него я никак не ожидал столь изощрённого обмана!»

Впоследствии я, сидя в своей постели и потягивая свой утренний чай, обнаружил, что пытаюсь разъяснить для самого себя то дуновение правдивости, которое ставило меня в тупик, делая невозможным полное

неверие в его воспоминания; я предположил, что самостоятельно никак не сумел бы воспроизвести те впечатления, которые он, напротив, с такой лёгкостью подсказал, преподнёс, выразил – мне едва ли удастся подобрать подходящее слово.

Так или иначе, на данный момент я не прибегаю к указанному разъяснению. Я преодолел все препятствующие мне сомнения. Я верю сейчас, как и верил в момент рассказа, что Уоллес блестяще извлёк для меня все элементы реальной действительности из художественного вымысла своей тайны, если таковой даже и присутствовал. Но я по-прежнему не в силах даже догадаться о том, понимал ли он сам, или думал ли он, что он понимает, что он является, либо же не является обладателем бесценного преимущества или просто жертвой фантастического сновидения. Свет на это не проливают даже подробности его гибели, которые навсегда разрушили мои сомнения.

Я предоставляю каждому читателю право решить для себя самому.

На данный момент я позабыл, какой небрежно брошенный комментарий, либо же критика с моей стороны подвигла столь скрытного человека довериться мне… Хотя нет: я припоминаю крупное общественное движение, в ходе которого он разочаровал меня слабостью и ненадёжностью своих аргументов; возможно, своими последующими откровениями он пытался объясниться и тем самым оправдать себя от моих нападок. Внезапно он словно окунулся в свою откровенность.

– В последнее время, – произнёс он, – я озабочен.

– Я и сам знаю, – продолжил он после паузы, – что в последнее время я рассеян. Дело в том, что – я не говорю о нежданных призраках, – но – чудаческое заявление, Редмонд! – я одержим. Я одержим тем, что просветляет для меня всю мою жизнь и наполняет моё сердце томлениями.

Он умолк, сдерживаемый той английской застенчивостью, которая охватывает нас, когда мы начинаем говорить о волнующих, важных или прекрасных вещах.

– Ты ведь учился в Сейнт-Ательстане, – сказал он.

И данное воспоминание на какой-то момент показалось мне неуместным.

– Ну, и… – и он снова замолк. Затем он начал, вначале заикаясь, но потом вполне уверенно, рассказывать мне о тайне, которая была спрятана в глубинах его жизни: рассказывать мне о неотступном воспоминании красоты и счастья, которое наполняло его душу ненасытным вожделением, которое делало все увлечения и впечатления мирской жизни безрадостными, изнурительными и тщетными.

Теперь, когда я всецело постиг его тайну, она стала особенно яв-

ственно видна в выражении его лица. Я смотрю на его фотографию, на которой запечатлён его преисполненный отрешённости взор. Этот взор напоминает мне о словах, которые однажды произнесла сильно любившая его женщина. «Внезапно, – говорила она, – он перестаёт интересоваться окружающей его действительностью. Он забывает о вас. Ему совершенно всё равно, что с вами происходит – под самым его носом».

И всё же, он не всегда был апатичным, и, заостряя своё внимание на каком-либо деле, он чрезвычайно преуспевал в нём. Одна только его карьера являет собой череду успехов. Он опередил меня уже давно, воспарив над моей головой и произведя в обществе такое впечатление, которого я произвести так и не сумел, как бы ни старался. Ему было тридцать девять лет, и поговаривают, что будь он жив, он дорос бы до поста министра и возглавил бы новый кабинет министров. В период обучения в школе он без усилий побеждал меня – как будто это было естественно. Почти весь этот период мы учились в школе при колледже Святого Ательстана в Западном Кенсингтоне. Он поступил на обучение в школу, будучи моим сверстником, но он быстро перерос меня блестящей эрудицией и великолепными успехами в учёбе. Это притом, что я и сам был далеко не самым отстающим учеником. И именно в школе я впервые услышал от него историю о «Двери в стене». Второй же раз я услышал её лишь за один месяц до его гибели.

По крайней мере, для него самого «Дверь в стене» была реальной дверью, ведущей сквозь реальную стену в неувядаемую истину. В этом я сейчас всецело убеждён.

«Дверь в стене» пришла в его жизнь достаточно рано: когда он был мальчуганом лет пяти-шести. Я помню, как он исчислял и аргументировал эту дату, доверяя мне своё признание с замедленной торжественностью.

«Там росло, – рассказывал он, – малиновое ползучее растение – единая, однотонная малиновая масса, сверкающая напротив белой стены в чистом янтарном сиянии солнца. Каким-то образом это врезалось в мою память, хотя я не помню, каким именно, и на отчищенном тротуаре перед самым входом в зелёную дверь лежали листья конского каштана. Листья были покрыты жёлтыми и зелёными пятнами, ты знаешь – не коричневыми, не грязными, то есть, они были недавно опавшими. Из этого я делаю вывод, что это был октябрь. Я наблюдаю за падением таких листьев каждый год, поэтому знаю, о чём говорю.

– Таким образом, если я не ошибаюсь, мне было пять лет и четыре месяца.

Он был, по его рассказам, не по годам развитым ребёнком: он научился разговаривать в неестественно раннем возрасте и был настолько здравомыслящим и, как говорят окружавшие его люди, «старо-

модным», что ему была дозволена инициатива, которой остальные дети едва достигают к семи или восьми годам. Его мать умерла, когда ему было два года, и с тех пор он находился на попечении гувернанток, которые отличались отсутствием бдительности и попустительством. Его отец был суровым юристом, всецело озабоченным своими делами и по сему не посвящавшим сыну должного внимания, при этом, тем не менее, демонстрируя завышенные ожидания. Я думаю, что блистательные способности маленького Уоллеса не находили своего осуществления в той угрюмой и глупой действительности, которая его окружала. И вот однажды он принял решение идти куда глаза глядят.

Он уже не помнил, какой очередной промах в его воспитании подвиг его на совершение этого путешествия, не помнил он и конкретного маршрута, который он предпринял, петляя дорогами Восточного Кенсингтона. Всё это померкло под воздействием неискоренимых недостатков памяти. Но белая стена и зелёная дверь закрепились в ней достаточно прочно.

Вспоминая теперь о своём детском приключении, он понимал, что при первом же взоре на эту дверь он почувствовал особую эмоцию, влечение, желание прикоснуться к ней, отворить её и зайти внутрь. Но наряду с влечением, присутствовало стойкое ощущение того, что покориться ему было бы неблагоразумным или неправильным решением. Так или иначе, его настойчивое любопытство сейчас было вызвано тем, что он знал с самого начала (если только его память не сыграла с ним непостижимую шутку), знал, что дверь была не заперта, и он мог бы войти в неё, если бы захотел.

Мне кажется, что я вижу фигуру этого маленького мальчика, в котором противоборствуют душевное вожделение и отторжение. И он уже тогда отчётливо понимал, что его отец сильно рассердится, если он зайдёт в эту дверь, хотя ему никто бы не объяснил причину этой рассерженности.

Уоллес описал для меня своё состояние колебания, не упустив ни единой тончайшей детали. Он прошёл непосредственно мимо двери и затем, засунув руки в карманы и предприняв ребяческую попытку свистнуть, побрёл вдоль стены до самого её конца. На своём пути, по его воспоминаниям, он увидел несколько захламлённых мастерских: в частности, паяльщика и маляра; они являли собою пыльный беспорядок глиняных трубок и пробок от надувных мячей; также лежали там каталог обоев, листовой свинец и оловянные эмалированные банки. Он стоял там, притворившись, будто разглядывает все эти предметы – на самом же деле он жаждал, страстно желал заглянуть в зелёную дверь.

Затем, как он сказал, на него нахлынул ливень эмоций. Он поспешно вытянул руку и коснулся двери, пытаясь успеть, пока его не за-

хлестнёт новая волна сомнений; затем он отворил зелёную дверь, зашёл внутрь и захлопнул её за собою. И так, в одно мгновение, он очутился в саду, воспоминания о котором впоследствии сопровождали всю его жизнь.

Уоллесу было очень трудно дать мне полное и точное описание всех эмоций, которые у него вызвал этот сад.

По воздуху этого сада вальсировало то, что делало человека весёлым и бодрым, то, что даровало ему ощущение света, счастья и благоденствия; в его внешнем виде было то, что делало все его расцветки чистыми, совершенными и нежно лучезарными. В то мгновение, когда человек оказывался здесь, он ощущал пронзительное чувство радости: так бывает в исключительно редкие моменты, когда человек юн и жизнерадостен. И всё в этом саду было прекрасным…

Уоллес задумался, прежде чем продолжить свой рассказ.

– Ты знаешь, – сказал он, и его голос в сомнении дрогнул, как у человека, который запинается при рассказе о чём-то невероятном. – Там были два леопарда… Да, два пятнистых леопарда. И я не боялся их. Меня вела длинная белая тропа, по обе стороны которой цвели цветы с мраморно-белыми лепестками, и на тропе с мячом забавлялись два этих огромных, пушистых, как бархат, зверя. Один из них поднял на меня свои любознательные глаза и пошёл по направлению ко мне. Я протянул ему навстречу свою маленькую руку, и он, подойдя ко мне вплотную, ласково потёрся о неё своим мягким круглым ухом и замурлыкал. Это был, уверяю тебя, завораживающий сад. Я знаю. А размеры? О, его размеры простирались на великие расстояния во все стороны света! Мне кажется, вдалеке виднелись холмы. Я даже сам не понял, в какую точку Восточного Кенсингтона я внезапно забрёл. Но я чувствовал себя так, словно пришёл в родной дом.

Ты знаешь, в тот момент, когда за моей спиной захлопнулась дверь, я позабыл о дороге с её листьями конского каштана, с её наёмными экипажами и треножниками торговцев; я позабыл о силе, которая тянула меня к дисциплине и послушанию домашней жизни; я позабыл обо всех сомнениях и страхах; позабыл об осторожности и благоразумии; позабыл обо всех сокровенных фактах этой жизни. В одно мгновение я стал жизнерадостным и изумлённо-счастливым ребёнком – очутившимся в другом мире. Это был мир другого свойства, сияющий более тёплым, более проникновенным и ласковым светом; его воздух был пронизан чуткой прозрачной радостью; сквозь лазурь его неба струились тронутые сверканием солнца облака. И перед моими глазами приветливо простиралась эта длинная широкая тропа с её клумбами, в которых не было пресловутых сорняков, но цвели дикие, полевые цветы – и эти два больших леопарда. Без тени испуга я положил свои маленькие

руки на их пушистую шерсть и стал ласкать их круглые уши, почёсывая чувствительные уголки за их ушами; я играл с леопардами, и они радушно приглашали меня, словно в родной дом. Да, в моём рассудке пульсировало чувство возвращения в родной дом. Вскоре на тропе возникла высокая златокудрая девушка; она подошла ко мне, чтобы поприветствовать меня, улыбнулась и спросила: «Что с тобой?» – а затем взяла меня на руки и поцеловала; поставив меня обратно на землю, она взяла меня за руку и повела за собой вперёд по тропе. И я не почувствовал изумления – напротив, ощущение услаждающей привычности, словно мне напомнили о счастье, которое я раньше проглядел. Я помню широкие бордовые следы, которые вели нас по тропе сквозь стебли дельфиниума; по этим следам мы дошли до величественной аллеи, по обе стороны которой росли старинные тенистые деревья. Вдоль этой аллеи, ты знаешь, в объятии переспевших красных гроздьев на тронах минувшей доблести восседали скульптуры и очень дружелюбные прирученные голуби.

Моя спутница вела меня по этой прохладной аллее; её глаза были опущены, и я помню обворожительные, изящно изваянные линии её подбородка и очаровательного доброго лица; она задавала мне вопросы своим ласковым милым голосом и рассказывала истории, приятные истории, о которых я всегда знал – хотя, что именно она мне рассказывала, я никогда не был в силах вспомнить… Вскоре с ветви дерева спрыгнула обезьяна-капуцин; её красновато-коричневая шерсть блестела, карие глаза излучали доброжелательность. Сначала она пробежала несколько шагов рядом со мной, затем подняла на меня свои глаза, улыбнулась и запрыгнула ко мне на плечо. Так мы шли втроём вперёд с ощущением великого счастья.

Он снова умолк.

– Продолжай, – попросил я.

– Я помню немногое. Но помню, как мы прошли мимо размышляющего под сенью лавров старца, мимо порхающих в залихватском вихре длиннохвостых попугаев; мы прошли сквозь колоннаду и очутились в просторном прохладном дворце, преисполненном изящных фонтанов, преисполненном обворожительных вещей, преисполненном совершенства и всего, что сулило сердцу наслаждение. На пути встретилось много предметов и много людей; некоторые из них прочно врезались в мою память, некоторые запомнились лишь смутно; но все эти люди были обворожительными и добрыми. И каким-то образом – я сам не знаю как, но мне транслировалось их доброе отношение ко мне – я чувствовал, что они рады меня видеть; они преисполняли меня радостью своими жестами, прикосновениями и приветливой любовью, сияющей в их глазах. Да.

Он задумался.

– Я обрёл там добрых ребятишек, с которыми я мог свободно играть. Они стали для меня истинным подарком, потому что я рос очень одиноким ребёнком. Они забавлялись услаждающими играми посреди покрытого травой двора, и им помогали украшенные цветами солнечные часы. И вся их игра была проникнута любовью…

Но – чудачески звучит! – в моей памяти образовался пробел. Я не помню, в какие именно игры мы играли. Я никогда не мог вспомнить. Впоследствии, будучи ещё ребёнком, я проводил многие часы, рыдая и пытаясь вспомнить очертания того счастья. Я хотел играть в эти игры снова и снова: сам с собой, в моей детской комнате. Нет! Единственное, что я помню – это ощущение счастья и двое дорогих моему сердцу ребятишек, которые чаще остальных играли со мною…» «Вскоре явилась угрюмая мрачная женщина; она была облачена в длинное бархатное одеяние бледно-пурпурных оттенков; держа в руках книгу, она поманила меня и отвела в расположенную выше холла галерею. Ребята, с которыми я играл, не хотели меня отпускать. Остановив свою игру, они стали наблюдать за тем, как женщина уводит меня. «Возвращайся к нам! – восклицали они. – Возвращайся к нам скорее!»

Я заглянул ей в лицо и увидел, что она не обращает на детей ни малейшего внимания. Сквозь суровую серьёзность её лица проскальзывало ласковое отношение ко мне. Она усадила меня в кресло в галерее, и я стал смотреть в книгу, которую она держала у себя на коленях. Страницы распахнулись. Она указала рукою, и на оживших страницах книги я увидел самого себя; я увидел рассказ о самом себе, и он повествовал обо всех событиях, которые происходили со мной с момента моего рождения.

Со мною приключилось чудо, потому что на страницах этой книги были представлены не картинки, ты понимаешь, но реальная, движущаяся действительность моей жизни.

Уоллес внушительно умолк и с сомнением взглянул на меня.

– Продолжай, – сказал я. – Я понимаю.

– Я лицезрел саму реальность: да, так должно было быть; люди двигались, предметы появлялись и исчезали; я увидел мою любимую маму, которую почти забыл; моего отца, неумолимого и прямолинейного; слуг, мою детскую комнату, все знакомые предметы своего дома. Затем входную дверь и движущийся по многолюдным улицам транспорт. Я смотрел, чувствуя изумление, и вновь недоверчиво вглядывался в лицо женщины; я перелистывал страницы, жадно проглатывая факты, желая увидеть продолжение книги; и вот наконец я увидел себя в нерешительности стоящего перед входом в зелёную дверь посреди длинной белой стены и вновь почувствовал противостояние и страх.

– А дальше? – воскликнул я, вознамерившись перелистнуть страницу, но холодная рука степенной и авторитетной женщины воспрепятствовала мне.

– Дальше? – настойчиво повторял я и слабо боролся с её рукой, сжимая её пальцы со всей своей детской силой. И вот она сдалась и, перелистнув страницу, склонилась надо мною, точно тень, и поцеловала меня в лоб.

Но страница не показала мне колдовского сада: ни леопардов, ни ведущей меня за руку девушки, ни ребят, с которыми я играл и которые так не хотели, чтобы я уходил. Страница показала длинную угрюмую улицу Восточного Кенсингтона в тот озябший час вечера, когда уличные фонари ещё не зажжены, и я стоял посреди улицы, никчёмное несчастное дитя, и громко рыдал, не пытаясь обуздать свои всхлипы: я рыдал, потому что не мог возвратиться к моим друзьям, которые кричали мне вслед: «Возвращайся к нам! Возвращайся к нам скорее!» Да, я стоял посреди улицы. Это уже и подавно была никакая не страница книги – это была беспощадная реальность; бесследно исчезли завораживающий сад и удерживающая рука строгой матери, у чьих коленей я стоял. Куда они исчезли?

Он вновь остановился, впиваясь глазами в каминный огонь.

– О прискорбная невозможность этого возвращения! – пробормотал он.

Спустя пару минут тишины я попросил:

– Продолжай.

– Проклятое малолетнее ничтожество, выброшенное обратно в угрюмый мир! Постигнув всю глубину того, что со мной приключилось, я всецело отдался неумолимой скорби. Унизительный стыд прилюдного рыдания и моё позорное возвращение домой остаются со мной до сих пор. Я до сих пор вижу лицо благожелательного пожилого господина в очках в золотой оправе, который остановил меня и заговорил со мною, дотронувшись до меня своим зонтом.

– Бедняжка! – произнёс он. – Ты заблудился?

И вот он, я, лондонский мальчишка лет пяти-шести! Вот он берёт меня за руку, вокруг нас собирается толпа, которой бросаются в глаза мои горькие рыдания; вот я вижу доброго молодого полицейского – и они вдвоём уводят меня домой. Так я безвозвратно покинул колдовской сад и очутился на ступеньках отеческого крыльца.

Что ж, именно таким является моё мнение об этом саде – саде, воспоминания о котором сопровождают меня по сей день. Конечно же, я не в силах постичь и разъяснить тот неописуемый вкус прозрачной нереальности, то витающее над ним отличие от всех обыденных вещей, но это, это то, что случилось. Если это был сон, то я уверен в том, что

этот сон привиделся мне посреди бела дня и был необычайно удивительным… Гм! Естественно, последовали ужасающие расспросы: от моей тётушки, моего отца, няни, гувернантки – от всех.

Я пытался рассказать им, и мой отец впервые в жизни выпорол меня за лживый, по его мнению, рассказ. Затем я пытался рассказать моей тётушке, и она наказала меня за мою назойливую шалость. Наконец, всем было строго запрещено слушать меня – слушать даже малейшее слово об этом. У меня даже на время отобрали мою книгу сказок – за моё больное воображение. Как тебе? Да, они сделали это! Мой отец был приверженцем старого воспитания… Итак, я остался с моей историей один на один. Я шёпотом рассказывал её своей подушке, и мои шепчущие губы становились влажными и солёными от детских слёз. К своим превратившимся в рутину молитвам я добавлял одну-единственную пылающую мольбу: «Господи, умоляю Тебя: даруй мне сновидение о саде! О! Возврати меня в мой сад! Возврати меня в мой сад!» Я постоянно грезил о саде. Я мог создавать в воображении дополнительные детали, мог что-то изменять; я не знаю… Тем самым, понимаешь, я пытался из крупиц воспоминаний воссоздать свои детские переживания. Между воспоминаниями о саде и последующими воспоминаниями моего детства образовалась бездна. В какой-то момент рассказы об этом чудесном мимолётном впечатлении показались невозможными.

Я задал очевидный вопрос.

– Нет, – ответил он. – Я не припомню, чтобы в те ранние годы я предпринял попытку отыскать свой путь обратно в сад. Сейчас мне это кажется чудаческим, но я чувствую, что мои домочадцы после той моей неудачи усилили надзор за моими передвижениями, с целью уберечь меня от моих блужданий. И до нашего с тобой знакомства я не предпринимал попыток снова отыскать сад. Невероятно, но я всецело позабыл о саде и совершенно не вспоминал о нём приблизительно до восьми или девяти лет. Ты ведь помнишь, каким я был мальчишкой в школе Святого Ательстана?

– Ещё бы!

– Я ведь в те годы совершенно не показывал виду, что у меня есть тайная мечта.

Глава 2

Он поднял на меня свои глаза, и его лицо внезапно озарила улыбка.

– Ты когда-нибудь играл со мной в «Северо-Западное путешествие»? Нет, в этом ты никак не мог меня превзойти!

– Это была великолепная игра, – продолжал он, – в которую играет каждый ребёнок с богатым воображением. Суть игры заключалась вот в чём: игрок должен был отыскать северо-западный путь до нашей школы Святого Ательстана. Общепринятая дорога до школы была достаточно проста – игрок же обязан был петлять улицами, которые не так привычны. Итак, я на десять минут раньше начинал свой путь, отправляясь в почти безнадёжном направлении; я бродил по совершенно непривычным улицам, стремясь добраться до пункта назначения. И вот однажды я заблудился в кварталах бедняков: где-то по ту сторону Кемпден-Хилл, и я начал думать, что в кои-то веки игра обернулась против меня, и что я опоздаю в школу. С чувством безысходности я петлял по улице, похожей на глухой переулок, на тупик, но, в конце концов, я нашёл верную дорогу до школы. Меня окрылила возродившаяся надежда, и я помчался вперёд по найденной дороге. «И всё-таки, я сделаю это!» – воскликнул я и побежал мимо ряда затхлых и грязных мастерских, которые были для меня необъяснимо знакомыми. И что же ты думаешь? Я увидел мою длинную белую стену и зелёную дверь, ведущую в колдовской сад.

Я словно оторопел от сильного удара. Получается, что тот сад, тот дивный сад, не был сновидением!

Он умолк.

– Я полагаю, что моё второе впечатление, дарованное мне зелёной дверью, во всей красе демонстрирует ту бездну разницы, что существует между насыщенной жизнью школьника и безграничным досугом ребёнка. В любом случае, в этот второй раз я не сумел сразу уйти прочь. Видишь ли, с одной стороны, в моём рассудке кипело страстное желание вовремя добраться до школы и тем самым не предать своего рекорда пунктуальности. Конечно же, я, должно быть, почувствовал хотя бы *крошечное* желание хотя бы просто прикоснуться к двери – да. Должно быть, я его почувствовал… Но мне кажется, что сейчас я вспоминаю своё стремление подойти к зелёной двери, главным образом, как очередное препятствие на пути моей непреодолимой решимости вовремя достичь школы. Конечно же, меня всецело влекло любопытство к этому моему открытию, и мой рассудок был преисполнен им – и всё же, я прошёл мимо двери и пошёл дальше. И дверь не предприняла попыток меня удержать. Я снова побежал, резко тряхнул рукой, чтобы посмотреть на часы, и увидел, что у меня в запасе есть ещё десять минут; и затем, минуя склон холма, я пошёл по знакомым окрестностям. И вот я добежал до школы, бездыханный, с испариной, но зато вовремя. И я сейчас помню, как я повесил в гардеробе мои пальто и шапку… Подумать только – прошёл вплотную мимо двери и оставил её позади себя! Ну не чудак ли, а?!

Он многозначительно посмотрел на меня.

– Конечно же, я на тот момент не знал о том, что дверь не будет и дальше на том же самом месте. Такова ограниченность детского мировосприятия. Зато я грезил о том, как восхитительно было бы вновь увидеть там эту дверь: вновь обрести мою дорогу к ней. Но надо мною могущественно довлела школьная жизнь. Я полагаю, тем утром я выглядел обезумевшим в своей рассеянности, потому что я силился вспомнить хотя бы немного о тех обворожительных странных людях, с которыми я вскоре снова увижусь. Во мне пылала чудаческая убеждённость в том, что они будут рады видеть меня… Да, должно быть, в то утро я грезил о саде как о восхитительном месте, которое услаждало бы душу во всякое мгновение отдыха от школьного усердия.

Тем не менее, в тот же самый день я не пошёл обратно к двери. Следующий учебный день был сокращённым, что очень повлияло на меня. Хотя моя нерадивость днём ранее возложила на меня определённые дополнительные обязанности по учёбе, потребовав от меня, соответственно, дополнительных временных затрат. Я не знаю. Но я твёрдо знаю, что на тот период времени завораживающий сад настолько поработил мой рассудок, что я был не в силах долее сохранять свою тайну внутри себя.

И я поведал её этому, как его? Ну этому, похожему на хорька, которого мы дразнили Гармошка.

– Малютка Хопкинс, – напомнил я.

– Точно, Хопкинс. Вот именно ему-то мне совсем не хотелось рассказывать. У меня было ощущение, что рассказать ему означало бы нарушить определённые правила – и всё же, я ему рассказал. Мы вместе возвращались из школы домой, он был разговорчивым – мы бы в любом случае о чём-нибудь разговаривали, даже если и не о колдовском саде; но для меня было невыносимо думать о чём-то другом. Так я и выболтал ему свою тайну.

Он, в свою очередь, разболтал мой секрет всем остальным. На следующий день во время перемены я обнаружил себя в окружении шести поддразнивающих и насмехающихся старших ребят; всех их снедало любопытство: все хотели услышать подробности о колдовском саде. Среди них был верзила Фосетт.

Ты помнишь его? – и Карнаби, и Морли Рейнольдз. А тебя, случайно, не было среди них? Нет, я думаю, я бы запомнил, если бы ты был.

И всё-таки, мальчишка – это существо, наделённое чудаческими чувствами. С одной стороны, я питал по отношению к самому себе скрытое омерзение, с другой стороны, мне льстило внимание этих старших парней. Я даже почувствовал наслаждение, когда за самую

изощрённую ложь в мире меня похвалил Кроушоу. Ты помнишь Кроушоу–старшего, сына композитора Кроушоу? Но вновь было постыдно с моей стороны рассказывать то, что я сам же считал священной тайной. Этот скотина Фосетт отпустил сальную шуточку, касающуюся девушки в зелёном.

Голос Уоллеса погряз в пронзительном воспоминании стыда. Я сделал вид, что не слышу Фосетта. Потом Карнаби обозвал меня малолетним вруном и заключил со мной пари, когда я сказал, что говорю правду. Я сказал, что знаю, как добраться до зелёной двери и могу отвести их всех туда за десять минут. И тогда в припадке свирепой справедливости Карнаби заявил, что я обязан их туда отвести и тем самым подтвердить свои слова – в противном случае меня ожидает серьёзное наказание. Тебе когда-нибудь выкручивал руки Карнаби? Тогда ты, наверно, понимаешь, что со мной происходило. Я поклялся, что моя история была правдивой. Много челюстей и щёк пострадало от ударов Карнаби, лишь только Кроушоу осмелился вставить свои пять копеек. Карнаби был царём своей игры. От перевозбуждения мои уши запылали, и я почувствовал испуг. Мои щёки и уши пламенели, точно ошпаренные, мои глаза пронзала боль, моя душа пылала скорбным стыдом – но я всё равно повёл себя как малолетний глупыш, потому что в результате, вместо того, чтобы в одиночестве отправиться в свой колдовской сад, я повёл за собой шестерых насмешливых, любопытных и угрожающих школьников.

Придя на место и оглядевшись, мы не увидели ни белой стены, ни зелёной двери.

– Ты имеешь в виду…

– Я имею в виду, что я не смог найти зелёную дверь. Я бы точно нашёл её, если бы мог.

И когда я впоследствии ходил туда один, я не мог найти её. Я никогда не мог её найти. Сейчас мне кажется, что я пытался её отыскать на протяжении всех школьных лет, но я никогда не встречал её – никогда.

– Парни устроили тебе месть?

– Не то слово, просто жуткую… Карнаби организовал надо мною целое судилище за упрямую ложь. Я помню, как я крадучись ходил по школьным лестницам, крадучись уходил из школы домой, чтобы спрятать ото всех своё зарёванное лицо. Но вечерами перед сном я плакал не из обиды на Карнаби, но из скорбной тоски по саду: по благостному полудню, о котором я с надеждой мечтал, по тем милым дружелюбным женщинам, по ожидающим меня ребятам и по игре, которую я с надеждою мечтал вновь разучить, по той прекрасной забытой игре.

Я был твёрдо убеждён в том, что, если бы я не рассказал этим па-

цанам свою тайну… И после этого в моей жизни начались тяжёлые времена: я рыдал по ночам и витал в облаках днём. Я прогулял два семестра и получил дурные отметки. Помнишь? Конечно же, ты помнишь, ведь это ты тогда обогнал меня в математике, чем и вдохновил меня вновь приняться за зубрёжку.

Глава 3

В течение нескольких секунд мой друг безмолвно впивался глазами в красное сердце каминного пламени. Затем он произнёс:

– Я ни разу не видел её до своего семнадцатилетия.

Третий раз был внезапным, как скачок, он молниеносно промелькнул перед моими глазами – я проезжал Паддингтон на пути в Оксфорд для сдачи вступительного экзамена в Оксфордский университет. Я склонился над дверью своего двухколёсного экипажа, куря сигарету и, вне сомнений, считая себя не самым конченым человеком в мире, – и вдруг появилась зелёная дверь, белая стена, сладостное ощущение незабываемых и всё ещё достижимых чудес.

По дороге гремели колёса нашего экипажа, и я был застигнут врасплох своим желанием остановить экипаж, как только мы подъехали вплотную к двери, едва свернув за угол. И вновь это чудаческое мгновение, вновь двойственный, противоречивый порыв моей воли – я постучал в дверцу на крыше экипажа и резко дёрнул рукою, чтобы посмотреть на часы.

– Да, сэр! – скороговоркой прокричал кучер.

– Э, нет, ничего, – прокричал я в ответ. – Показалось! У нас мало времени! Поехали! – И кучер помчался вперёд.

– Я успешно сдал свой вступительный экзамен. Мне потом рассказывали, что следующей ночью я сидел у камина в своей маленькой комнате на верхнем этаже отчего дома; у меня в ушах звенела похвала отца, его редкая похвала и его преисполненные логики и здравомыслия советы; так я сидел и покуривал свою любимую курительную трубку – вот она, запретная шалость юношества! – я сидел и размышлял о влиянии на мою жизнь зелёной двери и длинной белой стены. «Если бы я остановился, – думал я, – я бы провалил экзамен, упустил Оксфорд и загубил бы свою блистательную карьеру! Пожалуй, я начинаю соображать!» Так я сидел в глубоких размышлениях, уже тогда не сомневаясь в том, что ценою этой карьеры станет великое самопожертвование.

Те милые моему сердцу друзья и та ясная, безоблачная аура попрежнему казались мне сладостными и очень изящными, но в тот момент они стали отдалёнными. Теперь я учился постигать этот мир и владычествовать над ним. Теперь мне предстояло открыть другую

дверь – дверь моей карьеры.

Он снова стал пристально вглядываться в каминный огонь. В унисон с красным сиянием огня на его лице сверкнул упрямый напряжённый мускул; спустя лишь один мерцающий миг сияние снова скрылось в темноте.

– Что ж, – произнёс он и вздохнул, – я служил этой карьере верой и правдой. Я трудился, я много и усердно трудился. Но мне привиделись тысячи сновидений о колдовском саде, и я видел зелёную дверь, точнее, видел её лишь мельком четыре раза с тех пор; да – четыре раза.

На протяжении определённого периода времени мир казался мне блистательным и увлекательным, преисполненным осмысленных возможностей; в сравнении с этим миром воспоминания о чарующем саде были сглажены. Они были краткими и отдалёнными. Сам подумай: кто согласится похлопывать по спине леопардов и, тем самым, упустить шанс пообедать в окружении красивых женщин и известных мужчин? К тому времени я переехал из Оксфорда в столицу, был преисполнен дерзновенных многообещающих планов и уже получал свои первые дивиденды. Да, получал, но сколько же было разочарований…

За свою жизнь я был влюблён в двух женщин. Я не стану подробно рассказывать об этом, скажу лишь, что однажды я отважился на разговор с человеком, который сомневался в серьёзности моих намерений. Я решил сократить путь и отправился наугад по безлюдной дороге мимо Графского двора – и там меня застигли белая стена и знакомая зелёная дверь. «Удивительно! – воскликнул я. – Я был уверен, что это место где-то на Кемпден-Хилл. Я никак не мог отыскать это место – место из моей удивительной фантазии, это всё равно, что считать камни в Стоунхендже!» И я прошёл мимо зелёной двери, настойчиво стремящийся к осуществлению своей цели. В тот полдень зелёная дверь не повлекла меня столь сильно.

Она не повлекла меня, но всё же в моей душе возникло мимолётное импульсивное желание прикоснуться к двери, мне оставалось пройти всего лишь три шага, и я был уверен в том, что дверь отворится для меня, но я знал, что дверь отвлечёт меня от условленной встречи, в которой была задействована моя честь. Впоследствии я сожалел о своей пунктуальности: я мог бы на одну секунду заглянуть в дверь и помахать рукой леопардам; к тому же я отчётливо понимал, что запоздалые поиски снова ни к чему не приведут. Да, в тот полдень я почувствовал острое сожаление.

Затем последовали годы тяжёлой работы – и ни единого намёка на дверь в стене. Она вновь возвратилась ко мне лишь совсем недавно, и с тех пор я словно стал воспринимать весь свой мир сквозь плёнку. Я стал с прискорбной горечью осознавать, что, возможно, я больше никогда не

увижу дверь. Быть может, я выгорел от перегрузок на работе; быть может, я просто стал ощущать, что мне скоро сорок, – я не знаю. Но вне сомнений, из моей деятельности ушло то сверкающее вдохновение, которое облегчало любые попытки и начинания; и как назло, именно сейчас, со всеми этими реформами в политической сфере, я вынужден работать как никогда. Чудаческая судьба! И именно сейчас я ощущаю эту жизнь утомительной, а все вознаграждения никчёмными. Недавно моё желание возвратиться в сад стало неумолимым. Да – и я видел его три раза!

– Сад?

– Нет, вход в дверь. И я снова не вошёл внутрь!

Он склонился над столом, придвинулся ко мне и с великой скорбью в голосе произнёс: «Трижды у меня был шанс – *трижды*! Я поклялся себе: если я ещё раз увижу её, я зайду внутрь – прочь от этого пыльного пекла, прочь от этого скучной тщеславной мишуры, прочь от этого изнурительного и бесполезного труда!.. Я зайду туда и останусь там навсегда. В этот раз я останусь. Я поклялся себе, – и когда момент настал, я *снова* не зашёл внутрь».

Три раза за один год я видел дверь и не зашёл в неё. Три раза за последний год.

В первый раз это произошло в вечер наших очередных политических дебатов по законопроекту об арендных землях, когда при голосовании нынешнему правительству удалось удержаться благодаря перевесу всего лишь в три голоса. Никто из нашей фракции, да и из конкурентов тоже, не ожидал столь скорого финала. В тот вечер дебаты рухнули, просто треснули, как яичная скорлупа. Я и Хотчкисс обедали с его кузиной в ресторане «Брентфорд»; мы оба были без сопровождения дам; нас вызвали по телефону, и кузина отвезла нас на своём автомобиле к нужному нам месту. Мы подоспели вовремя, и на пути мне снова встретились мои стена и дверь; луна окропила их своим мертвенно-бледным сиянием; в свете автомобильных фар они ослепительно сверкали прожигающими жёлтыми пятнами, но я всё равно безошибочно узнал их.

– Господи! – воскликнул я.

– Что? – спросил Хотчкисс.

– Ничего, – ответил я, и момент был упущен.

– Я многим пожертвовал, чтобы прибыть к Вам, – произнёс я, обращаясь к парламентскому организатору партии, когда прибыл на место.

– Ну, бывает. Что теперь? – ответил он и поспешил прочь.

Я до сих пор не представляю, мог ли я тогда поступить иначе. Во второй раз это случилось, когда я ринулся к постели моего умирающего отца, чтобы успеть попрощаться со своим суровым непреклонным ста-

риком. Столь же неумолимой была власть сложившейся ситуации: в тот момент я и подавно не мог себе позволить зайти в дверь. Но третий раз был совершенно другим, и воспоминание о нём наполняет мою душу жгучим сожалением. Это произошло всего лишь неделю назад. Обед со мною разделяли Гёркер и Ральфс, ты знаешь о том, что мой разговор с Гёркером уже не является секретом. Мы обедали в ресторане Фробишера, и наша беседа была откровенной и душевной. Вопрос о моём назначении в реорганизованное министерство был уже решённым, и наша беседа служила лишь его формальным этапом. Да, да. Всё уже решено. Наверно, не следует особо трепаться об этом, но и лишние тайны нагромождать я тоже не хочу… Да, спасибо! Спасибо за назначение на пост министра! Но позволь мне рассказать тебе мою историю.

Тем вечером я ощущал себя словно в подвешенном состоянии. Я очутился в крайне деликатном положении. С одной стороны, я жаждал услышать финальный вердикт Гёркера, с другой стороны, меня смущало присутствие Ральфса. Хорошо, что у моего интеллекта есть способность вести лёгкую непринуждённую беседу, не акцентируя столь явственного внимания на своих эгоистических потребностях. И именно в этот раз я был вынужден воспользоваться своим умением. Тем более, поведение Ральфса лишь усугубляло причины моей предосторожности. Я знал, что Ральфс планирует покинуть нас где-то на Кенсингтон-Хайстрит – и вот тогда-то я и ошеломлю Гёркера внезапной откровенностью. Иногда приходится прибегать к таким уловкам… И вот тогда я боковым зрением увидел белую стену и зелёную дверь.

И мы прошли мимо, увлечённые нашей беседой. Я прошёл мимо. Я по сей день отчётливо вижу, как запоминающееся выражение лица Гёркера меняется под воздействием ползущей по нему тени и как его длинный нос торчит из-под складного цилиндра, как моя фигура отбрасывает тени на многочисленные складки его шейного платка и как мы прогуливаемся, наблюдая за удаляющейся фигурой Ральфса.

Я находился всего лишь в двадцати дюймах от двери. И я задавал себе вопрос: «Что случится, если я просто пожелаю им спокойной ночи и, наконец, зайду в дверь?» Но всё же я пламенно желал услышать финальный вердикт Гёркера.

Я запутался и был не в силах ответить на этот вопрос под гнётом моих земных проблем. Я размышлял: «Они сочтут меня сумасшедшим! Представить только: я исчезну именно сейчас! Изумительное исчезновение знаменитого политика!» И данные размышления довлели надо мною. Тысячи непостижимых мирских условностей тяготели надо мною в тот переломный момент.

Затем его губы задрожали в скорбной улыбке, и он медленно произнёс: – Вот и всё!

– Вот и всё! – повторил он. – Вот так я проворонил свой очередной шанс! Три раза за один год дверь радушно приветствовала меня и приглашала в мир, где царствуют умиротворённость, наслаждение и красота, которых ты не почувствуешь даже во сне, в мир доброты, которой ещё не достигли земные люди. И я отверг её приветствие и приглашение, Редмонд, я отверг её – и она навсегда исчезла.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю. Я знаю. Так я и остался один на один со своей ежедневной тяжёлой работой, вынужденный решать задачи, которые подавляли мою волю в эти три последних раза. Вы все толкуете о моём успехе – об этой пошлой и надоедливой безвкусице, которая у всех почему-то вызывает зависть. Да, у меня есть успех.

– Затем он зажал в ладони грецкий орех, с треском раздробил его своей ладонью и вытянул руку, чтобы я посмотрел на то, что осталось от ореха.

Вот он, мой успех.

– Позволь мне кое в чём тебе признаться, Редмонд. Эта утрата уничтожает меня. За последние два месяца, точнее десять недель, я не выполнял никакой работы, кроме самых необходимых и неотложных обязанностей. Моя душа преисполнена неутолимых сожалений. Каждую ночь, когда в темноте меня трудно различить, я выхожу из дому и брожу. Да. Мне любопытно, что подумали бы люди, если бы узнали об этом. Член совета министров, ответственный руководитель одного из важнейших учреждений бродит в одиночестве и скорбит, иногда не сдерживая всхлипов, оплакивает свою дверь, свой сад!

Глава 4

Я как сейчас вижу его мертвенно-бледное лицо и дикое для меня угрюмое, мрачное сияние его глаз. В сегодняшний вечер моё воображение рисует его образ особенно пылко. Я сижу, вспоминая его слова и малейшие оттенки его голоса, и на моём диване по-прежнему лежит последний вечерний выпуск Вестминстерской газеты, содержащий новость о его смерти. Сегодняшний обеденный перерыв в нашем клубе был всецело посвящён этой новости. Мы не могли говорить ни о чём-другом.

Его труп был обнаружен вчера ранним утром в глубокой яме, вырытой с целью земляных работ неподалёку от станции Ист-Кенсингтон. Это одна из двух шахт, выкопанных для расширения южной ветки железной дороги. Её проход защищён от проникновения посторонних людей забором, ведущим к шоссе, но для удобства живущих в этом направлении шахтёров в заборе вырезан узкий проём. Двое пешеходов ув-

леклись спором и забыли запереть этот проём. Именно сквозь него Уоллес мог держать свой путь.

Мой рассудок омрачён вопросами и загадками.

На протяжении последних заседаний он часто возвращался домой пешком. Возможно, он и в этот раз прошёл пешком весь путь от Палаты. Итак, я вижу его тёмную, укутанную в одежды фигуру, в настойчивой решимости шагающую вдоль ночных опустелых улиц. Неужели тусклое электрическое освещение могло показаться ему белой стеной? Неужели эта проклятая незапертая дверь пробудила в его рассудке воспоминания о его зелёной двери?

Существовала ли, в конечном итоге, та зелёная дверь в стене вообще?

Я не знаю. Я лишь рассказал вам его историю так, как он рассказал её мне.

Признаюсь: бывают времена, когда я думаю, что всё это, не более, чем легкомысленная болтовня; но чаще мне кажется, что Уоллес явился жертвой редкого, но не беспрецедентного случая зрительных галлюцинаций. Если на то есть ваша воля, вы можете назвать меня суеверным глупцом, но я более чем наполовину убеждён в том, что он обладал сверхъестественной способностью, чутьём, чем-то – не могу подобрать подходящее название – что под одеянием стены и двери даровало ему допуск, секретный ключ, особый выход для побега в иной и всецело более красивый мир. В любом случае, вы скажете, этот выход предал его в финале. Но предал ли он его? Здесь вы прикасаетесь к сокровенной тайне мечтателей, людей пророческого воображения и грёз. Мы видим наш мир обыденно и элементарно: всего лишь проём в заборе и глубокая рытвина. По нашим филистерским стандартам, он шагнул из мира защищённости в мир темноты, опасности, и смерти.

Но было ли его мнение таким же?

Перевод с английского Екатерины Коржовой

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ ПЬЕСА «ЖЕНЩИНЫ-ГЕНЕРАЛЫ СЕМЬИ ЯН»

Повествование о семье генералов Ян является одним из основных сюжетов китайской традиционной оперы и драмы. Представленная ниже пьеса – это вариант на данный сюжет фучжоуской оперы или оперы Минь (闽剧). Театральная опера региона Минь,[1] то есть провинции Фуцзянь, или театральная опера города Фучжоу, насчитывает более четырёхсот лет истории своего развития и по праву считается сокровищем театрального искусства китайского народа.

Самым известным персонажем данного повествования в китайской лингвокультуре является женщина-генерал Му Гуйин (穆桂英). Му Гуйин для современных китайцев – легендарная героиня, отважная мужественная женщина, выдающаяся личность, та, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Рассказ о Му Гуйин возник в книге «Повесть о генералах семьи Ян» (《杨家将演义》). Окончательно повесть оформилась во времена династии Мин (1368–1644 гг.), первоначальное название повести было «История династии Северная Сун» (《北宋志传》).

Му Гуйин – литературный персонаж, и сейчас уже не представляется возможным установить, существовала ли Му Гуйин на самом деле. Согласно легенде, Му Гуйин была из народности сяньби[2] и девичья фамилия у неё была Мужун (慕容). При быстром произнесении этих двух слогов постепенно эта фамилия стала произноситься как Му (木), поэтому в самых ранних источниках, где упоминалось имя этой женщины, писали Му Гуйин (木桂英). Но так как фамилия Му, записываемая иероглифом 木, не была китайской фамилией, то постепенно эту фамилию Му стали записывать иероглифом 穆. Му Гуйин была женой потомка знаменитой семьи генералов Ян в третьем поколении Ян Цзунбао (杨宗保).

История о семье генералов Ян получила хождение и популярность в народе сразу после того, как отец и сын семьи Ян погибли в период

[1] Минь – так называлось княжество в эпоху пяти династий, которое существовало на территории нынешней южной провинции Фуцзянь КНР. (Здесь и далее прим. переводчика).

[2] 鲜卑 – сяньби, одно из племён Северного Китая.

династии Северная Сун (960–1127 гг.), и популярна до сих пор вот уже на протяжении более девяти сотен лет.

Сначала повествование передавалось из уст в уста, а потом актёры оформили его в рукописное сказание хуабэнь (话本). Во время династии Юань (1271–1368 гг.) повествование превратилось в цзацзюй.[1]

Во времена династии Мин (1368–1644 гг.) возникло множество всякого рода рассказов о семье генералов Ян. Хотя все эти рассказы были написаны примитивно и плохо обработаны, но на их основе по-прежнему создавались разного рода произведения китайской традиционной оперы и драмы.

В повествовании о генералах семьи Ян в основном описывается война первых лет существования династии Северная Сун. В тот период после объединения Китая прошло лишь несколько лет, а расположенное на севере государство Ляо (907–1125 гг.), которое населяли кидани,[2] как раз стало очень мощным, и его войска постоянно вторгались на территорию Китая.

Чтобы дать отпор на нападения киданей, отцы и сыновья Ян действовали в этом героическом деле по принципу преемственности,[3] жертвовали собой, и если мужчины все погибали, то их заменяли женщины, которые смело шли вперёд и мужественно выполняли свою миссию, брали на себя задачу по противостоянию врагам. Эти истории наполнены сильным духом патриотизма и до сих пор трогают сердца людей.

Также семья Ян защищала свою страну от тангутов,[4] правивших царством Западное Ся (1038–1227 гг.).

Му Гуйин – самая выдающаяся женщина-военачальник семьи Ян. Она не только хорошо владела военным делом, была хорошо развита физически, метко стреляла из лука и отлично метала ножи, была отважна на поле боя во время горячих схваток и по своим способностям намного превосходила своего свёкра Ян Люлана (杨六郎) и мужа Ян Цзунбао, но и к тому же хорошо разбиралась в том, как эффективно использовать солдат, то есть разбиралась в тактике и стратегии военного искусства. Другими словами, она была талантливым военачальником и много раз становилась главнокомандующим армии.

В войне с киданями она совершила множество удивительных подвигов. Даже её свёкор и муж вздыхали, признавая, что им далеко до Му Гуйин. Поэтому прецедентное имя Му Гуйин на основе героической и патриотической составляющих этого образа ещё приобрело и юмори-

[1] 杂剧 – цзацзюй, музыкальная драма времён династий Сун и Юань.

[2] 契丹 – кидани – одна из народностей Древнего Китая, основавшая государство Ляо.

[3] 前仆后继 – передние падают, идущие за ними встают на смену.

[4] 党项 – точнее дансяны, ветвь тангутов, основавшая в эпоху Северная Сун царство Западное Ся на северо-западе Китая.

стический оттенок в плане того, что женщины смогли, что у китайцев называется, поднять брови и свободно вздохнуть (воспрянуть духом и поднять голову). Именно благодаря этому компоненту в семантической структуре представления, стоящего за прецедентным именем Му Гуйин, это имя особенно популярно в китайскоязычном культурном пространстве.

В своё время в китайских деревнях разного рода представления по сюжетам, связанным с именем Му Гуйин, долгое время не сходили со сцен народных театров. Благодаря этому имя Му Гуйин стало известным каждому китайцу олицетворением женщины-героини, выдающейся женщины, которая ничуть не уступает и талантливому мужчине.

Краткое содержание пьесы «Женщины-генералы семьи Ян». Во времена династии Сун (960–1279 гг. нашей эры) правитель царства Западное Ся со своей армией нарушил границу государства Сун. Служивший на пограничной заставе маршал Ян Цзунбао поднял войска по тревоге, чтобы дать отпор врагу. Во время разведывательного марш-броска в труднодоступное пограничное ущелье-лощину Хулу-гу маршал пал в бою от стрелы, выпущенной сидящим в засаде врагом. Оставшиеся в живых воины-пограничники отправились за подмогой вглубь страны.

В это время бабушка погибшего маршала госпожа Шэ Тайцзюнь, которой уже исполнилось 100 лет, как раз готовила банкет, чтобы отпраздновать 50-летний юбилей любимого внука. И вот такое ужасное известие, такая беда, семья в смятении, императорский двор в ужасе, пацифисты-капитулянты и царедворцы-предатели готовы уступить врагу часть территории страны и заключить мир.

Но почтенная столетняя Шэ Тайцзюнь, скрыв своё безмерное горе и скорбь глубоко в сердце, стиснув зубы, берёт под своё начало всех жён своих сыновей, и внуков, и правнука Вэнь Гуана – единственного оставшегося в живых мужчину семьи Ян, совсем ещё молодого человека. Она решительно отметает все доводы царедворцев и пацифистов-предателей. Шэ Тайцзюнь считает, что интересы нации превыше всего. Она смело бросается в бой, командуя генералами-женщинами семьи Ян. Наступление войск царства Западное Ся было отбито. Героини победоносно возвращаются в столицу царства. Правитель Западного Ся потерпел сокрушительное поражение и отступил в свои пределы. Но он жаждал реванша, и задумал коварный план.

Он узнал о том, что единственный представитель семьи Ян мужского пола молодой Ян Вэньгуан заступил на пост по защите пограничной заставы вместо своего погибшего отца. Правитель Западного Ся решил заманить его в ущелье Хулу-гу, взять в плен и затем шантажировать семью Ян – главных защитников государства Сун. Эти его планы

были вовремя раскрыты прабабушкой Шэ Тайцзюнь и матерью молодого воина – также известной женщиной-генералом Му Гуйин.

Они воспользовались разведданными погибшего маршала Ян Цзунбао, которые им сообщили выжившие сослуживцы героя. Суть данных была в том, что в этом пограничном ущелье существовали потайные настилы[1] на опасных участках горных дорог, по которым можно преодолеть естественные преграды коварного ущелья и избежать атаки из вражеской засады, и их блокады – обойти врагов с тыла и уничтожить лагерь захватчиков окончательно.

И вот Му Гуйин с сыном Ян Вэньгуаном и армейским отрядом по горным вершинам, рискуя жизнью, благодаря помощи местных проводников и старика-собирателя лекарственных растений, добираются, наконец, до потайных настилов в горах.

В это время Правитель Западного Ся уже полностью блокировал ущелье и угрожал престарелой главнокомандующей Шэ Тайцзюнь поджечь всё ущелье и лощину, если она не уступит ему пограничную заставу. Старуха-героиня уже готовилась принять смерть, так как не желала уступить врагу ни пяди родной земли. И в этот момент увидела, как вражеский лагерь охватило пламя – это был сигнал невестки Му Гуйин о том, что её отряд вне опасности и уже контролирует лагерь врага с тыла. Тут почтенная столетняя Шэ Тайцзюнь немедля подняла войска и повела их на лагерь ненавистного Правителя царства Западное Ся. Враг был уничтожен окончательно.

Действующие лица:

Шэ Тайцзюнь – столетняя глава рода Ян в государстве Сун.
Му Гуйин – знаменитая женщина-генерал, жена внука Шэ Тайцзюнь.
Великая княжна Чай – невестка Шэ Тайцзюнь, свекровь Му Гуйин.
Седьмая госпожа Ян – женщина-генерал семьи Ян, наставница Ян Вэньгуана.
Восьмая сестра – женщина-генерал семьи Ян.
Девятая сестра – женщина-генерал семьи Ян.
Ян Вэньгуан – правнук Шэ Тайцзюнь, сын Му Гуйин.
Император – глава государства Сун.
Коу Чжунь – чиновник государства Сун.
Ван Хуэй – чиновник государства Сун.
Ян Хун – дворецкий семьи Ян.
Цзяо Тингуй – генерал государства Сун.
Мэн Хуайюань – генерал государства Сун.

[1] 栈道 – мостки, висячие мосты (виадуки) в горах, фактически проложенные по брёвнам, вбитым в отвесные скалы.

Старик-собиратель трав.
Конюх Чжан Бяо.
Правитель царства Западное Ся.
Сын правителя Западное Ся Ван Сян.
Советник правителя Западное Ся.

Прочие женщины семьи Ян, евнухи, гонцы, слуги, офицеры и солдаты, полководцы.

Сцена первая

(Банкетный зал дворца семьи Ян)

Служанка (говорит):
Прошу Вас, госпожа.
Му Гуйин (поёт):
У Ян Цзунбао день рождения,
Во дворце все люди рады.
Свечи красные горят,
Долголетие сулят.
Всё украшено кругом. Вспоминаю, как встретились мы с ним на заставе Мукэчжай, и радуюсь нашему счастливому браку.
Несколько десятков лет пролетели как один день, но чувства наши по-прежнему сильны. Смешно, что я, военный человек, сегодня стала вдруг домохозяйкой. Мундир военный сменила на дамские наряды.
Из кухни в зал, потом обратно: тарелки, чашки ношу туда-сюда – приятная такая суета. Но думы всё о муже. Как он там, в горах, границу защищает?
Служанка (говорит):
Госпожа, посмотрите, всё ли готово к банкету?
Му Гуйин (поёт):
Пожелаем нашему воину долгих лет жизни и крепкого здоровья!
Великая княжна Чай (поёт):
Какой хороший день, душа поёт!
День рождения Ян Цзунбао отпразднуем на радость его бабушке.
Му Гуйин (говорит):
Здравствуйте, дорогая свекровь!
Великая княжна Чай (говорит):
Оставь эти церемонии, Му Гуйин. Всё ли готово к празднованию дня рождения?
Му Гуйин (говорит):
Все готово. Прошу Вас, свекровь, удостовериться.

Дворецкий Ян Хун (говорит):
Госпожа, госпожа!
Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос говорят):
Что, уважаемый?
Дворецкий Ян Хун (говорит):
К нам пожаловали редкие гости!
Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос говорят):
Кто же это?
Дворецкий Ян Хун (говорит):
Это генералы Цзяо Тингуй и Мэн Хуайюань вернулись с пограничной заставы.
Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос говорят):
Уважаемые генералы наверняка принесли важное сообщение. Проси же их скорее!
Дворецкий Ян Хун (говорит):
Уже пригласил. Пойду и сообщу об их приезде уважаемой Шэ Тайцзюнь.
Генерал Мэн Хуайюань (говорит):
Правитель царства Западное Ся идёт на нас войной.
Генерал Цзяо Тингуй (говорит):
Маршал Ян Цзунбао погиб.
Генерал Мэн Хуайюань (говорит):
Нашим войскам на границе требуется срочная помощь.
Генерал Цзяо Тингуй (говорит):
Мы ехали сюда без отдыха целые сутки. Требуется немедленно направить на границу подкрепление.
Генерал Мэн Хуайюань и генерал Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Уважаемая госпожа, дорогая невестка, там на границе…
Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос говорят):
Что? Почему надели вы траурное платье и скорбные лица у вас?
Генерал Мэн Хуайюань и генерал Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Там…
Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос говорят):
Неужели Ян Цзунбао…
Говорите же скорее!
Генерал Мэн Хуайюань (говорит):
Ах, уважаемая госпожа! Ах, дорогая невестка!
Ненавистный Правитель царства Западное Ся начал военные действия и вторгся на нашу территорию.

Генерал Мэн Хуайюань (говорит):
Маршал Ян Цзунбао попал в засаду.
Генерал Мэн Хуайюань и генерал Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Стрела, сидевшего в засаде врага попала в него, и он скончался от тяжёлого ранения.
Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос поют):
О! Мы слышим печальную весть о кончине сына и мужа. Как страшно! Ян Цзунбао, сынок мой… Ян Цзунбао, супруг мой…
Му Гуйин (поёт):
Я словно в море со скалы упала. Не хватит слёз мне оплакать мужа. Он погиб в бою. Как больно мне!
Великая княжна Чай (поёт):
Ах, что же будет с семьёй Ян? У нашей семьи остался только один наследник.
Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос поют):
Пусть же матушка Шэ Тайцзюнь назначит полководца и направит на фронт войска.
Дворецкий Ян Хун (говорит):
Шэ Тайцзюнь приглашает генералов Мэн Хуайюаня и Цзяо Тингуя садиться за стол.
Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос говорят):
Понятно.
Великая княжна Чай (поёт):
Мы не должны расстраивать матушку Шэ Тайцзюнь.
Генералы, прошу вас скорее переодеться.
Генерал Мэн Хуайюань и генерал Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Хорошо.
Великая княжна Чай (говорит):
А потом, прошу вас, поменьше беседовать с Шэ Тайцзюнь, поменьше пить вина и поменьше говорить.
Генерал Мэн Хуайюань и генерал Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Понятно.
Генерал Мэн Хуайюань (говорит):
Маршал отдал жизнь за Родину на поле брани.
Генерал Цзяо Тингуй (говорит):
Как же сможем мы поднять заздравную чарку вина?
Му Гуйин (говорит):
Устремляюсь мыслями за тысячу вёрст, туда, где мой супруг погиб, и разрывается душа…

Великая княжна Чай, Му Гуйин (в один голос поют):
Сынок мой! Супруг мой!
Женщины-генералы (говорят):
Пришла Шэ Тайцзюнь!
Му Гуйин (поёт):
Усилием воли я должна встретить уважаемую Шэ Тайцзюнь с улыбкой на лице!
Шэ Тайцзюнь (поёт):
Ха-ха-ха…
У внука юбилей и так радостно на сердце!
Мне, столетней, было бы по душе увидеть здесь все четыре поколения семьи, но редко такое счастье выпадает.
Му Гуйин (говорит):
Матушка!
Шэ Тайцзюнь (поёт):
Жаль, что Ян Цзунбао далеко на поле брани, границу охраняет.
Великая княжна Чай (говорит):
К банкету всё готово, прошу, Вас, дорогая свекровь, за стол.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
А где же Седьмая госпожа Ян и правнук мой Вэньгуан?
Великая княжна Чай (говорит):
Наверняка они в саду упражняются в боевых искусствах.
Ян Вэньгуан (говорит):
Тётушка, давайте быстрее!
Ян Вэньгуан и Седьмая госпожа Ян (в один голос говорят):
Здравствуйте, матушка! Здравствуйте, уважаемая прабабушка!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Ты, правнук, я смотрю, только и знаешь, что упражняться в военном искусстве, даже позабыл о дне рождения своего отца!
Ян Вэньгуан (говорит):
Прабабушка, послушай!
Сегодня тётушка Седьмая госпожа научила меня приёмам с копьём. Теперь я смогу бить врага и защищать Родину. Когда отец мой состарится и уйдёт на заслуженный отдых, я ведь должен буду суметь стать, как и он, маршалом!
Седьмая госпожа Ян (говорит):
Матушка, посмотрите, у ученика-то моего есть целеустремлённость, дух патриотизма и чувство долга!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Ха, ха, ха…
Женщины-генералы (говорят):
Просим, Вас, уважаемая Шэ Тайцзюнь, за стол!

Шэ Тайцзюнь (говорит):
Давайте, сядем все вместе!
Генерал Мэн Хуайюань (говорит):
Сменили траурное одеяние мы.
Генерал Цзяо Тингуй (говорит):
Со слезами на глазах вхожу я в этот зал!
Брат, как пить нам это здесь вино…
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Уважаемая Шэ Тайцзюнь, вот мы и явились к Вам.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Вот и хорошо. Со всеми повидались уж?
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Да, со всеми повидались.
Женщины-генералы (говорят):
Оставим церемонии, садитесь!
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Хорошо, спасибо!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Хуайюань и Тингуй, а почему вы двое не на пограничной заставе?
Зачем вернулись вы сюда?
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Мы, мы…
Великая княжна Чай (говорит):
Они приехали сюда отпраздновать юбилей Ян Цзунбао.
Генерал Цзяо Тингуй (говорит):
Да, да. Старший брат Цзунбао, он…
Генерал Мэн Хуайюань (говорит):
Он очень занят военными делами и специально командировал нас сюда, чтобы мы с вами, матушка, отпраздновали этот юбилей.
Ян Вэньгуан (говорит):
Дядюшки, а вы уже приготовили подарки ко дню рождения для моего отца?
Великая княжна Чай (говорит):
Подарки… Они уже готовы, в дальнем зале.
Вэньгуан, внучек, ведь ты ещё не выпил за здоровье прабабушки своей!
Ян Вэньгуан (говорит):
Ах, да! Желаю вам прабабушка ещё сто лет прожить и вечно не стареть!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Ха, ха, ха…
Правнук мой, Вэньгуан, дядюшки генералы Цзяо и Мэн – боевые друзья твоего отца, и тебе полагается первому предложить и выпить с ними за их здоровье!

Ян Вэньгуан (говорит):
Да, конечно!
Дорогие дядюшки, прошу вас выпить!
Генерал Цзяо Тингуй (говорит):
Брат, это вино…
Великая княжна Чай (говорит):
Дорогие племянники, вы же так устали с дороги, выпейте хоть по одной!
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Хорошо, только по одной!
Седьмая госпожа Ян (говорит):
По одной не годится! Сегодня же юбилей маршала Ян Цзунбао, ему исполняется 50 лет. Выпить надо как следует!
Давайте, по нескольку чарок!
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Не можем мы пить…
Великая княжна Чай (говорит):
Дорогие племянники, сегодня вашему старшему брату Ян Цзунбао исполняется 50 лет. Уважаемая Шэ Тайцзюнь так радуется. Вы уж выпейте… выпейте ещё по одной.
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Хорошо. До дна.
Великая княжна Чай (говорит):
Внук мой, Вэньгуан! Ты ещё не пожелал здоровья и не выпил со своими тётушками.
Ян Вэньгуан (говорит):
Да.
Седьмая госпожа Ян (говорит):
Как же так! Про жену юбиляра забыли!
Вэньгуан, слушай мой приказ!
Выпей с матерью своей и пожелай ей крепкого здоровья!
Ян Вэньгуан (говорит):
Есть!
Мама, сегодня в день рождения отца, я, твой сын, пью за твоё здоровье!
Му Гуйин (говорит):
Сынок, давай-ка, скорее, поднеси вино в знак уважения всем женщинам семьи Ян!
Седьмая госпожа Ян (говорит):
Постой! Вэньгуан, ты ведь ещё не выпил за здоровье своего отца!
Ян Вэньгуан (говорит):
Но ведь отца здесь нет!

Седьмая госпожа Ян (говорит):
Всё равно, надо выпить. Пусть мать твоя примет от тебя вино вместо отца.
Женщины-генералы семьи Ян (говорят):
Да, верно. Му Гуйин полагается выпить за мужа!
Ян Вэньгуан (говорит):
Мама, это вино я преподношу тебе в знак уважения к отцу. Прошу тебя принять его за отца и выпить.
Я хочу, чтобы его славное имя знали все. Желаю ему здоровья и счастья!
Му Гуйин (поёт):
Смотрю я на вино, а в глазах слёзы. Бедный сынок говорит всё это, и слова эти как стрелы вонзаются в сердце моё. С трудом я сдерживаю вопли. Приходится мне слёзы горькие сглотнуть и выпить терпкое вино!
Женщины-генералы (говорят):
Гуйин…
Му Гуйин (говорит):
Ничего, ничего…
Великая княжна Чай (говорит):
Му Гуйин устала очень в эти дни, выпила на пустой желудок, боюсь, она пьяна.
Вэньгуан, скорее маме помоги уйти, пусть отдохнёт.
Седьмая госпожа Ян (говорит):
Давай, я помогу тебе её увести.
Шэ Тайцзюнь (поёт):
Ах…
Му Гуйин обычно может выпить много, почему же от чарки одной опьянела?
Великая княжна тоже растеряна и мнётся в разговоре. И генералы выглядят неважно, мне ясно ничего не говорят.
Не иначе, как на границе беда произошла.
Подробно надо всё узнать.
Великая княжна, а Му Гуйин действительно пьяна?
Великая княжна Чай (говорит):
Боюсь, что да.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Мне кажется, что Му Гуйин о чём-то переживает.
Великая княжна Чай (говорит):
Нет, нет.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
А ты?

Великая княжна Чай (говорит):
Я…
Я только переживаю, что племянники, генералы, устали с дороги и выпили слишком много. Боюсь, как бы буянить не стали.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Да, вот я как раз хочу вас спросить, Хуайюань и Тингуй! Вы обычно выпить не дураки, и сегодня случай подходящий – юбилей Цзунбао, а вы всё ломаетесь, пить отказываетесь.
Ясно, что есть что-то такое, о чём тяжело говорить, вы что-то скрываете. Уж не случилось ли чего на пограничной заставе…?
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Матушка, на заставе… ничего не случилось.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Ничего не случилось?
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Да, да, ничего не случилось.
Великая княжна Чай (говорит):
Тингуй пьян. Скорее уведите его отдыхать.
Генерал Хуайюань (говорит):
Да.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Подождите! Генералы, я вас спрашиваю! Почему вы покинули заставу? Скажите ясно, зачем вы всё-таки приехали сюда?
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Мы…
Великая княжна Чай (говорит):
Они приехали на юбилей Ян Цзунбао.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Тингуй, я тебя спрашиваю!
Генерал Тингуй (говорит):
Слушаю.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Отвечай прямо, живее!
Тингуй (говорит):
Слушаюсь.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Тингуй, я спрашиваю тебя. Вы двое покинули заставу. Зачем же вы всё-таки вернулись сюда?
Тингуй (говорит):
Мы… мы приехали на юбилей Ян Цзунбао.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Я ещё раз спрашиваю тебя. У Цзунбао, там, на заставе всё хорошо?

Тингуй (говорит):
Он там…
Хуайюань (говорит):
Успокойтесь, матушка, у маршала всё хорошо.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Тингуй, скажи и ты, у Цзунбао… там, на заставе, всё хорошо?
Тингуй (говорит):
Матушка, успокойтесь, у маршала всё хорошо.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Вы вдвоём приехали в столицу по личному распоряжению Цзунбао?
Тингуй (говорит):
Да, по его личному распоряжению.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Но разве не отправил с вами он письма домой?
Тингуй (говорит):
Нет,… не отправил.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Коль нет письма, то перед отъездом он вам что-то поручил нам передать?
Тингуй (говорит):
Он…
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Говори!
Тингуй (говорит):
Перед смертью он…
Хуайюань (говорит):
Перед отъездом он…
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Молчи! Тингуй, ты говори!
Тингуй (говорит):
Маршал… он…
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Что с ним!?
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Он, он, он…
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Говорите, говорите, говорите…
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Он отдал жизнь за Родину.
Женщины-генералы (говорят):
Матушка…

Шэ Тайцзюнь (поёт):
Эти слова словно гром прогремели, душа улетела, в глазах потемнело.
Великая княжна Чай (говорит):
Матушка, простите за обман!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Пойди в покои, отдохни.
Великая княжна Чай (говорит):
Да.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Вернись-ка. Вэньгуан ещё слишком молод, не надо с ним много об этом говорить.
Великая княжна Чай (говорит):
Поняла. Матушка, берегите себя.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Восьмая сестра, Девятая сестра, доченьки, подайте мне большой бокал!
Восьмая сестра, Девятая сестра (в один голос говорят):
Матушка, берегите себя!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Наливайте до краёв!
Надеюсь, внучек мой выпьет этот бокал и будет ему хорошо на небесах. Цзунбао, внучек, сегодня твой юбилей, ты до конца был предан Родине и погиб за Родину. Ты был достойным представителем семьи Ян. Не посрамил памяти предков. Ты был хорошим внуком. Выпей же от души!
Седьмая госпожа Ян и Ян Вэньгуан (в один голос говорят):
Прабабушка, я должен отомстить за отца. Матушка, я должна отомстить за Цзунбао.
Женщины-генералы (говорят):
Матушка Шэ Тайцзюнь, просим вас скорее выбрать полководца, мы хотим сразиться с врагом и отомстить.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Надо подождать немного, не стоит горячиться. Вэньгуан, у твоей прабабушки есть идея. Генералы Цзяо и Мэн, прошу вас срочно доложить обо всём императору!
Генералы Мэн Хуайюань и Цзяо Тингуй (в один голос говорят):
Есть!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Врагов страны я ненавижу всей душой, пока врагов не уничтожу, покоя не найду!

Сцена вторая

Коу Чжунь (говорит):
Император прибыл!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Великая княжна, Му Гуйин пойдёт со мной встречать императора.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Я, старая служака, встречаю Вас, император!
(всем прочим):
Все прочие, оставьте нас!
Император (говорит):
Ох, ненавистное царство Западное Ся идёт войной и вторгается в наши пределы. Маршал Ян Цзунбао пожертвовал собой на поле боя.
Императорский двор, утратив такого воина, чувствует опустошённость и глубокую печаль!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Умереть за Родину – великая честь!
Вот только пограничная застава в опасности. Не знаем, когда Ваше величество направит туда войска, дабы спасти наших пограничников и защитить границу страны.
Император (говорит):
Тут медлить нельзя! И я желаю это сделать как можно скорее.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Кому же Ваше величество отдаст приказ двинуть войска? Кто будет назначен главнокомандующим?
Император (говорит):
Ну… хотя я и желаю двинуть войска, но нет желающих военачальников вести туда армию.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Я, старая служака, поняла Ваше величество.
Родина в опасности. И стоит только Вам принять решение, как я незамедлительно выполню Ваш приказ!
Император (говорит):
Матушка, вы это серьёзно?
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Зачем нужна пустая болтовня и формальная учтивость?
Император (говорит):
Если так, то я буду спокоен.
Ван Хуэй (говорит):
Да уж! Я знаю матушку Шэ Тайцзюнь. Она ставит общие интересы превыше всего!

Коу Чжунь (говорит):
Матушка, Вы так говорите, значит, тоже хотите заключить мир с Западным Ся?
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Как это, заключить мир с Западным Ся?
Коу Чжунь (говорит):
Так вот, его Величество сегодня прибыли и, во-первых, решили не перегруппировывать войска и не командировать генералов на границу, во-вторых, даже не обсуждать возможность отправки войск. Так как маршал Ян погиб за Родину, императорский двор и народ потрясены. Сила врага велика и даже, если начать с ним войну, то мы, несомненно, непременно потерпим поражение. Поэтому его величество император согласился с высоким мнением кабинета министров – намеренно пойти на временные уступки и заключить с царством Западное Ся мир.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Почтенный Коу, уж не твоя ли это идея?
Коу Чжунь (говорит):
Нет, нет, нет!
Это высокое мнение почтенного Вана! Матушка, Вы должны исходить из общей ситуации!
Ван Хуэй (говорит):
Почтенный Коу, зачем вы разжигаете страсти и сеете раздоры?
Коу Чжунь (говорит):
Я говорю всю правду без утайки!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Ваше величество, поступая так, вы наносите ущерб своей стране и вредите своему народу!
Ни в коем случае так поступать нельзя!
Император (поёт):
Матушка Шэ Тайцзюнь!
Заключение мира с Западным Ся не является истинным намерением! Просто не из кого выбрать генералов и некого просить в полководцы!
Ван Хуэй (поёт):
Тут проблема за проблемой!
Шэ Тайцзюнь (поёт):
Почтенный! Да неужели нет в государстве ни одного хорошего генерала? Неужели такая большая проблема уговорить полководца повести армию на войну?! Ещё не сделали ни одной попытки, не отправили ни одного отряда в бой, а уже лишились смелости?
За деревьями вы не видите леса!
Да только стоит бросить клич и вот вам полководец!

Коу Чжунь и Ван Хуэй (говорят в один голос):
Как это так?!
Шэ Тайцзюнь (поёт):
Я, Шэ Тайцзюнь, беру командование на себя!
Коу Чжунь (говорит):
Ха-ха! Нашлась главнокомандующая!
Ван Хуэй (говорит):
С древности и до наших дней – где это было видано, чтобы в столетнем старческом возрасте человек возглавил армию?
Уважаемая Шэ Тайцзюнь, вам ни в коем случае не следует действовать вот так безрассудно и по собственной прихоти!
Коу Чжунь (говорит):
Уважаемая Шэ Тайцзюнь стара годами, да крепка духом и телом!
Как раз, кстати, это будет хороший пример и образец того, как надо командовать и воевать!
Коу Чжунь и Ван Хуэй (в один голос говорят):
Она сможет командовать!… Она не сможет командовать…!
Коу Чжунь (говорит):
Ваше величество, как вы считаете, сможет Шэ Тайцзюнь командовать или нет?
Император (говорит):
Тайцзюнь…
Ха-ха, сможет, сможет!
Коу Чжунь (говорит):
Ну, что теперь скажете?
Ван Хуэй (говорит):
Хорошо, хорошо, хорошо!
Будем считать, что Шэ Тайцзюнь сможет принять командование, но только вот не хватает ещё одного важного человека – умеющего воевать командира авангарда. Неужели мы заставим почтеннейшую старуху ещё бросаться в открытую атаку?!
Шэ Тайцзюнь (поёт):
Почтенный, такого командира авангарда, какой есть в семье Ян, ещё надо поискать в Поднебесной!
Коу Чжунь (говорит):
У Шэ Тайцзюнь есть командир авангарда!
Ван Хуэй (говорит):
Где же он?
Коу Чжунь (говорит):
Конечно, есть!
Ван Хуэй (говорит):
Есть? Где же он?

Му Гуйин (поёт):
Я также сильна, как и в прежние годы!
Ван Хуэй (говорит):
Небесная княгиня!
Му Гуйин (поёт):
Почтенный, вы, услышав про Западное Ся, до смерти перепугались! А я считаю, что Правитель Западного Ся ничего из себя не представляет.
Вы хотите просить у него мира и капитулировать, а я хочу сражаться с врагом и защищать родную страну!
Генералы семьи Ян не позволят возводить на себя напраслину!
И хотя давно мы не ходили в бой, но мечи наши остры!
Шэ Тайцзюнь возглавит войска, а я буду командиром авангарда!
Вперёд, с копьём мы в бой пойдём!
На боевых конях преодолеем все преграды. Сигнал боевой и знамёна зовут нас в атаку! Врага мы изгоним с родной земли!
В течение одного дня мы осуществим три успешных боя, и победа будет за нами!
Коу Чжунь (поёт):
Хороша, сильна, как и в прежние годы!
Ван Хуэй (поёт):
Одна она в поле не воин!
Коу Чжунь (поёт):
Неужели вы не знаете, что женщины-генералы семьи Ян искусны в бою?
Ван Хуэй (поёт):
Но это всё в прошлом, былую силу не вернёшь!
Коу Чжунь (говорит):
Почтенный Ван, о чём вы говорите?
Ван Хуэй (говорит):
Только что вы, почтенный Коу, сказали, что все женщины-генералы семьи Ян искусны в бою. Это всё верно, но так было тридцать лет назад.
Коу Чжунь (говорит):
А сейчас?
Ван Хуэй (говорит):
Сейчас, боюсь, что они, как и я, дряхлые и ни к чему не годные.
Коу Чжунь (говорит):
Что вы сказали почтенный Ван? Я не расслышал, скажите громче.
Ван Хуэй (говорит):
Я говорю, что они, как и я, уже дряхлые и ни к чему не годные.
Женщины-генералы (говорят):
Женщины-генералы семьи Ян прибыли на аудиенцию к императору!

Император (говорит):
Встаньте! Встаньте!
Женщины-генералы (говорят):
Благодарим Вас, Ваше величество!
Седьмая госпожа Ян (говорит):
Почтенный Ван, вы говорите, что женщины-генералы семьи Ян дряхлые и ни к чему не годные, и что мы не сможем пойти на войну. Так посмотрите на меня, Седьмую Ян!
Женщины-генералы (поют):
Слава женщин-полководцев велика, много раз мы брали штурмом позиции врага, бросались в атаку, и шли напролом. И сейчас мы этим живём!
Седьмая госпожа Ян (поёт):
И вы смеете презирать меня, Седьмую Ян?!
Женщины-генералы (поют):
Вы презираете женщин-полководцев!?
Ван Хуэй (говорит):
Да разве смею я вас презирать!
Это Западное Ся может смеха не сдержать, увидев бабий батальон!
Ян Вэньгуан (говорит):
Не говорите, что не осталось в семье Ян мужчин. Есть ещё я, молодой Ян Вэньгуан!
Я, Ян Вэньгуан готов воевать!
Великая княжна Чай (говорит):
Вэньгуан, внучек, веди себя приличнее при императоре!
Коу Чжунь (говорит):
Высокие устремления молодого Ян Вэньгуана достойны похвалы и император его не упрекнёт. Ведь так, ваше величество?
Император (говорит):
Я его не упрекаю!
Коу Чжунь (говорит):
Да, его Величество не упрекает!
Говори же, Ян Вэньгуан, что хотел сказать!
Ян Вэньгуан (говорит):
Ваше Величество, наша семья Ян готова дать и полководцев и генералов, мы всегда верны и храбры. Мы не страшимся никого и ничего. Лишь только позорного мира мы не можем принять. Просим высочайшего указа, позвольте нам сразиться с врагом и послужить Родине!
Женщины-генералы (говорят):
Требуется освободить пограничную заставу!
Ван Хуэй (говорит):
Ах, почтенные дамы и молодые дамочки! Дорогие вы мои.

Важные дела страны и армии это вам не детские забавы!
Командование армией и военный поход это вам не шутки!
Ваша месть за маршала Ян Цзунбао – это частное малое дело семьи Ян, а судьба всей нашей страны – это дело важное и великое!
Шэ Тайцзюнь (поёт):
Что вы такое сказали?
Ван Хуэй (говорит):
Месть за маршала Ян Цзунбао – дело малое, частное. Процветание или гибель всей страны – дело великое!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Ой, ой, ой…
Почтенный Ван, вы недооцениваете нашу семью Ян, этими словами вы мне словно ножом по сердцу!
Седьмая госпожа Ян (говорит):
Почтенный Ван, по-вашему, мы всё это затеяли только лишь для того, чтобы отомстить за родственника?!
Женщины-генералы (говорят):
Чтобы отомстить за родственника?!
Шэ Тайцзюнь (поёт):
Почтенный Ван, вам следует быть осторожным в словах. Не надо говорить неосмотрительно и ставить под сомнение нашу преданность и честность.
Для семьи Ян командование войсками – это и честь и тяжёлая, большая ответственность. И мы докажем государю нашу беззаветную преданность. Ненавистные враги пришли к нам с войной, и семья Ян даст им отпор! Мы все вместе отважно пойдём в атаку штурмовать вражеские позиции!
Старые скомандуют, кто помоложе храбро ринутся в атаку.
Наши мужчины не пощадили жизни за Родину, и мы, женщины, готовы жизнь отдать за них и за Родину!
Мы отомстим за наших мужчин, а память об их беззаветной преданности и величии духа будет жить вечно! Кидани убили моего мужа, но им не удалось сломить стремление семьи Ян к победе и победить наше сплочённое войско. Три поколения мужчин нашей семьи убиты врагами, и оставался только один действующий зрелый воин в нашей семье – мой внук Ян Цзунбао. Но вот теперь и он погиб! Остались только старые да малые, одинокие и неприкаянные! Но мы не падаем духом, нам одной мести за родственника мало, мы за Родину, за наш народ отомстить хотим!
Ян Вэньгуан (поёт):
Ваше Величество, мы не позволим вам заключить мир с врагом!

Женщины-генералы (поют):
В поход, в поход, скорей в поход!
Император (поёт):
Хорошо! Вы без устали твердите, что в поход идти хотите. Вижу, что верность и храбрость действительно присущи семье Ян. Мне стыдно и я согласен.
Ван Хуэй (говорит):
Ваше величество, это может серьёзно отразиться на… Всё-таки нам следует быть более осмотрительными и благоразумными.
Коу Чжунь (говорит):
Почтенный Ван, не смейте наносить ущерб своей стране и вредить своему народу!
Ван Хуэй (говорит):
Матушка Шэ Тайцзюнь, я за свою жизнь претерпел и повидал немало, поэтому смею заявить, что я не ошибаюсь в своих прогнозах. И если в этом походе вы победите Западное Ся, то я освобожу свой пост чиновника и дам зарок, чтобы три поколения моих потомков не смели занимать должности при дворе!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Для семьи Ян самое важное – это преданное служение Родине. Нам нет дела до чиновничьих разборок.
Но прошу ваше величество поверить мне, что я желаю сражаться не на жизнь, а на смерть! Мы не уступим и пяди родной земли! Прошу вас, ваше величество, быстрее принять решение!
Император (говорит):
Хорошо, я не буду просить мира, и направляю войска!
Ван Хуэй (говорит):
Ваше величество!
Император (говорит):
Вы едва не погубили важное дело!
Император (поёт):
Верность и храбрость матушки Шэ Тайцзюнь и её семьи несомненны, они презирают опасность военного похода. С сегодняшнего дня я назначаю тебя, Шэ Тайцзюнь, главнокомандующим нашей армии. Веди же женщин-генералов и бейте врага. Я желаю вам с ходу добиться полной победы, избавьте страну от великой опасности! Поскорее возвращайтесь с победой, я буду ждать от вас во дворце вести о победе.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Благодарю вас, Ваше Величество!
Император (поёт):
Матушка Шэ Тайцзюнь, в день победы я буду лично встречать вас, и вы вернётесь во дворец в моей повозке!

Шэ Тайцзюнь (говорит):
Поход предстоит необычный, всех невесток надо собрать и приготовиться, чтобы завтра же выйти в поход.
Великая княжна Чай и Му Гуйин (в один голос говорят):
Есть!
Ян Вэньгуан (говорит):
Прабабушка, а я?!
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Ты…
Великая княжна Чай (говорит):
На фронте битва будет непростой, ты, Вэньгуан, слишком молод, и тебе надлежит остаться дома!
Ян Вэньгуан (говорит):
Я хоть и молод, но я прекрасно владею военным искусством. Я должен сразиться с врагом и послужить Родине. Я должен отомстить за отца.
Шэ Тайцзюнь (говорит):
Ты подожди, не спорь!
Завтра на учебном плацу ты, Вэньгуан, сразишься со своей матерью, это будет состязание в военном искусстве. После этого я приму решение.
Ян Вэньгуан (говорит):
Большое спасибо, прабабушка!

(продолжение следует)

Перевод с китайского Николая Воропаева и Ма Тянь Юй

ДАНИЛ ОСИПОВ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА ПРИЁМА СИЦЗЫ (析字): К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Изучение приёмов идеографической выразительности китайского языка представляется весьма интересным. Один из механизмов, позволяющих использовать особенности построения иероглифического знака и принципы сочетания графических элементов в стилистических целях, получил соответствующее название – 析字 (*досл. анализировать, разбирать иероглиф*) – *сицзы*[1]. Если говорить о данном потенциале иероглифа, то для понимания сущности производимого им стилистического эффекта важно обратиться к истории его формирования и развития.

Китайская поэтическая традиция знает особый тип текста, в котором слово не ограничивается своим звучанием и буквальным значением. Оно скрывает в себе образ, знак, намёк, а иногда и целую судьбу. Речь идёт о гадательных стихах *чэньяо* (*кит.* 讖谣), кратких рифмованных формулах, которые на протяжении веков воспринимались как предвестники исторических перемен. Эти тексты отличались предельной лаконичностью и многозначностью. Их сила заключалась не столько в прямом утверждении, сколько в загадке. Смысл пророчества раскрывался лишь некоторым. Уже в ранних образцах жанра можно наблюдать явление, которое позднее получит название *сицзы* (*кит.* 析字), то есть трансформация иероглифа и его составных частей с последующим извлечением скрытого значения.

[1] В рамках данной публикации представляется возможным использование в качестве переводческих соответствий для названия данного факта фонетической кальки, а также описательно – трансформация иероглифа, деконструкция иероглифа, разделение иероглифа и др. Основанием подобного переводческого решения можно считать обобщённый характер данного названия, так как в его состав входит набор разных операций с иероглифом: не только разделение, но и соединение. В итоге наиболее универсальным для всех случаев функционирования данного стилистического средства будем считать переводческое соответствие «трансформация иероглифа».

Выдающийся лингвист прошлого столетия Чэнь Вандао в «Основах стилистики» в определении приёма *сицзы* подчёркивает триединство формы, звучания и смысла иероглифа. Согласно определению Чэнь Вандао суть стилистического приёма заключается в следующем: автор берёт иероглиф, анализирует его через призму этих трёх аспектов и, обнаружив, что другой знак совпадает или тесно соприкасается с исходным в одной из этих областей, заимствует его для замены или дальнейшего смыслового развития.[1]

Происхождение и история этого приёма, позволяющего актуализировать внутренние детали написания иероглифа, отдельные черты, потенциально самостоятельные иероглифы внутри сложного знака, связаны с графическими загадками и пророчествами. В эпоху Хань особое место 析字 занимает в пророческих текстах (*кит.* 谶语/谶谣), использовавшихся в политической борьбе. Именно здесь «игра с формой» приобрела определённую идеологическую нагрузку.

Рассмотрим пример из «Канона сыновней почтительности»: 卯金刀，在轸北，字禾子，天下服 (*пер.*: *Кто соединяет «гнездо», «золото» и «нож»; кто стоит севернее созвездия Чжэнь; чьё второе имя складывается из «злака» и «ребёнка», того признаёт весь мир*). В этой формулировке 卯金刀 – это традиционное написание фамилии Лю (*кит. трад.* 劉, *кит. упр.* 刘), а 禾子 является разложенным иероглифом 季. При соединении указанных иероглифических знаков получаем 刘季. Такие тексты интерпретировались как «знак неба» о восстановлении власти Лю Бана, второе имя которого было 刘季, хотя фактически были текстами, созданными специально для политического влияния.

Проанализируем следующий пример. Ван Ман (*кит.* 王莽) пришёл к власти посредством манипуляции гадательными книгами. Находясь в страхе, что его тоже свергнут подобным образом, он меняет надписи на монетах, где встречались иероглифы 金刀 (*досл. металл* и *нож*), которые, по аналогии с предыдущим примером, намекали на род Люхань (*кит.* 刘汉), одно из названий династии Хань. Правитель ввёл новые деньги с надписью 货泉 (*досл.*: *денежный источник*), но оппозиция разделила второй иероглиф 泉 на составляющие его части – 白 и 水 (*досл.: белый* и *вода*), дополнила его и получила 白水真人 (*досл.*: *настоящий человек [вышедший] из белой воды*, имеется в виду топоним Байшуй), связывая это с местом рождения Лю Бана, следующего императора.

[1] Чэнь Вандао. Сюцы фафань. Основы стилистики. – Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ (Издательство Фуданьского университета), 2008. – С. 153–155.

В данном примере функции *сицзы* следующие: во-первых, разложение на составляющие части создаёт ореол сакрального текста, который будто бы исходит не от автора, а от Неба; во-вторых, игра с графикой маскирует конкретный политический посыл под видом загадочного символа; в-третьих, вызывает у аудитории эмоции страха, благоговения и создаёт веру в «неизбежность» смены династии. Таким образом, в гадательных надписях трансформация иероглифа выполняет не только эстетическую, но и манипулятивную стилистическую функцию.

Следующий этап в развитии данного приёма связан с использованием его в поэтических текстах. Со временем графическая деконструкция перестаёт быть исключительно инструментом сакральной или политической риторики. В период правления династии Поздняя Хань *сицзы* переходит из сферы чистого прогнозирования в область высокого литературного искусства. На данном этапе суть приёма заключается в осознанном разложении иероглифа на компоненты или в их необычной перекомбинации. Автор не просто пишет слово, он демонстрирует его внутреннее устройство. Читатель становится соучастником создания смысла. Именно так приобретают популярность основанные на трансформации иероглифа поэтические строфы, получившие название *лихэши* (*кит.* 离合诗), то есть стихи, основанные на разделении и соединении иероглифа.

Живший во времена династии Восточная Хань поэт Кун Жун (*кит.* 孔融, второе имя 文举 – Вэнь Цзю) является автором стихотворения, в котором каждые четыре строки скрывают один иероглиф. Две первых строки намекают на первый иероглиф, третья и четвёртая строка обозначают второй иероглиф. После этого первый и второй иероглиф соединяются в третий, процесс повторяется до конца стихотворения. Исключением из правила являются семнадцатая и восемнадцатая строки, которые непосредственно составляют свой отдельный иероглиф в рамках двух строк. Весь текст в итоге содержит фразу 鲁国孔融文举 (*пер.*: *Кун Жун, Вэнь Цзю, урождённый в царстве Лу*).

渔父屈节，水潜匿方。（鱼）
与岂进止，出行施张。（日）（鱼＋日＝鲁）
吕公矶钓，阖口渭旁。（口）
九域有圣，无土不王。（或）（口＋或＝國）
好是正直，女回予匡。（子）
海外有截，隼逝鹰扬。（乚）（子＋乚＝孔）
六翮将奋，羽仪未彰。（鬲）
龙虵之蛰，俾也可忘。（虫）（鬲＋虫＝融）

玟璀隐曜，美玉韬光。（文）
无名无誉，放言深藏。（兴）
按辔安行，谁谓路长。（扌）（兴+扌=举）

В период правления династий Вэй и Цзинь, а также Южных и Северных династий графическая трансформация иероглифа превратилась в изысканную интеллектуальную игру, позволившую авторам виртуозно шифровать глубокие чувства и политические смыслы. В этот период жанр *лихэши* получает дальнейшее распространение. Ярким примером является творчество поэта Пань Юэ из династии Цзинь, который в своём произведении зашифровал фразу 思楊容姬难堪 (*пер.: Тоска по госпоже Ян Жун невыносима*).

В каждой из шести поэтических строф используется идентичный механизм трансформации, который приводит к созданию иероглифа зашифрованной фразы. Так, в первой строфе из иероглифа 佃 *пахать* вычитается компонент 人 *человек*, остаётся 田 *поле*; из иероглифа 意 *мысль* убирается 音 *звук*, остаётся 心 *сердце*; в итоге при соединении 田 и 心 рождается иероглиф 思 *тосковать, думать* – первый знак зашифрованной фразы. Стилистически это превращает чтение в процесс дешифровки, где эстетическое удовольствие реципиента напрямую зависит от его способности «собрать» смысл из разрозненных графических элементов.

佃渔始化，人民穴处；意守醇朴，音应律吕。〔思〕
桑梓被源，卉木在野；锡鸾未设，金石拂举。〔楊〕
害咎蠲消，吉德流普；谿谷可安，奚作栋宇。〔容〕
嫣然以熹，焉惧外侮；熙神委命，已求多祜。〔姬〕
叹彼季末，口出择语；谁能墨识，言丧厥所。〔难〕
垄亩之谚，龙潜岩阻；勘义崇乱，少长失叙。〔堪〕

Следующий этап развития стилистического приёма охватывает периоды правления династий Суй, Тан и эпоху Пяти династий. Эпоха Тан – период расцвета китайской поэзии – по праву может считаться и золотым веком иероглифических загадок, основанных на приёме *сицзы*. Одним из классических примеров поэтического наследия эпохи Тан, созданных в жанре *лихэши,* в истории китайской литературы считается политическое пророчество «Лист», демонстрирующее в том числе и те особенности происхождения жанра, которые связываются с первым этапом и идеологической направленностью. Когда император Тайцзун спросил монаха И Сина о судьбе династии, тот подал ему лист дерева.

Иероглиф «лист» (*кит. трад.* 葉子) был разобран следующим образом: верхняя часть «трава» (艹) интерпретировалась как «двадцать» (廿), средняя часть – «мир, поколение» (世), а нижняя – «дерево» (木), в сочетании с иероглифом «сын» (子) они образовывали фамильный знак правящего дома Ли 李. Таким образом, в традиционном написании слова «лист» посредством декомпозиции его графем было зашифровано следующее пророчество: «род Ли на двадцать поколений».

В этот период приём *сицзы* часто связывали с «природными предсказаниями», якобы найденными на камне или на древесине (*кит. упр.* 石讖, 木讖), ставшими его вариативными названиями. В эпоху правлении династии Поздняя Лян было найдено расколотое дерево с надписью 天十四载石进 (*букв. Небо, 14 лет, Ши входит*). Мастера разбора интерпретировали данную сложную графическую трансформацию следующим образом: если от знака «четыре» (四) взять две вертикальные черты и приставить к знаку «небо» (天), получится циклический знак *бин* 丙. Если оставшуюся рамку от «четвёрки» соединить со знаком «десять» (十), получится циклический знак *шэнь* 申. В итоге комбинация знаков указала на 33-й год 60-летнего цикла, год воцарения Ши Цзинтана (*кит.* 石敬瑭), основателя следующей династии.

В последующие эпохи жанр *лихэши* не утратил своей значимости, более того, приобрёл новые особенности. Так, в одной из постановок традиционного театрального искусства, созданного прославленным драматургом Ван Шифу в жанре юаньская драма, «Западный флигель» (*кит.* 西厢记) героиня Хун-нян говорит: 着你跳东墙，“女”字边“干” (пер.: *Прыгни через восточную стену – [и окажется] что рядом с «женщиной» встанет «делать»*). Фраза “女”字边“干” – прозрачный намёк на иероглиф 奸 (*досл. порок, прелюбодейство*), но произносить его, а тем более записывать – табу, поэтому для выражения искомого смысла использован метод шифровки смысла посредством деконструкции иероглифов – *сицзы.* «Прыгнешь через восточную стену» – эвфемизм, по смыслу равный русскому выражению «ходить налево».

Обратимся к другому примеру из этого же произведения. Хун-нян обращается к Чжэн Хэну: 君瑞是个“肖”字这壁着个“立人”，
你是个“木寸”“马户”“尸巾”！ (*досл.* Цзюньжуй – это как иероглиф *напоминать*, на который опёрся стоящий человек, а ты [Чжэн Хэн] вершок дерева, двор коня и платок трупа!). Компоненты 木 (дерево) и 寸 (вершок), 马 (лошадь) и 户 (двор), 尸 (труп) и 巾 (платок) графически соединяются и создают иероглифы, обозначающие крайне грубые и бранные слова, поэтому в тексте они остаются разобранными. В результате использования приёма деконструкции иероглифов коммуникатив-

ная цель говорящего персонажа, состоящая в оскорблении и насмешке, была достигнута. В то же время данную реплику отличает оттенок остроумия, «умной брани». Вполне очевидно, что здесь главная героиня сюжета Хун-нян использует стилистический приём *сицзы* именно с целью его скрытого, завуалированного эффекта. Делает она это не для того, чтобы «сохранить лицо» Чжэн Хэну, а для сохранения собственного образа молодой женщины с определённым культурным уровнем. Поэтому она не произносит ругательства напрямую: это было бы невежливо, слишком грубо и выглядело бы как недостаток воспитания.

В эпоху Мин этот приём становится инструментом иронии. Двум женщинам с низкой социальной ответственностью захотелось, чтобы известный художник и поэт Минской эпохи Тан Боху написал для их заведения вывеску. Он написал изящную фразу 风月无边 (*кит. трад.* 風月無邊, пер.: *Ветер и луна не имеют границ)* в значении «выдающейся красоты ландшафт». Некоторое время спустя каллиграф Чжу Чжишань проходил мимо, посмеялся и указал на то, что Тан Боху их обругал. Это классический пример того, как приём *сицзы* создаёт двойственный эффект. При снятии рамок у традиционных иероглифов 風 (ветер) и 月 (луна) получается 虫二 (*пер.*: *две букашки*), то есть уничижительное обозначение и намёк на иероглиф 蠢 (пер.: *глупый*).

Как показывают приведённые примеры, главная трудность перевода *сицзы* заключается в том, что данный приём игры смыслами, актуализированный особенностями структуры и взаимодействия элементов иероглифического знака, основан на визуальной автономности иероглифа. В алфавитной системе письма слово утрачивает пространственную структуру. При восприятии иероглифа важно принимать во внимание его внутреннее устройство и предугадывать возможный зашифрованный смысл, в противном случае стилистический эффект приёма утрачивается и становится непонятным набором перечисления значений графических элементов, кажущихся, на первый взгляд, не связанными друг с другом. Значит, при переводе фрагментов текста, содержащих *сицзы*, читателю, не владеющему китайским языком, без дополнительного пояснения и комментария переводчика понять намёк не удастся.

Следовательно, при передаче подобных фигур речи переводчик вынужден выйти за пределы текста. Представляется, что в этом случае возможны два пути: **во-первых, переводческий комментарий**, краткое объяснение графической структуры; во-вторых, **графическое воспроизведение** – визуальное оформление перевода, намекающее на визуальную составляющую. Иного способа сохранить художественную многослойность практически не существует.

Подводя итог представленным здесь описаниям, важно сказать, что для понимания китайского языка в целом, и поэтики китайского художественного слова в частности, важно помнить, что иногда следует воспринимать иероглиф как художественный образ. Пройдя путь от гадательных стихов 谶谣 до лирики эпохи Сун и драматургии эпохи Юань, приём *сицзы* (*кит.* 析字) стал неотъемлемой частью китайского художественного мышления. Он демонстрирует особую природу иероглифа – знака, в котором форма неотделима от смысла. В таком случае письмо перестаёт быть лишь фиксацией звучания, оно становится пространством творчества, открывая для исследователя и переводчика новые горизонты. Освоение *сицзы* означает овладение особым типом **чтения**, при котором внимание направлено не только на иероглиф, но и на его строение. Именно в этом и заключается уникальность китайской словесности: в способности превращать черту и точку в элемент поэтической вселенной.

Литература:

1. Чэнь Вандао. Сюцы фафань (Основы стилистики). – Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ (Издательство Фуданьского университета), 2008. – С. 293.
2. Baidu Baike 析字. Байду байкэ сицзы [Электронный ресурс]. – URL: https://baike.baidu.com/item/ 析 字 /4909481 (дата обращения: 02.03.2026).
3. Baidu Baike 析字诗. Байду байкэ сицзыши [Электронный ресурс]. – URL: https://baike.baidu.com/item/ 析 字 诗 (дата обращения: 02.03.2026).

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

ДМИТРИЙ ПОПОВ

К ПРОБЛЕМЕ ПРОЧТЕНИЯ И ПЕРЕВОДА «БРАХМА-СУТРЫ»

«Брахма-сутра» (букв. «Нить Абсолюта»), или «Веданта-сутра», являет собой важнейшую самостоятельную часть «тройственного канона» (Прастханатрайи, или Трёх Источников веданты), именуясь в нём «источником представления» (ньяя-прастхана).

Всё учение веданты (изложенное в упанишадах) и основы практики йоги сформулированы в этом тексте предельно ёмко, кратко и ясно и в то же время образно и красиво.

Как известно, сутры представляют собой особый жанр индийской религиозно-философской литературы. Сутру можно сравнить с нитью жемчуга, откуда и происходит название жанра. Такой трактат состоит из отдельных фраз, каждая из которых кратко, точно и при этом литературно красиво излагает важную идею, которая логически продолжает предыдущую и предваряет последующую.

Но «Нить Абсолюта» даже в этом ряду стоит особняком и являет собой нечто уникальное. Большая часть жемчужин на этой нити – даже не предложения, а лишь двух-трёх-словные сочетания, которые являются лишь предикатами смысла и складываются во фразу лишь при прочтении сразу нескольких подряд, когда они как отдельные элементы соединяются в последовательно разворачивающееся предложение.

Поистине гениальный автор этой сутры сложил её как квинтэссенцию всей мудрости веданты-йоги, изложенной в нескольких десятках упанишад, а также и сочинениях выдающихся мудрецов. При этом он не только выбрал более полутысячи важнейших высказываний, но и сократил до предела их словесное выражение. И более того, он объединил их в группы, всесторонне раскрывающие какую-либо одну сторону бытия, и сократил большинство из высказываний в каждой группе до минимальных словосочетаний, соединяя их в одно предложение и создавая таким образом текст, который можно было бы назвать суперсутрой. А чтобы не нарушить формальной принадлежности фрагментов к высказываниям из различных источников, да и выделить каждый элемент смысла, нуждающийся в осозна-

нии и размышлении над ним, он оформил их в виде самостоятельных элементов, подобно отдельным высказываниям в обычной сутре.

К сожалению, с течением времени это стало всё больше и больше вводить изучающих в заблуждение, что каждое из этих словосочетаний должно быть развёрнуто в самостоятельное предложение. Тем более, что старательные начётчики часто находили в источниках своих школ фразы, которые содержали нужные слова в нужной последовательности, и решительно делали вывод, что именно эти фразы и раскрывают истинный смысл словосочетаний «Веданта-сутры». Таким образом, постепенно текст этого уникального по смысловой насыщенности и красоте источника превратился в совершенно ужасное и практически нечитаемое нагромождение изречений, несообразное ни с какой логикой и полностью лишённое единого смысла.

Увы, но именно с одного из этих уродливых вариантов ещё в позапрошлом столетии был сделан перевод на английский язык, который стал считаться в Европе классическим и с которого (или по меньшей мере, с опорой на который) в советское время был сделан перевод на русский язык. В постсоветский период одним из искренних энтузиастов был сделан «новый» перевод, который только усугубил положение, поскольку стал по сути лишь немного исправленным и дополненным вариантом предыдущего.

В итоге этот текст является первым переводом на русский язык (а возможно, и вообще на какой-либо из европейских языков) данного памятника в его изначальном неизменном виде.

БРАХМА-СУТРА

Часть I.

О ЕДИНСТВЕ

1. [О фундаментальном единстве сущего и непротиворечивой цельности откровения первоисточников]

…Аум[1]…

Начнём и продолжим постижением Абсолюта [I.1.1].

…Аум…

Того, что порождает всё обусловленное [I.1.2].

По заповедям Первоисточников [I.1.3] и прямому слиянию с Тем [I.1.4] в прозрении Безмолвия [I.1.5].

[1] В тексте оригинала Первослово (Первозвук) АУМ открывает и завершает каждую формулу. (Прим. пер.).

Ибо не исходит Дух ни от того, что подвержено нитям бытия, ни от Словозвука [I.1.6].

А попавший в путы освобождается познанием [I.1.7], оставляя и порывистость, и безгласность [I.1.8], обращаясь в самого Себя [I.1.9] путём обретения целостности [I.1.10] и восприятия Откровения [I.1.11], преисполняясь Счастьем [I.1.12] и ничем иным, как метаморфозами Словозвука в [Его] полноте [I.1.13], этой первопричины Слова-Учения [I.1.14], записанного и воспетого в священных мыслеформулах [I.1.15].

И никак иначе [I.1.16].

Дробление же Учения [I.1.17] [идёт] от страстей и необдуманного восприятия [I.1.18].

А ведь в нём и руководство к воссоединению [I.1.19], в нём и наставление в Правде [I.1.20] в великом многоразличии заповедей [I.1.21].

Это запечатлено в Пространстве [I.1.22].

То же самое и с Прасилой [I.1.23].

[Так же и] Свет разделяется в проявлениях [I.1.24].

Зримые формы возникают в их комбинациях и никак иначе [I.1.25].

А рассудок классифицирует их в речи, тем самым формируя представление [I.1.26].

Сонм лучей Начала Существ являет то же самое [I.1.27].

Так и в разнообразии заповедей нет никаких противоречий, ибо все они сходятся воедино [I.1.28].

Так, Прасила стоит за любой подвижностью [I.1.29].

И если уж говорить о Духе по заповедям, то обнаружится его нерасторжимое единство с Высшим Духом в его основе [I.1.30].

Лишь прозрение заповедей Учения делает Прекрасносветозарным [I.1.31].

И как в основе всякой жизни, несомненно, проявляется Прасила, так и восхитительное всеведенье в этом мире неотделимо от воссоединения с Тем [I.1.32].

2. [О следовании слову Правды]

Во всём следуй Учению [I.2.1].

Ведь нити бытия требуют свершения [I.2.2].

А неследованье – лишь для бестелесных [I.2.3].

Работай над самим собой по Учению [I.2.4], распознавая Словозвук [I.2.5] и размышляя [I.2.6].

И не только от беседы в сей малой обители Того, но и от светозарного чувствознания и пространственной Речи [I.2.7].

Так и только так достигнешь восторга [I.2.8], приникнув к Источ-

нику Сущего [I.2.9], к Пратворению [I.2.10], пребывая в сокровенном убежище Духа своего ради восприятия Того [I.2.11].

Проницательный [I.2.12], внутренне абстрагированный [I.2.13], пребывающий в Начале Слова-Учения [I.2.14].

Потому характеризуемый множеством понятий блаженства [I.2.15].

И внимающий Откровению, следуя путём [всего] множества понятий [I.2.16].

Ни к чему не привязанный и без всякой опоры, он целен [I.2.17].

Овладевший собой изначальный Божественный Деятель, он следует велениям Правды [I.2.18].

Ни предписания, ни обычаи, а лишь Правда – [его] водитель [I.2.19].

Ибо даже телесность не влияет на течение его сознания [I.2.20], а лишь сокровенное первоначало нитей бытия – Слово Правды [I.2.21].

Распознаванье истины и лжи [I.2.22].

Сопоставленье внешности [I.2.23].

Различенье многозвучия Вездесущего [I.2.24].

А также возможность памяти, мерила, постижения [I.2.25].

Словозвука начало и конец как непременная основа и тем самым – созерцанье всей совокупности Учения и даже всепроникающее Прасознание [I.2.26].

А отсюда неизбежно приходит Светозарность [I.2.27], а к тому же – подлинная цельность, (*по Джаймини*)[1] [I.2.28] также и распознавание (*по Ашмаратхье*) [I.2.29], заветное памятованье, (*по Бадари*) [I.2.30] реализация в истинном прозрении (*по Джаймини*) [I.2.31] и погружении в Себя, который от Того [I.2.32].

3. [О путях Словозвука и Слова-Учения]

Сияет Начало Бытия – обитель Словозвука своего [I.3.1].

Освобождающийся постепенно приближается Словом-Учением [I.3.2], размышлением в согласии со Словозвуком и никак иначе [I.3.3], а также приобщением к Прасиле [I.3.4] и преображением Словом-Учением [I.3.5] и Пратворением [I.3.6] и должным питанием [I.3.7], преисполненьем ясностью, идущей от Слова-Учения [I.3.8], правдивым проявлением [I.3.9], кругом вечных истин [I.3.10], как и руководством Прасознания [I.3.11], а также отрешённой жизнью [I.3.12], созерцанием действия Слова-Учения Того [I.3.13] и тонким откликом [I.3.14], ибо постигает знаки потока Словозвука [I.3.15], созерцанием и обретением

[1] Здесь и далее по тексту приводятся ссылки на почитаемых мудрецов древности. (Прим. пер.).

великой силы той [I.3.16], а также полной реализацией [I.3.17].

И не бывает иного осознания Его [I.3.18], вечного благодетеля всего, сущего в форме своей [I.3.19], к тому же – центра притяжения [I.3.20].

В тонком слышании он обретает словесность [I.3.21].

Так он трансформируется [I.3.22].

А также и в памяти [I.3.23].

То осмысленье Словозвука [I.3.24].

К тому же и сердечное прозрение человеку – надёжная опора [I.3.25].

А ещё и общение с Высшим (*по Бадараяне*) [I.3.26].

Несообразное же действие идёт лишь от личной корысти [I.3.27].

Таким образом, Словозвук и ничто иное – прямой источник истинного познания [I.3.28].

Отсюда и неизбежность вечной беспредельности [I.3.29].

То же и с индивидуальными живыми формами, впадающими в противоречие или проявляющими память-разум [I.3.30].

Так, подвластный заблуждениям являет потерю силы (*по Джаймини*) [I.3.31].

А становленье – в Свете [I.3.32] ради становления жизни (*по Бадараяне*) [I.3.33].

Легко идти бесстрастно внимающему, ибо он проявляет гибкость [I.3.34].

Путь воина так же превосходен, как колея священной колесницы [I.3.35].

Сказано, что поврежденье памяти и есть небытие [I.3.36].

То небытие беспамятно и тщетно [I.3.37].

[Нужны] внимание, изучение, устремлённость, отстранённость и память-осознание [I.3.38], вибрации, [I.3.39] свет прояснения [I.3.40].

Пространство – мотив и сокровенное Начало Слова-Учения [I.3.41].

В полном самопогружении прекращается раскол [I.3.42].

То – погружение в Начало Словозвука [I.3.43].

4. [**О единстве в многообразии и его постижении**]

Также сосредоточенное размышление неизбежно приводит к тому, что телесная форма мыслителя раскрывается осознанию и озарению [I.4.1].

Но лишь тонкое подлежит этому [I.4.2].

По мере преисполнения истиной [I.4.3] должное будет постигнуто тобой в безмолвии [I.4.4].

Ибо заповедано, что так и только так приходит Празнание [I.4.5] о Пратворении [I.4.6].

Таково тройственное решение Вопроса [I.4.7], именуемое Великим [I.4.8] и чашей претворения сущностей [I.4.9].

Так, уже явление света утверждает порядок всего многообразия в единстве [I.4.10], а исполнение Откровения – гармонию, подобную источнику нектара [I.4.11], и, конечно, логический охват безмерного многоразличия бытия [I.4.12] от многообразия Прасилы в избытке Слова [I.4.13] в едином свете жизни, неверном в любых внешних проявлениях [I.4.14].

Точно так же и с исходящим из Пространства, как сказано [I.4.15].

И так же с любым распространением [I.4.16].

Как [всё] подвижное и мыслящее [I.4.17].

Ведь [всё] живое направляется свойствами Прасилы, как это утверждено [I.4.18].

Иное дело лишь Джаймини, который иначе толкует тот же вопрос [I.4.19].

По смыслу заповедей [I.4.20], подтверждённому свидетельствами достигших (*по Ашмаратхье*) [I.4.21].

Тем более, то же и в самом бытии (*по Удуломи*) [I.4.22].

То же и с практикующими (*по Касакристни*) [I.4.23].

И подтверждается результатами внимательного изучения Природы [I.4.24] и посредством созерцания Учения [I.4.25], имеющими внутреннее зрение [I.4.26], и духотворческим преображением [I.4.27].

Ибо порождённое лоном влечётся к обратному поглощению [I.4.28].

Этим Единство в многообразии разъясняется всецело [I.4.29].

Часть II.

О ЦЕЛЬНОСТИ

1. [О цельности Учения и всего сущего, а также пути овладения ею]

Отвержение одного предания неизбежно влечёт отвержение и других [II.1.1] предубеждённым отрицанием и непониманием [II.1.2].

А этим отвергается [само] воссоединение [II.1.3].

Это разнообразие – не что иное, как истинное положение вещей и Словозвука [II.1.4], лишь прозреваемое [II.1.5].

Так, размышляющий над Словом-Учением распознаёт надлежащий путь [II.1.6].

Также признание нереальным чего-либо влечёт отрицание и всего остального [II.1.7].

То же самое и с осуждающим [других] приверженцев [II.1.8].

Ведь это [всегда] лишь избранный вариант Бытия [II.1.9].

А его собственные позиции также уязвимы [II.1.10].

Однако необоснованное и ложное суждение подлежит исправлению, как и слепая приверженность [II.1.11].

Таким образом, останется лишь неопровержимое и обоснованное [II.1.12].

Лишь претерпевающий весь путь без изъяна вмещает мир [II.1.13].

Это отождествление охватывает все проявления Словозвука [II.1.14]: в бытии и в осознании [II.1.15], в прошлом, настоящем и будущем [II.1.16].

А неправдивое и неистинное учение преодолеваемо тем, чего в нём недостаёт [II.1.17], через практику Словозвука изнутри [II.1.18], подобную ткачеству [II.1.19], как и явление Прасилы [II.1.20].

Принятие же чего-то отличного от Слова-Учения – источник привязанности ко греху [II.1.21].

К тому же пристрастия разобщают с Учением [II.1.22].

Так, объявление неуместным одного Предания приводит к отвержению и другого [II.1.23].

В итоге восприятие нарушается, как негодный молочник [II.1.24].

То же самое и с небесным источником мира [II.1.25].

А любой приверженец, лишённый полноты Словозвука, впадает в разлад [II.1.26].

А яснослышание Словозвука утверждает в изначальной Истине [II.1.27].

Ибо Дух столь же разнообразен [II.1.28].

А собственного мнения недостаточно [II.1.29].

И достигший полноты проявляет это [II.1.30].

Будучи свободным от всех тревог, как и Указано [II.1.31].

Вне всякого намерения [II.1.32].

Как в отвлечённой игре в обычной жизни [II.1.33].

Вне зависимости от страстей и страхов [II.1.34], действуя исключительно без цели и причины [II.1.35], достигая и обретая [II.1.36] всю Правду Проявленного [II.1.37].

2. [О субъективной стороне сущего: воле, восприятии и познании]

Упорядоченность недостижима вне волеизъявления [II.2.1], как и развитие [II.2.2].

Таково схождение дождевых вод [II.2.3].

Дикий скакун порывист и независим [II.2.4].

Иначе и травам не уродиться [II.2.5].

Как нет достижения в отсутствие цели [II.2.6].

Даже в незыблемом Прасознании [II.2.7].

Вне руководства нет осуществления [II.2.8].

Иначе теряется сама суть мышления [II.2.9] в противоречии и необоснованности [II.2.10].

Когда протяжённое и долгое вмещаемо ограниченным [II.2.11].

Во всяком случае, никакое действие невозможно вне этого [II.2.12] согласного единения для сбалансирования изменчивости [II.2.13], а также непрестанности бытия [II.2.14].

Где зримые формы всего, что имеет начало, проявляются в круговороте [II.2.15].

Во всяком случае, до утоления любой жажды [II.2.16] и непредвзятой беспристрастности к любым лишениям и излишествам [II.2.17].

А равнопринимающий порождающее и то и другое сам недоступен ни тому, ни другому [II.2.18].

Непричастный тому и другому тем самым утверждается в причинно-следственности, обретая мерило причинной связи [II.2.19], где каждое последующее событие определяется предыдущим [II.2.20].

Бескорыстно принимая и ущерб, и прибыток [II.2.21].

Сознательно и подсознательно овладевая тайной целостности [II.2.22].

Во всём прозревая необходимость [II.2.23].

От равноценности в Пространстве [II.2.24].

При единой Памяти [II.2.25].

Где всё сущее запечатлено и осознано [II.2.26].

Именно так совершенно беспристрастные достигают совершенной реализации [II.2.27].

Нет небытия для осознанного [II.2.28].

Как нет неправды даже в сновидении [II.2.29].

Как не бывает сущее неосознаваемым [II.2.30], [даже] мимолётное [II.2.31] и совершенно беспочвенное [II.2.32].

И ничего нет вне единства [II.2.33].

Так, даже чистый Дух не обладает полнотой [II.2.34].

Ведь, несомненно, каждый новый виток последовательно преоб-

разует первоначало [II.2.35].

И осуществление каждого следующего неизбежно в общей цельности [II.2.36] самого высшего Источника [II.2.37], нераздельного и неслиянного [II.2.38], вездесущего и недостижимого [II.2.39], включающего все без исключения истоки восприятия [II.2.40].

Как и бренный несовершенный рассудок [II.2.41], возрождающийся и уходящий в небытие [II.2.42], как никто жаждущий познавательной деятельности [II.2.43], изначально наделённый чувствознанием и непредвзятостью [II.2.44] и диалектичностью [II.2.45].

3. [О Слове Абсолюта и пути постижения]

Ничто произошедшее не забывается [II.3.1], а также и происходящее ныне [II.3.2], дополняя порождаемое [II.3.3] Словозвуком [II.3.4].

Пожалуй, так же, как изначальное Слово Абсолюта [II.3.5] без суждения и без исключения слагается в Учение [II.4.6], столь же разнообразное в формах выражения, как и многообразие вместилища миров [II.3.7], этим изначальным ветром изъясняемое [II.3.8], даже ещё несостоявшееся, равное неисполненному [II.3.9].

К тому же свет, воистину наполняющий всё [II.3.10].

И воды [II.3.11], и земные формы подвластны Словозвуку из сокровенного Источника [II.3.12].

Воистину лишь осознание Этого свидетельствует о Том [II.3.13], только в обратном направлении [II.3.14].

Сокровенно постигающий разум проходит по этому следу – так и никак иначе [II.3.15], самодостаточный в движении и покое, именно Тому Учению предаваясь в реальности бытия [II.3.16].

Для Духа нет ни забвения, ни недоступного в вечности [II.3.17].

Ибо [он] движим познанием [II.3.18], отправляясь в путь, проходя и возвращаясь [II.3.19], своим Духом и Высшим [II.3.20].

Так, ничто иное, кроме тонкого слуха, не имеет истинного веса [II.3.21].

Лишь внутренний Словозвук столь же весом [II.3.22], не встречающий преград, подобно сандаловому маслу [II.3.23].

Ибо лучшая и единственная опора достижения – в сердце [II.3.24], этой прямой нити в Нематериальное [II.3.25].

Так, необузданный, будучи проникнут этим ароматом, прозревает [II.3.26] и самоутверждается [II.3.27].

Лишь эта прочная нить Слова-Учения [несёт] празнание [II.3.28].

Ведь соотносимое с Духом бытие не являет никакого порока [II.3.29].

Ведь изначальное вочеловечивание подобно разделению единства

[II.3.30] с естественной осознанно-неосознанной приверженностью к тем или иным установлениям [II.3.31], исполнению книжных заповедей [II.3.32].

Блуждая по их предписаниям [II.3.33], по-своему принимая и применяя [II.3.34], ни одним поступком не отвечая заповедям Учения [II.3.35] в беззаконном стяжательстве [II.3.36]. извращая Силу [II.3.37], вне слияния [II.3.38] как лесоруб [который валит] так и этак [II.3.39].

Однако, в конце концов, он [обретает] слух [II.3.40].

Лишь деятельно упорный поиск меж должным и недолжным ведёт к Первоначалу [II.3.41].

Причём Слово-Учение распределяется настолько индивидуально как для слуги, так и для игрока, что необходимо сугубо индивидуальное постижение [II.3.42] природы мыслеформул [II.3.43] а также Предания [II.3.44].

Однако само Начало Света пребывает превыше всего, что ни есть, [II.3.45] [в том числе] и Предания [II.3.46].

Подлинное одобрение и неодобрение зависит именно от Начала Света [II.3.47], от следования и неследования [II.3.48].

Как в отражении [II.3.49], вне очевидного порядка [II.3.50], а именно – в достижении Начала [II.3.51] должным устремлением и никак иначе в этом бытии [II.3.52].

4. [О Прасиле и Учении]

То же и с Прасилой [II.4.1], подчинённой нитям суммы бытия [II.4.2], и согласно цельности [II.4.3].

И это предшествует слуху [II.4.4], это порождает Речь [II.4.5] по семи основным путям [II.4.6], включая ещё множество, дающее устойчивость и непрерывность несходного [II.4.7], и тонкое [II.4.8], и высшее [II.4.9].

Ни одно дуновение не веет отдельно [II.4.10].

Ведь подобно Началу Света, это положено всем Началам [II.4.11].

Так же, как и мрак не проявляется без причины [II.4.12].

Так, разуму предназначено пятеричное действие [II.4.13], а также тонкое [II.4.14].

А всё озаряет Начало Света – основа мышления [II.4.15].

Звучание Прасилы и есть Словозвук [II.4.16], и это непреложно [II.4.17].

Её силы и его Слово-Учение разнородно превосходны [II.4.18], раскрываясь слуху [II.4.19] в неописуемом разнообразии [II.4.20].

Но осознанность явлений обретает становление в тройственном потоке Учения [II.4.21].

Начало земной плоти так же подобно Словозвуку, как и остальные [II.4.22].

Однако лишь должным тщанием та речь осознаётся [II.4.23].

Часть III.

О ДУХОВНОЙ ПРАКТИКЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ

1. [О пути прозрения]

То внутреннее обретенье приходит вместе с овладением плетеньем смыслов [III.1.1], отвечающим обители трёхчастной [III.1.2] и течению Прасилы [III.1.3].

Предавшись слушанью движения Начала Огня и никак иначе [III.1.4].

Внимая изначальной Беспредельности и никак иначе, ради нерушимого прозренья [III.1.5].

А не внимающему Беспредельности искомого Первоначала не постичь [III.1.6].

Так, недостигший остаётся не познавшим обитель Духа в прямом её прозренье [III.1.7].

А снискавший это достиженье прозревает Память [III.1.8], именно так приближаясь [III.1.9].

И устремленье это именуется не чем иным, как усердием (*по Каршнаджини*) [III.1.10].

Так, не бесплоден никакой поиск того вмещения [III.1.11].

Ибо лишь это добродетель и порок (*по Бадари*) [III.1.12].

Ошибочное же следование Началам – то же, что и неверное Слышанье [III.1.13].

И лишь испытавший всевозможные силы восхождения и нисхождения в самоовладении обретает путь прозрения [III.1.14], и Память [III.1.15], и седьмицу [III.1.16].

И, конечно, тогда это делание в гармонии [III.1.17].

Лишь так овладевший деланием естественен [III.1.18] вне третьего, так достигая [III.1.19] и обретая Память в этом мире [III.1.20] и Прозренье [III.1.21], к тому же, вмещая нисходящий Словозвук, пламенно-рождённый [III.1.22].

Он входит в сосуществование телесного движенья [III.1.23] в недолгом распознании [III.1.24], так или иначе достигая, как выше сказано [III.1.25].

А небезупречность лишь от невосприятия Словозвука [III.1.26], проливающегося семенем благого воссоединения [III.1.27] в телесное

лоно [III.1.28].

2. [О целостном осознании]

Именно это единение и выражается в Творении [III.2.1], где Единое соразмерно проходит через Начала потомства [III.2.2].

Однако это лишь иллюзия отдельности при полном помрачении от пребывания в обособленном образе [III.2.3], вынуждающая обращаться к изучению Откровения и [опыта] Познавших [III.2.4].

Но лишь высшее созерцание Того Сокровенного, коим простёрто всё Это, восстанавливает связь [III.2.5], воссоединяя человека в прочном достижении [III.2.6].

Отсутствие же Его в каналах света и в духовном слухе разрушительно [III.2.7].

А Его присутствие пробуждает [III.2.8].

И именно это создаёт живую память велений Словозвука [III.2.9], и пребыванию в краю заблуждения приходит конец [III.2.10].

Ведь достигший вмещения выше любой двойственности всегда и везде [III.2.11].

А любое разделение цельности в противоположность единству означает не то [III.2.12], тем самым устремляя к единству [III.2.13].

Ведь именно внеформность даёт руководство [III.2.14], а Предвечный Глас – постижение [III.2.15], что зовётся прачувством [III.2.16], ясновосприятие, а также память [III.2.17].

Отсюда и уподобление солнечному Началу [III.2.18].

Но лишённый восприятия и распознания не таков [III.2.19].

Обретение и утрата подвизающимся места на Небесах в бытии прямо проистекает из этого [III.2.20], а также из осознания [III.2.21].

Столь часто упоминаемое состояние не имеет ни определения, ни исполнения [III.2.22].

Истинно говорится, что То не проявлено [III.2.23], но обретается осознанием сущего [III.2.24].

Так же, как у просветлённости нет особых признаков [III.2.25].

Просветлённость и исполнение суждённого неразделимы [III.2.26], ибо так Беспредельность надевает личину [III.2.27].

И то и другое говорит лишь о подобии звеньям одной цепи [III.2.28].

Просветление основано именно на обретении ясности [III.2.29], как следует из всего предшествующего [III.2.30], и наоборот [III.2.31].

Празнание разрывает узы неразумия от иллюзий [III.2.32], осознание тоже [III.2.33].

Преисполнение сознания имеет твёрдую опору [III.2.34].

Утверждение в распознавании подобно началу просветления [III.2.35] и выявления [III.2.36], а иное препятствует [III.2.37].

Этим приходит целостное вмещение творческой силы Словозвука Начал [III.2.38], итог осознания происходящего [III.2.39] и Услышанного [III.2.40].

Так, Джаймини предан Правде [III.2.41], а для Бадараяны исходное основание – в Слове-Учении [III.2.42].

3. [О самореализации]

Сумма идей единоведения и Начало силы речи и разума неразделимы [III.3.1].

Таким образом, нет никакой разделённости, а именно единство [III.3.2].

Так, изучение Первоисточников – это и добродетель, и долг [III.3.3], это и игра, и самообуздание [III.3.4], и постижение [III.3.5].

И в конечном итоге эта нераздельность ведёт к избавлению в Единстве [III.3.6].

Так, разнообразие Словозвука являет не что иное, как единство [III.3.7].

Подобно тому, как ни одно различие в Пратворении не противоречит исходу из высшего Начала [III.3.8].

То же и с тем, как это общеизвестно выражено в слове [III.3.9], с простёртым и уместным [III.3.10].

Изначально всё это нераздельно [III.3.11].

Блаженны Начала Правместилища [III.3.12].

Радость – Корень и Начало, не подверженное ни росту, ни убыванию из-за какой-либо раздельности [III.3.13].

При этом все вещи пребывают в единстве [III.3.14].

И созерцание – единственная цель [III.3.15] и следование Словозвуку Духа [III.3.16].

Дух, будучи высшим, обнимает всё остальное, выражаемое словом [III.3.17], а, следовательно, и беспредельную свободу, и возможную предопределённость [III.3.18].

Что должно быть исполнено, сообщается особо [III.3.19].

То же самое и с Единством [III.3.20].

То же и со всем прочим при Слиянии [III.3.21], вне всякого различия, [III.3.22] и Прозрении [III.3.23].

А также в достижении небесной полноты [III.3.24], в самопознании и никак иначе [III.3.25].

Начало проникновения есть цель [любого] различия [III.3.26].

В итоговом освобождении при посвящении в Словозвук предпи-

санные стебли куша с возвышенными гимнами – лишь дополнение [III.3.27].

Так, необходимо преодоление грани небытия, ибо это тоже рознь [III.3.28].

Склонность и добродетель не противоречат друг другу [III.3.29].

Надлежащим путём следует тот, кто счастливо сочетает и то и другое, избегая противоречия [III.3.30].

Достигший этой великой цели обретает миры [III.3.31].

Нет узды для того, кто в силах согласовать своё мышление со Словозвуком [III.3.32].

Столь же непреложный долг – следование призванию [III.3.33].

Непреложно осознание необходимости слияния обеих этих реалий, как это и предписано [III.3.34].

И это единственно великое благо [III.3.35].

А иное приводит лишь к неуместному расколу и ничему более, как сказано [III.3.36].

Ибо всё остальное вызывает отторжение [III.3.37].

Ведь именно это суть истинные Начала [III.3.38].

И потому иным стремлениям нет доступа к обители Начал [III.3.39] ради невреждения [III.3.40].

Именно это достижение указано [III.3.41].

Для этого нет системы определённых правил, но это всегда видно по естественному течению событий [III.3.42].

И это должно совершаться подобно жертве, как заповедано [III.3.43].

Знак должного – вмещение всё большей близости к Тому [III.3.44].

Уже описанное разнообразие Пратворения, пожалуй, подобно лишь делу Разума [III.3.45] при [его] верховенстве [III.3.46].

Потому лишь постижение несёт вперёд [III.3.47] при [ясном] восприятии [III.3.48], и главное – в беспрепятственном Начале яснослышанья [III.3.49], связанном со всеми Началами [III.3.50].

Мудрость неотделима от вмещения всего внешнего и созерцания, как это уже указано [III.3.51].

Ибо ничто, кроме обретения целостности при жизни, не даёт преодоления этого мира [III.3.52].

Как высший Словозвук пребывает в великой множественности, но и в неразрывном единстве [III.3.53].

Как индивидуализированный Дух – в телесном бытии [III.3.54].

Как конь не существует сам по себе, а ему нужен всадник [III.3.55], при этом равно освоивший [все] ветви ведения [III.3.56], подобно гармонии возглашения Начала мыслеформул [III.3.57].

Так, главное – успех земного предназначения [III.3.58], что индивидуально раскрывается в Начале Словозвука [III.3.59].

Так, должный выбор приводит к обретению исхода [III.3.60].

При этом никакая погоня за удовольствиями не должна служить побудительным мотивом жизни [III.3.61] в направлениях, как-либо связанных с бытием [III.3.62].

Как и заповедуется: [III.3.63] по сумме накоплений [III.3.64] и внимая единой нити бытия [III.3.65] и ничему, кроме того, что согласно бытию в яснослышании [III.3.66] и прозрении [III.3.67].

4. [**О призвании и освобождении**]

Таким образом, предназначение Самосознания [заключено] в беспредельном Словозвуке (*по Бадараяне*) [III.4.1].

В итоге предназначение каждого Самосознания утверждается в любом случае (*по Джаймини*) [III.4.2] в прозрении должной деятельности [III.4.3] и в яснослышании [III.4.4].

Ведь оба эти голоса звучат нераздельно [III.4.5].

Это диктуется призванием [III.4.6] и заповедями [III.4.7], а дополнительное руководство, согласно Бадараяне, это прозрение [III.4.8].

При этом равно постигаемые [III.4.9], [хоть и] не всегда [III.4.10], как стократно разделённые [III.4.11].

Мерилом здесь является степень усердия [III.4.12], и ни что иное [III.4.13] не достойно похвалы или одобрения [III.4.14].

И исключительно при действии по доброй воле [III.4.15] и постоянном усилии [III.4.16] поистине свободно восходящим потоком в Словозвуке [III.4.17].

Именно таков [верный] подход к побуждению и отказу (*по Джаймини*) [III.4.18].

Должное [определяется] в беспристрастном яснослышании (*по Бадараяне*) [III.4.19] или же в указаниях памяти [III.4.20].

Так, мерило одобрения – в постижении, и никак иначе [III.4.21].

Ведь бытие – от Словозвука [III.4.22].

Так, благой выбор – в распознавании, и никак иначе [III.4.23].

Так и в единой речи всё взаимосвязано [III.4.24].

Точно так же, как распространение Начала огня беспристрастно [III.4.25].

При этом всякая нужда требует Начала жертвы от Откровения, подобно коню [III.4.26].

Так, сумевшие утвердиться в Начале обители умиротворённости, при этом приняв Порядок, непреложно одолевают суждённое каждому [III.4.27].

Всё непозволительное и нарушающее жизнесилу избегается от прозрения [III.4.28] и свободы [III.4.29], а также и памяти [III.4.30].

Потому и Словозвук в бесстрастном действии [III.4.31].

И от назначенного каждому – обитель и судьба [III.4.32] по его способностям [III.4.33], всецело учитывая сочетание обоих этих факторов [III.4.34], и главное – прозрение [III.4.35].

Причём это достигается именно прозрением [III.4.36], к тому же памятью [III.4.37], распознаванием благого [III.4.38].

И потому эта веха превыше прочих [III.4.39].

Лишь осуществивший это и ставший таковым овладевает внешним бытием (*по Джаймини*) [III.4.40].

А невозможность высшего достижения – от падения и разъединения [III.4.41].

При этом изначально единые, они разрушают жизнь, как это уже сказано [III.4.42].

В любом случае вне [её] – и по преданию, и по обычаю [III.4.43].

Владыкой же становятся на почве яснослышания (*по Атрейе*) [III.4.44].

Таким образом, для преуспеяния нужно служение, в силу получаемой поддержки (*по Удуломи*) [III.4.45].

Вместе с тем, как сказано, с третьей стороны должное деяние определяется внутренним руководством, подобным Началу Учения [III.4.46].

Как домохозяин строит благополучное бытие [III.4.47].

Как положение Мудреца прочно всецело от Учения [III.4.48], от следования действительности, а не очевидности [III.4.49], от прозрения, коему нет преград в этом мире [III.4.50].

Так, плоды освобождения суть поводья надёжного самообуздания, несущие незамутнённую радость [III.4.51].

Часть IV.

О ПЛОДЕ ПОЗНАНИЯ АБСОЛЮТА КАК ЗАПРЕДЕЛЬНОМ БЛАЖЕНСТВЕ

1. [О прозрении]

Многократным повторением по Учению [IV.1.1] и вехам – [IV.1.2] лишь так достигают и овладевают Духом [IV.1.3].

Не ради [чего-либо] внешнего и не ради утоления [чего-то] [IV.1.4], а [ради] высшего постижения Абсолюта [IV.1.5] от Начала Начал проявления и хода вещей [IV.1.6].

Пребывая в собранности [IV.1.7] и созерцая [IV.1.8] в неподвижности и наблюдении [IV.1.9], и внимании [IV.1.10] на чём бы то ни было всецело сосредоточенный [IV.1.11], устремляясь к прозрению [IV.1.12].

Тот, кто обрёл это, преодолевает прошлую скверну, утрачивая узы, как сказано [IV.1.13], то есть, становясь таким образом не зависимым, но хозяином [IV.1.14].

Однако ещё неисполненный долг по-прежнему остаётся его заботой [IV.1.15], ведь в прозрении призвание – это Начало жертвенного Огня [IV.1.16].

Таким образом, иначе говоря, одно неотделимо от другого [IV.1.17], ибо всё это ради познания [IV.1.18].

Однако осуществление оставшегося окончательно завершает достижение [IV.1.19].

2. [**О просветлении разума**]

Голос разума – от Прозрения и Словозвука [IV.2.1] и потому всецело зависим [от них] [IV.2.2].

Простирается же разум, в свою очередь, жизнесилой [IV.2.3].

Через восприятие это приближает его к Началам [IV.2.4], в существах – через Откровение [IV.2.5], через самообуздание не в одном проявлении [IV.2.6], одновременно прибегая и к снисканию Нерушимого, и вне праздности [IV.2.7].

Так круговращаясь до избавления, по Учению [IV.2.8].

Тонка мера его, как и добыча его [IV.2.9].

Потому ничто не может повредить ему [IV.2.10].

Это как и в случае испарения [IV.2.11].

Удержание же возможно лишь в отношении чего-то телесного [IV.2.12].

Это ясно по всему [IV.2.13], и по Преданию тоже [IV.2.14].

Так что это – высшее, как и утверждается [IV.2.15].

Без исключения, как говорится [IV.2.16].

Это обитель высшего Света, проливающегося во врата познания неведомого и восполняющего его на пути заветного воссоединения, шаг за шагом сердечно принимаемого без счёта [IV.2.17], озаряемая тем светом [IV.2.18].

В ночи же нет слияния [IV.2.19].

По мере того и всё существо [его] естественно прозревает [IV.2.20], а это приводит к достижению правоты [IV.2.21].

И так воссоединяющийся обретает и память Того [IV.2.22].

3. [**О путях реализации**]

Так прославлено преисполнение Светом [IV.3.1].

Веяние же Словозвука едино-многоразлично [IV.3.2], громогласно проливаясь свыше и сочетая с Небесами [IV.3.3] по вехам тела тонкого [IV.3.4].

И то и другое избавляет от помрачения сознания, и это и есть достижение [IV.3.5].

Именно этими двумя озарениями обретается Откровение [IV.3.6].

Призвание – путь верной реализации (*по Бадари*) [IV.3.7] и обретения распознавания [IV.3.8].

К тому же это приближает к Слову-Учению [IV.3.9].

А окончательное исполнение призвания приносит то преодоление, за которым – Высшая Речь [IV.3.10] и Память [IV.3.11] в наивысшей степени (*по Джаймини*) [IV.3.12], и Прозрение [IV.3.13].

Так же, как не исполнивший призвания не достигает цели [IV.3.14].

Вместе с тем, не проявляющий себя вне зависимости от чего-либо подвижник тоже успешен в восполнении нужды своей (*по Бадараяне*) [IV.3.15], распознающий и прозревающий [IV.3.16].

4. [**О полной реализации и окончательном освобождении**]

Полная же реализация в замене собственности Глаголом [IV.4.1], освобождающая по завету [IV.4.2] творческий Дух [IV.4.3] безраздельным осознанием [IV.4.4] проявления Абсолюта в нисхождении к Началам (*по Джаймини*) [IV.4.5].

Ибо мысль составляет истинную природу каждого (*по Удуломи*) [IV.4.6], а также приятие гармонии порядка бытия (*по Бадараяне*) [IV.4.7], как и устремление, да и его яснослышание [IV.4.8].

Отсюда ясно, что нет иного высшего Владыки [IV.4.9].

То же и с небытием (*по Бадари*) [IV.4.10], которое лишь вид бытия по Писанию (*по Джаймини*) [IV.4.11].

Так что дюжинной жертвой пробиваются на обоих путях (*по Бадараяне*) [IV.4.12].

В совершенном небытии – слиянное проявление [IV.4.13].

Бытие же сходно с бодрствованием [IV.4.14], где светом наполнена обитель поистине прозревшего [IV.4.15].

Самовоссоединённый верно достигает одной из этих двух целей [IV.4.16].

Предназначение всего живого в избавлении [IV.4.17] от творенья неправды в доверенных обителях [IV.4.18].

Так и никак иначе в проявляемом Учении изначальный Владыка утверждается в мире Словом [IV.4.19].

А смятение и несчастье позволяют выявлять должное [IV.4.20].

И это ясно утверждаемо и прозрением, и выводами разума [IV.4.21], как и знаменующее воздаяние в меру достигнутого [IV.4.22] безвозвратно по Глаголу, безвозвратно по Глаголу [IV.4.23].

Аум – То – Так
(Аум – Тат – Сат)

Перевод с санскрита Дмитрия Попова

АННА БУЛДЫГЕРОВА

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

Интерес к китайскому языку существовал всегда. Его оригинальность связана прежде всего с иероглифическим характером письменности в целом и идеографическим аспектом китайских письменных знаков в частности. Именно эти факторы позволяют использовать визуализированные элементы значения в качестве основы для создания выразительного эффекта, поэтому можно считать, что средства китайского языка помимо фонетических, лексических, грамматических выразительных свойств демонстрируют широкую палитру изобразительных стилистических возможностей, связанных с характером письменности.

Совершенно не случайно знаки современного языка становятся уникальным средством выразительности, ведь древнейшие образцы китайского письма (XIV–XI вв.) – надписи цзягувэнь (*кит.* 甲骨文) – обладали по факту своего происхождения магическим символизмом, а образы, запечатлённые позднее пиктограммами, сначала очень наглядно воспроизводили фрагменты окружающего мира (деревья, горы, потоки и т. д.), а с течением времени стали воспроизводить (в том числе и благодаря структурным принципам) абстрактные понятия (любовь, красота, тревога и др.). Идеографическая выразительность находит выражение не только в иероглифических картинах, репрезентующих образы посредством комбинации формирующих иероглифический знак графических элементов (черт, крюков и точек). Яркость цитат и афоризмов

древних канонов становится более насыщенной, если принимать во внимание не только их лексическо-грамматическое своеобразие, но и смысловые акценты, визуализированные иероглифическими знаками или симметричным сорасположением обладающих определённой графической идентичностью синтагм. Изящность древних поэтических строф разных жанров становится более утончённой, если наряду с оригинальностью рифм, созвучий и мелодикой, создаваемой чередованием тональных рисунков, учитывать смысловую сочетаемость иероглифов, содержащих в своём составе идентичные элементы, способных тонко и детально изображать и визуализировать поэтические сюжеты, однако исключающих возможность передачи стилистического эффекта такого рода в процессе перевода.

Визуализация смысла посредством иероглифических ресурсов всегда привлекала мастеров китайского слова. Китайский исследователь Цао Шичжу (2009 г.) в работе «Курс идеографической стилистики» [1] рассматривает девять приёмов, стилистический эффект которых определяется выразительными возможностями китайской иероглифики. Идеографическая природа китайского письма и отражение в самых простых знаках китайской письменности особенностей называемых объектов и явлений стали основой использования последних в качестве способа описания тех или иных предметов и действий. Поэтому некоторые слова содержат в своем составе слово 字 (*досл.*: иероглиф), так как для их номинации использован визуальный образ того или иного иероглифического знака (безусловно из числа наиболее употребительных и базовых). Так, например:十字路口 – *перекрёсток* (*досл.*: соединение дорог в форме иероглифа 十 «десять») или 金字塔. – *пирамида* (египетская) (*досл.*: башня в форме иероглифа 金 «металл»).

Также в качестве примеров можно рассмотреть названия прописей для китайского письма. Как известно, китайское письмо также называют «квадратным», поскольку каждый иероглиф записывается в квадратной клетке, следовательно, прописи (тетради, предназначенные для прописывания иероглифов) представляют собой разлинованные на клетки (разного размера и вида в соответствии с уровнем владения навыками письма) тетради или блокноты. Интересными представляются названия таких прописей. Так, прописи, клетки которых разделены на четыре сектора и диагонали, называются 米字格 (*досл.*: клетка в форме иероглифа *рис*), а прописи, клетки которых разделены только на четыре сектора, – 田字格 (*досл.*: клетка в форме иероглифа *поле*). Такие названия наглядно подчёркивают своеобразие клеток: иероглиф *поле* (*кит.*: 田) представляет собой квадрат с пересекающимися внутри него под прямым углом горизонтальной и вертикальной линиями. Иероглиф *рис*

(*кит.*: 米) визуализирует и сходящиеся к центру (в верхней части квадрата), и расходящиеся от центра к противоположным углам (в нижней части квадрата) диагонали, отмеченные в прописях пунктирными линиями, выступающие вспомогательной основой для правильного направления черты и расположения иероглифа в клетке. Если говорить о том, как на китайском языке называются тетради в привычную для нас клетку, то это название также образовано на основе зафиксированного иероглифом образа 网 – сеть (рыболовная), 网格本 (*досл.*: тетрадь в клеточную сетку).

Такой, основанный на сопоставлении графических образов, заключённых в иероглифических знаках, с особенностями реальных вещей и предметов, приём в китайской стилистике получил название «идеографическая метафора» *(кит.*: 借形 досл.: *использовать форму (для описания)*). Идеографическая метафора позволяет визуализировать и наглядно воспроизводить внешние черты описываемых явлений за счёт их внешнего сходства с тем или иным иероглифическим знаком, который, в свою очередь, воспроизводит черты иного предмета. Такое многоступенчатое сравнение выступает достаточно распространённым приёмом идеографической стилистики, основой которого выступает узнаваемость формы иероглифа и простота комбинаторики входящих в него графических элементов.

В качестве примера рассмотрим фрагмент из известного китайского классического романа «Троецарствие» (*кит.:* 三国演义): 诸葛亮下令把船头朝西，船尾朝东，一字摆开，又叫船上的军士擂起鼓来，大声呐喊[1] (*пер.*: *Чжугэ Лян отдал приказ выстроить лодки носом на запад, кормой на восток – в прямой ряд, а солдатам велел бить в барабаны и громко кричать*). При описании положения лодок в этом предложении на китайском языке использован образ иероглифа, обозначающего цифру «один» и представляющего собой одну горизонтальную линию: 一字摆开 – *поставить в ряд* (*досл.*: расположить в форме иероглифа 一 «один») .

Ещё один пример – отрывок из повести Лу Синя «Снадобье» (ч.2). 老栓走到家，店面早经收拾干净，一排一排的茶桌，滑溜溜的发光。但是没有客人；只有小栓坐在里排的桌前吃饭，大粒的汗，从额上滚下，夹袄也帖住了脊心，两块肩胛骨高高凸出，印成一个阳文的**“八”字**[2]。(*пер.*: *Расставленные в порядке столы сверкали чистотой. Посетители ещё не появлялись; только сын старика – Сяо-шуань сидел за столом и ел. Со лба у него скатывались крупные капли пота. Под теплым хала-*

[1] 草船借箭， 高级汉语，北京语言大学出版社 2000 年

[2] 【再读经典】鲁迅《药》 https://www.sohu.com/a/207835189_99894779

том, прилипшим к спине, резко обозначались лопатки)[1]. В переводе опущена заключительная часть предложения, уточняющая предшествующее описание: 印成一个阳文的“八”字 (*досл.*: *похожие на симметричные откидные в иероглифе восемь, выступающие на рельефном иероглифическом орнаменте*). В этом фрагменте для описания торчащих от худобы лопаток главного героя повести автор использовал знакомые каждому китайцу рельефные письмена – иероглифический орнамент, характеризующийся выпуклостью формирующих иероглиф черт и точек. Заимствование такого факта становится яркой основой для изображения данной детали образа главного героя.

Как уже было сказано выше, пиктограммы способны реализовать значение не только самостоятельно, но и внутри знака более сложной структуры. Использование одного и того же графического элемента (или графического определителя) в разных иероглифах, объединённых некой общностью семантического содержания, основанной, к примеру, на родо-видовой отнесённости описываемых явлений или свойств, становится демонстрационной основой существования ещё одного приёма идеографической стилистики – графических синонимов, то есть иероглифических знаков, избираемых для построения высказываний на основе идентичности входящего в их состав одного и того же детерминатива (смыслового форманта) с целью создания визуальной выразительности. Например, в названиях сортов китайского чая – 茉莉茶 (*пер.*: жасминовый чай) или 花草茶 (*пер.:* чай из цветов и трав) в каждом из трёх иероглифов можно увидеть в позиции «сверху» ключ со значением «трава», что, с одной стороны, указывает на принадлежность жасмина и чайных листьев к элементам растительного мира, а, с другой стороны, производит определённый эффект для зрительного канала восприятия. Стилистический эффект графических синонимов особенно актуален в китайской поэтической традиции. Однако этот вопрос заслуживает отдельного изыскания.

В числе идеографических особенностей также следует рассмотреть способность пиктограмм к реализации значения не только при самостоятельном употреблении, но и при функционировании некоторых из них внутри знака более сложной структуры, а именно, знака, образованного путём удвоения или утроения исходной пиктограммы. Комбинацию удвоения или утроения исходной пиктограммы принято называть графическим повтором. Нужно отметить, что повтор считался одним из эффективных средств выразительности ещё со времён создания первых поэтических текстов, включённых собирателями народных песен в канон «Шицзин» (*досл.*: Книга песен).

[1] Лу Синь «Снадобье» пер.: https://www.rulit.me/books/snadobe-read-89691-1.html

На идеографическом уровне повтор, то есть удвоение, утроение и даже четырёхкратное повторение исходной пиктограммы, выступает способом создания нового иероглифического знака, а вместе с тем и нового смысла, в основе которого лежит усиление описываемых свойств или количественное увеличение. Выразительный потенциал иероглифических знаков, объединённых графическим повтором идентичной пиктограммы, часто выступает основой визуализации презентуемого содержания. Интересно, что такие идеограммы могут образовывать языковые единицы, семантика которых обусловлена кратным нарастанием ключевого признака исходной пиктограммы. Например, название известной в Китае компании, популярной в сфере светодиодного освещения, 木林森 MLS, Co, привлекает внимание за счёт использования механизма кратного повтора пиктограммы 木– *дерево* в каждом последующем иероглифическом знаке, входящем в состав лексической единицы: 林 – *лес*; 森 – *роща*.

Созданные в результате такого способа иероглифы часто относятся к категории редких (кит.: 生僻字), однако их изобразительные свойства становятся решающим условием выбора именно таких знаков для воздействия на получателя письменного сообщения. В современной языковой реальности наибольшее внимание привлекают демонстрирующие высокую степень изобразительности речевые построения, популярные в мессенджерах и социальных сетях выражения. Так, сегодня в китайском медиапространстве всё большую популярность приобретают трёх- и четырёхсложные выражения, обладающие высокой степенью идеографической выразительности. Комбинаторика значений иероглифических знаков, продуцируемых на основе роста кратности повтора исходной пиктограммы в каждом последующем в составе выражения знаке, ведёт к десятикратному повтору исходной единицы. Такая иероглифическая аккомодация имеет два уровня воздействия – визуальный и содержательный. Семантика таких сочетаний представляет собой комплекс значений референта (исходной пиктограммы), включающий поступательное усиление значения – прогрессивное усиление ключевого признака исходной пиктограммы.

Фактом реактуализации стилистической эффективности употребления единиц такого рода можно считать историю популяризации выражения 又双叒叕, которое за два часа после употребления в микроблоге на китайском портале японской газеты «Асахи симбун» (*кит.:* 朝日新闻) в декабре 2012 года, получило более девяти тысяч репостов и небывалую популярность. Читатели очень точно восприняли ироничный характер высказывания 我们又双叒叕要换首相了 (*пер.*: *Нам уже не в пер-*

вый раз предстоит поменять канцлера), связанный с результатами парламентских выборов в Японии[1]. Использованное в этом сообщении четырёхсложное сочетание привлекает внимание своей уникальностью, заключённой в десятикратном повторении (при полном подсчёте) пиктограммы 又 со значением «*снова, опять»*, в употреблении в его составе иероглифов, образованных путём повтора исходной графемы: 双 (со значением «пара, двойной»), 叒 (называющим мифическое дерево, за которым каждый день заходит солнце) и 叕 (со значением «сшивать, смётывать (снова и снова прокладывать одинаковые стежки»). В ходе семантического анализа становится понятно, что такое усиление смысла стало универсальным решением авторской стратегии выражения определённой иронии в отношении повторяемости описываемого в высказывании факта. Семантические значения входящих в данное словосочетание слогов лишь отдалённо связаны с повтором, выразительный эффект данной единицы заключён в визуализации усиленного (путём повтора) значения пиктограммы-референта. Исходное значение знака со значением «снова, опять» усилено в десять раз, визуальный формат, отражающий механизм повторения, равен арифметической прогрессии: 1-2-3-4. Таким образом, была создана формула моделирования выразительного четырёхсложного выражения, в котором исходная пиктограмма повторяется в целом десять раз, и трёхсложного выражения, в котором исходная пиктограмма повторяется шесть раз.

Данный стилевой факт – универсальное изобразительное средство китайской письменной традиции. Выразительный потенциал данного стилевого явления стал основой для высказываний-откликов на опубликованный указанным выше источником факт. Авторы этих откликов воспользовались указанной моделью продуцирования многосложных сочетаний (на основе градационной кратности повтора пиктограммы-референта в каждом последующем иероглифе):
这条微博要火炎焱燚了！(пер.: *В этом микроблоге пламя разгорается все сильнее!*), или 六年七相，这真是一方水林淼土圭垚养一方人从众啊！(пер.: *Семь премьер-министров за шесть лет, поистине благодатные земли рождают столько героев!*), или 评论好牛牲犇啊！ (пер.: *Какой наплыв крутых комментариев!*). В данных примерах авторы мастерски использовали приём графического повтора исходного референта, использовали редкие иероглифические знаки для достижения желаемого коммуникативного намерения, состоящего в том, чтобы, во-первых, подчеркнуть общность понимания вопроса, а, во-вторых, сделать свой

[1] Результаты парламентских выборов в Японии, когда на смену Демократической партии Японии, пребывавшей у власти только три года, лидирующие позиции в японской политике снова получила Либерально-демократическая партия, которая в течение долгого времени находилась у власти.

комментарий не уступающим по выразительности исходному сообщению или другим откликам.

В приведённых высказываниях мы видим графический повтор следующих знаков: 火 – со значением «огонь» (炎 – пламя, 焱 – искры, 燚 – пылать) для объективации растущего ажиотажа вокруг новости; 水 – со значением «вода» (淼 – воды, две реки, 森 – безбрежная водная ширь) и 土 – со значением «земля, почва» (圭 и 垚) для подчёркивания плодородности земли, способной вскормить и вырастить выдающихся личностей, множество которых, в свою очередь, иронично подчёркнуто повторением графемы 人 со значением «человек» (从 и 众), а также 牛 со значением «корова» (牲 и 犇), которое сегодня в современном языке используется в качестве сленгового «круто», следовательно, его кратное увеличение указывает на интенсивность данной характеристики.

Подобного рода выражения сегодня уже стали неотъемлемой частью современной интернет-культуры, обеспечивающей лёгкое и в то же время эмоциональное общение, ярким и выразительным средством взаимодействия в социальных сетях. Здесь можно увидеть такие выражения, которые даже визуально способны привлечь внимание (一二三三 (досл.: *один, два, три, четыре*) или 三乐有卌 (набор редких знаков, комбинация которых используется для выражения печали при утрате доверия и др.) и вместе с тем «оживить» некоторые вышедшие из употребления, сложные по своей структуре (за счёт многократного повторения) иероглифические знаки.

Употребление языковых единиц, обладающих идеографической выразительностью, является эффективным и интересным способом визуализации смысла (в названиях, слоганах, письменных комментариях и др.). Изобразительность китайского иероглифического знака, способность воспроизводить образы и визуально подчёркивать выражаемые значения не только обеспечивает реализацию суггестивной и магической функций языка, но и является уникальным языковым средством, отражающим специфику языковой картины мира носителей, а также стилистическим приёмом, заслуживающим должного внимания в процессе перевода.

Литература:

1. 曹石珠.汉字修辞学教程[M].哈尔滨：黑龙江教育出版社，2009.

ФЕРДИНАНД ДЕ ЛАНУА (1810 – 1870)

СИБИРЬ ГЛАЗАМИ НЕДАВНИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

НЕРЧИНСКИЕ ПРИИСКИ, ИЛИ ПОЧЁМ КГ ЗОЛОТА?

Только с 1850 года началась широкая разработка залежей золота в окрестностях Нерчинска. Один офицер после службы на Урале предложил министру финансов свою кандидатуру, чтобы возглавить работу рудников в долинах между Яблоновым хребтом и рекой Шилкой. Он взял на себя обязательство добывать не менее 100 пудов золота ежегодно, если ему будет позволено организовать работы по его собственному разумению. Подобное предложение было слишком соблазнительным, чтобы от него отказаться. Были даны соответствующие распоряжения, и, чтобы подстегнуть рвение офицера, его произвели в полковники перед его выездом из Петербурга.

Осенью он появился в Нерчинске и всю зиму занимался исследованием долин, поскольку ему хотелось с весны будущего года быть готовым начать исполнение его обширных замыслов. Эти долины были тщательно изучены, и он уверился, что большинство долин изобилует золотом. Было открыто также, что ценный металл есть за местом слияния Шилки и Аргуни, вдоль Амура, и вскоре стало очевидным, что богатый золотоносный регион простирается далеко к востоку.

Весной 1851 года полковник с размахом начал свои работы. В его распоряжении была большая команда заключённых с казаками для охраны. Полковник разделил её на много частей, и началась разработка в долинах. Но как только началась разработка золота, не замедлили появиться болезни, которые и начали косить работников. Обычно предполагается заранее подготовка всего необходимого для лечения больных: создаются временные госпитали, постоянный медик находится на прииске на все время намыва золота. Я видел везде принятие таких предосторожностей: на Урале, на Алтае и на Енисее. Кроме того, для проживания работников строится подходящее жильё.

Но на этот раз ничего подобного не было сделано; работники

сами сооружали себе землянки, покрывали их травою и древесной корой; эти лачуги были настолько жалки и примитивны, что многие из этих несчастных каторжников предпочитали спать под открытым небом. По мере расширения работ болезни производили ужасные опустошения, выводя из строя множество работников, лежавших на своих сырых и грязных подстилках. Более того, пищи было недостаточно, и она была отвратительна, что незамедлительно приводило к смерти многих. Их сразу заменяли другими каторжниками, которых срочно присылали, чтобы не замедлить работы. Разработки и намыв шли своим чередом, росла добыча золота, но ни один из приисковых работников не имел ни минуты отдыха. Только когда уже болезнь отнимала все его силы, ему позволяли забраться в свою задымлённую и нездоровую конуру.

Тем временем смертей становилось так много, что понадобилось отделять больных от здоровых; начали строить временные лазареты в четыре этажа друг на друге, напоминающие кабинки с перегородками на судах, где можно пройти только одному человеку. Поскольку не предусматривалось, чтобы здоровые работники могли заботиться о больных, те из больных, кто мог ещё подниматься, обязаны были присматривать за своими товарищами. Чем дальше расширялись работы, тем больше людей подвергались сырости и жгучему солнцу, и тем больше свирепствовали заразные болезни. Большое число этих несчастных умерло, но на смену им без конца появлялись новые отряды, и разработка месторождений продолжалась. Полковник пообещал сто пудов золота и хотел исполнить свое обещание, каким бы ни было число погибших душ для достижения такого результата. Прошло больше половины эксплуатационного сезона, но ещё не было добыто и половины предполагаемого количества золота, следовательно, потребовалось гораздо больше усилий.

Рабочее время было увеличено, кнутом наказывали людей, не выработавших норму. Несчастные работали до полного изнурения и упадка сил.

Незадолго до окончания сезона оказалось, что нерчинские купцы получили контрабандой огромное количество кирпичного чаю, а соответствующие чиновники закрыли на это глаза. Пошли жалобы на местных чиновников. Генерал-губернатор отправил из Иркутска несколько своих служащих для расследования этого дела, а сложности последнего вынудили и его самого появиться в Нерчинске для допроса замешанных в деле. Некоторые из них уже скончались, другие больными лежали по домам. Когда губернатора проводили в эти места крайнего убожества, он задохнулся от исходивших оттуда удушливых, зловонных испарений. Позднее в описании мне этого ада, он не

находил достаточно резких слов, чтобы передать свои впечатления. «Я собирался уже уходить, – добавил он, – когда несколько человек ослабевшими голосами умоляли меня, чтобы их, умирающих, вынесли на свежий воздух. Я остановился, чтобы поговорить с ними, и когда мои глаза постепенно привыкли к темноте места, я смог различить окружающие меня предметы. Я почувствовал крайний ужас, когда увидел на лежанках столько же мёртвых, сколько и живых; трупы, уже разложившиеся за несколько дней, создавали вокруг больных ужасный запах».

Немедленно губернатор приказал перенести в шалаши ещё живых и похоронить остальных. Цель его путешествия не была достигнута, но он был доволен тем, что облегчил страдания бедных созданий. Я читал его доклад, но не передам его здесь. Его подробности слишком ужасающи, чтобы рассказывать о них.

Сезон закончился сильными морозами, которые остановили работы. Было получено только 70 пудов золота, доставшегося ценою страданий и смертей огромного числа работников. Это золото стало самым дорогим, которое когда-либо входило в царскую сокровищницу, так как было установлено, что каждый килограмм его стоил жизни тринадцати человек[1]. Этот факт произвёл сильное впечатление на Алтае и в других золотодобывающих районах. Каждый считал, что офицер, проявивший столько презрения к людям, доверенным его власти, должен был дать суровый отчёт за содеянное.

«В начале зимы из Нерчинска отправился караван с добытым золотом. Полковник его сопровождал до Иркутска, где я его несколько раз видел до его отъезда. Этот виновный администратор, опередив своих подчинённых, появился в столице и так ловко устроил свои дела, что вместо того, чтобы быть наказанным, получил пенсион в благодарность за свою службу!»[2]

/La Sibérie d’après les voyageurs les plus récents (Nouvelle édition) par Ferdinand de Lanoye (1810–1870). Paris 1879. (Лануа, Фердинанд, де «Сибирь глазами недавних путешественников»). С. 344 – 348./

Перевод с французского Николая Епишкина

[1] Пуд равен 16, 38 кг. Следовательно, 70 пудов стоило округленно 1146 жизней. (Прим. пер.).
[2] Atkinson Upper and Lower Amoor, (Верхний и Нижний Амур.) p. 396 – 400. (Прим. пер.).

AT THE DAWN OF MISTY YOUTH

by Victor Balabanov

On the 11th of July 1851 there came the decree about the formation of the Zabaikal region "with the establishment of the regional government in the Chita location," which as the official document announced "is raised to the status of the regional town."

But, to raise the locality to the status of the town on paper is one thing, and to create it on the land is another. A lot of years will pass before Chita acquires the sight of a townlet, similar to those which even in the last century were given the nickname "the town without any status," which meant – "downgraded small town."

It is interesting to trace how the town was growing and what it looked like at the beginning of the XXth century. In 1853, not counting peasant log huts, there were 142 houses, 14 among them bore the state status. There were 755 residents, 215 among them were women. The small number of women in comparison with the male population is explained by the fact that the majority of them were military men. The military men had an infirmary with two doctors in the staff; there wasn't a hospital for the civil population. A special group of population was represented by peasants. Those who had been growing roots there since the time of laying the Chita ostrog up to raising it into the town status, were kept at the place for the time being. The others were strictly forbidden to settle there. Fifty four male and forty four female peasants had 19 households.

Only in 1862 the first plan of the town building was established. The attempts of its planning though had been done more than once since 1830. Thus, in 1840 the Chita commissioner Rezanov reported to the head of the Nerchinsk plants, that in accordance with the regulation of October 27, 1830 "About the better layout of the present day existing settlements," which envisaged "to make up a plan for every settlement for the gradual putting of settlements into the state corresponding to the plan", the Chita ostrog had no such a plan. "Up till now the houses here are being built without any facades, tight close to each other on the church square and near the government shops. The residents here don't accomplish the police orders and the majority of them don't ask the police, capture the plot as they wish, and especially willful are the Cossacks of the fourth hundred detachment building their houses wherever they like."

According to the orders of the Zabaikal regional administration the public slaughter house was being built on the town's budget. The tax collection from slaughtering cattle comprised one of the items of the town's in-

come. The slaughter house was rented by the private employers on "contract" conditions. In 1879 it was transferred to another part of the town which now is called "Sosnovy bor"(Pine forest).

In 1858 as D. I. Zavalishin writes, he sets up "reading room" which later was transferred into the club (the public meeting place, founded in 1860). The children orphan asylum was founded the same year and bore the status of the educational charitable institution which in 1899 served as the basis for inaugurating the female parochial school.

At the beginning of the sixties the first private "industrial" enterprises began to work. They were in reality smoked stuffy barns which were called tanning, soap, tallow candle, glass and rope works and tobacco factories.

By 1863 the total number of residents increased up to 3149, 582 among them were military men. There were 263 wooden houses, one wooden church as the historians call it now – the Decembrists' church, and a chapel. In 1864 when there were 285 wooden houses, there appeared the first one-storey stone building.

In 1865 in the house of the town dweller Mokeev, purchased by the town administration, the Mikhailov parochial school was opened. Here are the expenses done during the first year of its existence: 159 roubles on lighting, heating, teacher's salary and watchman. 52 roubles and 3,5 kopecks on purchasing the training appliances. (In 1883 the school was transformed into three-formed town school. By the end of the XIXth century, there were 199 boys studying there. The same year (1865) the newspaper "Zabaikal regional gazette" started to come out, first – once a week, and since the 8th of November 1897 – three times a week.

In 1866 the female school was opened which was reformed in 1881 into progymnasium (gymnasium without full course of study and on the 17th of December 1903, when the seventh form was established it received the status of a gymnasium.

By the end of 1898 two hundred and seventy two pupils were studying there, while the total number of residents included ten thousand people.

The next educational institution was opened in 1882 – the male gymnasium, confirmed only on the 17th of November, 1884. At the end of 1886 there were auctions on the contracts for construction the stone building for the gymnasium with the deadline by September 1891.

If to look up in the official report, for instance, in Chita there were two tannery, four soap, four tallow-candle, four brick works, a brewery and three tobacco factories. Oho! But if to count a number of workers, it would turn out, that they were only fifty in number!

By 1886 in Chita there were only ten stone houses, and in 1890 their number was only thirteen, five hundred and sixty two wooden houses, six wooden and one stone church, three chapels, Polish Roman-Catholic church

and a synagogue, not counting so-called domestic churches. In March 1882 there was formed Bogoroditsk female commune, which pursued the following aims: to bring up orphans of holy orders and to look after the sick and the feeble. At the end of the century it was written that Bogoroditsk convent "is very poor with greatly limited number of nuns." The town at that time occupied the territory of 504 dessiatinas.

In 1893 the first parochial school was organized, which was divided into male and female departments; in 1900 eighty two boys and sixty girls studied there. By the end of the century the second and the third parochial schools had been organized and Sunday school also appeared there, female eparchial and ecclesiastical schools, vocational school, industry house with a small number of pupils.

By 1893 at the police station the doss-house was opened for the people who had not any asylum. But one should note that the number of homeless people was greater than the doss-house could lodge. As for the public houses (pubs), shtoff shops or to put it simple, dives, as they said, they were outnumbered. There were two vodka distilleries, two Rhine wine cellars, three wine store-houses.

The volume of the note doesn't allow me to tell about the foundation of these or those town institutions. We'll only point that many different small trade and craft shops were opened. Literally speaking, almost at every corner one could see hastily knocked up trade point or workshop of various bakers, butchers and sausage makers, confectionaries, sutlers, butter manufacturers, soap-boilers, tailors and shoe-makers, copper-smiths and harness-makers, tool-makers and blacksmiths, engravers and carvers, joiners and house-painters, carpenters and coopers, barbers and farriers, stove makers and chimney-sweeps, watchmakers and photographers; there were also traders who sold all kinds of miscellaneous trifles "shelish-melish"– from rusty nail up to the threadbare boot, which were sold off to the poor residents of the town.

The end of the XIXth century was marked by the fact that on December 22, 1899, the first train from Mysovaya station arrived here. And on January 3, 1900, the Trans-Baikal Railway opened for train service from Mysovaya to Sretensk. The turbulent XXth century arrived to Chita on wheels.

Перевод на английский Нины Марковой

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ЛЮДМИЛА ЭМИРЗИАДИ

Многоуважаемые читатели! Сегодня в нашей рубрике «Эпистолярное наследие декабристов» мы предлагаем вашему вниманию продолжение перевода глав из книги «Я последую за тобой в Сибирь»[1] («Je te suivrai en Sibérie») Ирэн Фрэн – известной французской писательницы, обладательницы нескольких литературных премий, чьи произведения переведены на многие языки мира. Книга вышла в свет 19 сентября 2019 года во Франции в издательстве Paulsen (Польсэн) и посвящена одной русской француженке, Полине Гебль, ставшей русской по воле судьбы, по зову любящего сердца. Преодолев многотрудный путь из Петербурга в Читу, она венчалась в Михайло-Архангельской церкви, ныне Церковь декабристов, приняв православие, а вместе с ним и новое русское имя – Прасковья Егоровна Анненкова. Настолько велико было её желание стать законной женой и разделить судьбу ссыльнокаторжного декабриста Ивана Александровича Анненкова, приговорённого к 15 годам каторжных работ за участие в восстании 14 декабря 1825 года. Об их романтической истории, всепобеждающей любви и нелёгкой судьбе мы рассказывали в одном из предыдущих номеров журнала «Переводчик».[2.]

Ирэн Фрэн создала свою книгу на основе аутентичных материалов, которые были скрупулёзно собраны ею сначала во Франции, затем в Москве и Санкт-Петербурге, а позднее также в Чите, Петровском Заводе, Урике, Иркутске. Французская писательница закончила путешествие по следам своей героини Полины в Нижнем Новгороде, где поселилась семья Анненковых после амнистии 1856 года, где и упокоились они на местном кладбище.

В этом номере вы познакомитесь с переводом следующей, IX главы книги,[3] которая называется «Двадцать лет спустя» и повествует о пребывании семьи Анненковых, других декабристов и их жён на поселении.

---

[1] Ирэн Фрэн. Я последую за тобой в Сибирь – Je te suivrai en Sibérie». (Здесь и далее прим. переводчика).

[2.] Журнал «Переводчик» № 8, 2008. СС. 150–161.

[3] Переводы VII–VIII глав книги опубликованы в журнале Переводчик №№ 20–25.

Название главы очень напоминает нам название второй части историко-приключенческого романа-трилогии Александра Дюма (отца) «Три мушкетёра», написанного им в 1845 году. А вот чуть раньше, в 1840 году, во Франции был опубликован его роман «Учитель фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге». И главными героями повествования оказались Иван Александрович Анненков и Полина Гебль. Несмотря на то что роман был запрещён в России, он дошёл до декабристов и вызвал у многих из них гнев и негодование. Больше всех негодовала Полина. Что же могло так разозлить Полину в романе её соотечественника Александра Дюма «Учитель фехтования»? Попробуем разобраться.

Несмотря на название, в сюжете мало говорится собственно о фехтовании. Главная тема – это скорее Россия первой половины XIX века. Историческим источником романа послужили записки реального человека, французского фехтовальщика Огюстена Гризье, который жил в это время в Санкт-Петербурге и давал уроки фехтования самому Александру Пушкину и некоторым представителям декабристского движения, среди которых были Александр Муравьёв, Сергей Трубецкой и Иван Анненков.

По возвращении во Францию О. Гризье волею случая оказался среди близких друзей знаменитого французского писателя Александра Дюма (отца), с которым он и поделился однажды своими воспоминаниями о России и передал ему свои записки. Дюма был весьма впечатлён этой необычной историей своей соотечественницы, да и Россия казалась ему далёкой неизведанной страной, достойной его пера. Он с интересом изучал всё, что ему попадалось о России, расспрашивал очевидцев, собирал любые детали, что и сложилось в итоге в сюжет для его романа. Повествование ведётся от первого лица, то есть от лица учителя фехтования Огюстена Гризье.

Впервые роман был опубликован не отдельным изданием, а в журнале «Парижское обозрение» и не имел особого успеха у французских читателей. Это одно из ранних произведений писателя, и сегодня оно считается не самым удачным, особенно на фоне его последующих всемирно известных произведений, таких как «Три мушкетёра», «Граф Монте-Кристо» и др. Более того, французского читателя не могли заинтересовать многочисленные подробности русской жизни. Эти детали, а также личности героев повествования, представленные глазами иностранца, оказались весьма интересны для русского читателя. Однако, как уже было сказано, роман был запрещён в России. Несмотря на запреты, роман быстро проник в читательскую среду той части российского общества, которая свободно владела французским языком, считая его вторым родным. Роман читали в подлиннике, с большим интересом,

и даже в царской семье. Вот что сам А. Дюма, ссылаясь на рассказ близкой к императрице княгини Трубецкой, рассказывает нам об этом.

«Однажды царица уединилась в один из своих отдалённых будуаров для чтения моего романа. Во время чтения отворилась дверь, и вошёл император Николай I. Княгиня Трубецкая, исполнявшая роль чтицы, быстро спрятала книгу под подушку. Император приблизился и, остановившись против своей августейшей половины, задрожавшей при его появлении, спросил:

– Вы читали?

– Да, государь.

– Хотите, я вам скажу, что вы читали?

Императрица молчала.

– Вы читали роман Дюма «Записки учителя фехтования».

– Каким образом вы знаете это, государь?

– Ну, вот! Об этом нетрудно догадаться. Это последний роман, который я запретил…».[1]

Действующие лица романа легко угадываются из повествования. И хотя Иван Анненков переименован в Алексея, а Полина Гебль представлена Луизой Дюпюи, в них легко угадывались реальные прототипы. Само повествование кажется весьма достоверным с точки зрения русской действительности той поры, быта, нравов русского народа и дворянства, и даже воспринимается, как своеобразный памятник эпохи. Тут и описание русской зимы, и охоты на медведя, и встреча с императором, и знаменитый потоп, случившийся в Санкт-Петербурге. Можно даже сказать, что это своеобразный путеводитель по Петербургу и некоторым его окрестностям глазами иностранца и, конечно, линия любви.

Однако именно эти действующие лица оказались весьма недовольны тем, как А. Дюма представил их. Его художественное воображение вызывало справедливое негодование, а многочисленные неточности не прощались и не могли быть оправданы его фантазией и художественным вымыслом. Так, например, мать Анненкова Анна Ивановна изображена нежной любящей матерью. На самом деле это было очень далеко от истинного положения дел. Баснословно богатая, живущая в необыкновенной роскоши, она была дамой надменной, спесивой и эгоистичной и ничего не пожелала сделать ради спасения сына или материальной помощи ему в сибирском изгнании. Наблюдаются и другие неточности. По сюжету романа Полина не доезжает до Читы. Автор сократил её путешествие на одну треть, оно заканчивается в городе Козлове на Иртыше под Тобольском. И венчалась она соответственно не в Чите.

[1] Записки жены декабриста Прасковьи Егоровны Анненковой [Текст] / М. Сергеев // Своей судьбой гордимся мы. – Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. – С. 268–295.

Но то, что вызывало у Полины наибольшее негодование, злость и неприятие, так это то, что писатель называет её гризеткой, что означает девушка легкого нрава и часто намекает на её легкомысленное поведение с мужчинами. Этого Полина не могла принять, простить и выразила свой протест на некоторых страницах своих знаменитых «Записок жены декабриста».[1] «Хочу объяснить разные недоразумения на счёт моего происхождения и тем прекратить толки людей, не знавших правды, которые по отношению ко мне часто искажали, как, например, это сделал Ал. Дюма в своей книге «Mémoires d'un maître d'arme», в которой он говорит обо мне и в которой не меньше вымысла, чем правды», – сообщает Полина. Чтобы приукрасить опасности, которым подвергалась Полина во время её поездки в Сибирь, А. Дюма много раз описывает появления диких животных. Но Полина опровергает эти выдумки писателя: «Вопреки уверениям Александра Дюма, который в своём романе … говорит, что целая стая волков сопровождала меня всю дорогу, я видела во всё время моего пути в Сибирь только одного волка, и тот удалился, поджавши хвост, когда ямщики начали кричать и хлопать кнутами»[1].

Жизнь так устроена, что иногда преподносит самые неожиданные сюрпризы. Так случилось, что несколько лет спустя, в октябре 1858 года, Александру Дюма довелось путешествовать по России. Он прибыл в Нижний Новгород, где его ждал невероятный сюрприз. Ему представилась возможность познакомиться с реальными, живыми героями своего романа «Учитель фехтования». Встреча была столь неожиданной, что у писателя невольно вырвался крик удивления. Как вспоминает прославленный романист: «… Графиня Анненкова показала мне браслет, который смастерил Бестужев и надел ей на руку, с тем чтобы она не расставалась с ним до самой смерти. Браслет и крест, на нём висящий, были окованы железным кольцом из цепей, которые носил её муж».[2]

ИРЭН ФРЭН (род. в 1950 году)

Я ПОСЛЕДУЮ ЗА ТОБОЙ В СИБИРЬ

Глава IX.
Двадцать лет спустя

В ТО УТРО, на вокзале Петровского Завода, я почувствовала, что Полина напоминает мне тех умерших, о которых у нас не получается скорбеть: их нет с нами, но в то же время они как бы всегда присутст-

[1] Записки жены декабриста Прасковьи Егоровны Анненковой [Текст] / М. Сергеев // Своей судьбой гордимся мы. – Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. – С. 268–295.
[2] А. Дюма. // Учитель фехтования. – Издательство «Правда». М.,1984. – С. 25–212.

вуют. Я знаю, что большинство из них навсегда останутся окутанными тайнами.

Вчера вечером, после моего долгого уединения с её портретом, я составила список следов, которые она оставила после своего отъезда из этого места. Он не велик. Страстная записка Ивану, дюжина административных писем, письмо от друга Бечаснова, который напоминал, вместе с их утраченными иллюзиями, их длительное пребывание в Сибири. – «Бог мой, уже почти двадцать лет как мы находимся здесь!» – Ещё несколько строк, которые ей посвятил Достоевский после своего возвращения с каторги, два десятка страниц из тетради Ольги, другой портрет Бестужева. И всё.

Это всё, и в этом заключена целая жизнь. Переезды, миграции, войны, революции, наследство, время – всё это взято случайно. И это то, что хранит память о Полине.

Мне уже её не хватает. Фрагменты её прошлого возвращаются ко мне, хотя я не ищу их. Краткая последовательность, бессвязная, похожая на собранные в кольца киноленты какого-то фильма, в ожидании монтажа. Лето, когда она пошла на штурм крепости, переходит в то время, когда она играла в акробатов на крышах Сен-Мишеля и, без дальнейшей согласованности с тем, что я узнала о ней несколько часов назад, те ужасные недели, которые она прожила после того, как поднялась по крутому склону кладбища за гробом Александрины.

Боюсь, что её следы не теряются на этом вокзале. Через несколько минут как я ступила на платформу Транссиба, я остановилась перед монументальной мозаикой. «Работа на заказ, воплощённая в эпоху Брежнева в честь празднования ста пятидесятилетия восстания 14 декабря», – поведала мне Наташа. На ней узнаваемы главные деятели читинской мини-республики и несколько женщин. Полины там нет. В начале шестидесятых годов, при Хрущеве, она была в милости. Один кремлёвский артист посвятил ей оперу. Пятнадцать лет спустя, возможно, она уже не пользовалась расположением.

Почему? Быть может это естественный ход, который делает История, а люди всегда предпочитают свои маленькие истории, свои желания, прихоти, амбиции, проекции в будущее, которые живут в них каждую минуту.

Как я смогу этого избежать? Теперь, когда у меня не осталось ничего, что могло бы помочь мне идти по следу Полины, кроме смутной пунктирной линии, я смотрю на свою собственную борозду. Вчера вечером я перечитала воспоминания Ольги. Согласно этим воспоминаниям день, когда её мать покидает Петровский Завод – в разгар лета, как и я, и возможно под таким же ясным голубым небом, – она вдруг обнаруживает, что снова беременна. В повозке, которая везёт их с Иваном и

тремя детьми до берегов Байкала, она чувствует себя настолько уставшей, что у неё лишь одно желание: пересечь озеро как можно быстрее, где-нибудь оставить чемоданы и выдохнуть. А мой отъезд сопровождается словами Наташи, в тот момент, когда поезд останавливается на вокзале: «Чемпионат мира…Вы в курсе? В субботу Франция-Аргентина, всё идёт хорошо. Мы, русские, мы пока тоже в гонке!»

Продолжение моего путешествия странное. Я проезжаю те же пейзажи, что проезжала Полина, я вдыхаю те же запахи, которыми дышала она. Запахи тайги, например, во время длительного путешествия вдоль Байкала, или дыхание степей, пропитанных грозой, в деревне Урик,[1] куда были сосланы на восемь лет Никита,[2] Вольф,[3] Мария, её муж и неизбежный Поджио.[4] Полина, тем не менее, мало по малу ускользает от меня. Я должна смириться с этим.

Но наконец расположение возвращается. Мимолетно я чувствую её близко. В Урике, как раз вместе с моей сопровождающей Олесей, я выходила из церкви, когда старая женщина, которая продает свечи около двери, догадывается, что я приехала издалека. А почему? Она тянет Олесю и показывает на луг, окружающий святилище, и широкими восторженными жестами указывает на захоронение.

Олеся спрашивает её. Маленькая сценка, какую я пережила однажды в Санкт-Петербурге, когда обнаружила картину, которая представляла мавзолей Александрины, повторяется: старушка, вместо какого бы то ни было ответа, начинает снова улыбаться и жестикулировать. Дождь льёт как из ведра, холодно, но я заинтригована и Олеся тоже. Вместо того, чтобы пойти спрятаться в машине, мы выдерживаем ливень и бежим к могиле. Имя умершего написано на плите.

«Никита Муравьёв», – прошептала Олеся. Затем, как если бы она обнаружила захоронение своего родителя, она замирает, замыкается в себе и с таким же пылом, как и мои друзья в библиотеке Читы, где мы говорили о Полине, она начинает петь «Марсельезу».

У неё были слёзы на глазах оттого, что она обнаружила эту могилу, ведь Олеся живёт в Иркутске и никогда в жизни не была здесь. Я взволнована, но, я это признаю, это случилось особенно оттого, что я слышала, как резонировал французский гимн в тишине забытой деревни на краю света.

Я, наконец, рискнула: «Почему на могиле Никиты «Марсельеза»,

[1] Урик – село в Иркутской области, основано в 1673 году.
[2] Муравьёв Никита Михайлович (1796–1843) – один из главных идеологов движения декабристов.
[3] Вольф Фердинанд Богданович (1796–1854) – врач, декабрист.
[4] Поджио Александр Викторович (1798–1873) – декабрист, отбывал каторгу в Читинском остроге, а затем в Петровском Заводе.

а не ваш национальный гимн?»

Через секунду она воскликнула: «Это была *их* песня!»

Их песня, больше она мне ничего не скажет. Это был не только Никита, кого она поприветствовала своей «Марсельезой», но и Полина, Иван, и все герои эпопеи, о которой она знала с детства. Она знала эту легенду о восьми женщинах и ста двадцати одном мужчине, которых заковали в цепи и сослали сюда на годы по мотиву, заключённому в трёх словах – свобода, равенство, братство. И ей доставляет радость иметь возможность поприветствовать их под небом этой деревни, дремлющей под дождём, она воодушевлена всем этим, как и та старушка возле церкви, сияющая, уверенная, светящаяся от веры в будущее.

ИРКУТСК ЕЩЁ БОЛЬШЕ ОТДАЛЯЕТ МЕНЯ от Полины. Примерно через сорок лет после её возвращения из Забайкалья город сгорел. Кроме монументального портала и нескольких церквей, я не нахожу там ничего того, что она видела перед своим отъездом в Бельск[1] – деревушку, куда царь решил сослать Анненкова. Красивый деревянный дом, где её приютили друзья-купцы, базарные лавки, где толпились монгольские и китайские кочевники, дворец, в котором родилась Анна Ивановна[2] во времена блеска Якоби,[3] – всё исчезло. А город молодой, счастливый. Его улицы, несмотря на оставшиеся деревянные дома, не навевают ностальгию, если только не отправиться вглубь, на периферию – туда, где Мария и Каташа[4] смогли построить большие и красивые дома, как только Николай им позволил покинуть свои отдалённые деревни.

Полина их не видела. Когда они обустроились здесь, Полина давно уже жила за три тысячи километров, недалеко от Урала, и только молва приносила ей новости о её друзьях из Читы, которых сибиряки больше уже не называли «секретными», как прежде, понизив голос, ни «депортированные», ни «сосланные», но «декабристы» громко и внятно.

Жители Иркутска всегда проявляли себя очень независимыми. И у них было обострённое чувство свободы. Зато в европейской части России всегда было запрещено произносить хотя бы слово о восстании 14 декабря, под страхом навлечь на себя гнев царя. Однако «Учитель фехтования» Дюма, произведение, прославляющее Николая, подверглось цензуре.

---

[1] Бельск (Бельское) – село в Иркутской области, основано в 1691 году.

[2] Анна Ивановна Анненкова (ум. 1842 г.), урожденная Якоби, мать мужа Полины Ивана Анненкова.

[3] Якоби Иван Варфоломеевич (1726–1803) – дед И.А. Анненкова, в разное время генерал–губернатор Астраханской, Уфимской, Симбирской, Иркутской и Колыванской губерний.

[4] Каташа – княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая (1800–1854), жена декабриста С. П. Трубецкого.

*

Дом Каташи располагался на другом конце Иркутска. Его разобрали и отстроили заново недалеко от дома Марии, а затем собрали в нём, как и в Чите, реликвии тех восьми женщин: чернильницы, подставки для перьев, сундуки, зарисовки частокола, походные самовары, ноты, письма, полученные и отправленные, иконы, тканевые мешочки, терпеливо расшитые бисером, и странное пирамидальное пианино, которое напоминает клавикорды Марии. Но что стало с жизнью двух княгинь, когда они снова оказались в городе, и с их прежней жизнью, ужинами, концертами и с теми балами, которые они давали в надежде найти хорошую партию своим дочерям?

Во время чаепития, которое мне предложила в саду Каташи директор музея Елена, не ходя вокруг да около, она мне сказала: «Если бы Мария и Каташа продолжали неустанно растрачивать свои силы на воплощение идеалов декабристов, они бы никогда не оправились от перенесённых ими испытаний». Они основали хоры, школы, где обучали детей неимущих читать и писать, давали уроки вышивки, шитья, спасали сотни обездоленных. Мария даже построила детский дом и родильное отделение. Способ не подавать виду окружающим, как Александрина после смерти своего младенца. С того дня, как она покинула Урик и Оёк[1] – крохотные деревушки, куда были приписаны для проживания их мужья, что-то сломалось в ней. Несомненно, Мария, наконец посмотрела в лицо реальности. Когда она приехала к Волконскому в Сибирь, ей казалось, что, в конце концов, она любит его, а он любит её. И он верил, что любит её. В аду Петровского Завода эта иллюзия растворилась, и они отдалились друг от друга, а здесь, в Иркутске, разрыв был окончательный: Волконский все больше и больше увлекался агрономией, садоводством, вернулся на свою ферму в Урике и превратился в старого волосатого отшельника. Светским собраниям Марии он предпочитал компанию мужиков и, когда возвращался с полей, забрызганный грязью, дурно пахнущий и с соломинками, запутавшимися в волосах его бороды, он никогда не жил в доме, а предпочитал лачугу, которую построил в глубине сада. Он оставался в хороших отношениях с Марией, так же как и с тем, о ком все говорили, что он был отцом её детей, Поджио, – которого он очень ценил. Потом красивый итальянец женился на молоденькой учительнице. И тогда Мария заперлась на долгие месяцы в своей комнате. Иногда она выходила для своих концертов, ужинов, посещений церкви или своих школ, и это случалось ценой неизмеримых усилий. Нервное заболевание, утверждал Вольф.

[1] Оёк – село в Иркутской области, основано в 1654 году.

Каташа чувствовала себя не лучше. Измученная сибирским климатом и повторяющимися беременностями – после маленькой Сашеньки, родившейся в один год с Ольгой, у неё было шестеро детей, – она скрывала свою скорбь, как в прежние времена это делала Александрина, теряя себя в вихре работы и молитв; а потом она исчезла без единой жалобы, неузнаваемая и бескровная. Когда её похоронили, вместо всех комментариев Трубецкой процитировал старую французскую пословицу: «Лезвие выдолбило ножны».

Лучше нельзя было сказать. Воля Каташи до самого конца оставалась недрогнувшей, такая требовательная, такая яростная, она-то и убила её.

Эта формула применима и к Марии. В пятьдесят восемь лет, обессиленная, она поддалась болезни, которая её пожирала, и угасла летним днём. Говорят, в её архивах была найдена акварель, на которой изображён Поджио в одном из двориков Петровского Завода, куривший свою трубку и созерцающий свой огород.

СОСТОЯНИЕ ПОЛИНЫ ТОЖЕ УХУДШАЛОСЬ. Через несколько дней после её отъезда из Петровского Завода она испытала ужасающий шок: лодка, на которую она погрузилась, чтобы переплыть Байкал, попала в грозу и едва не потерпела крушение. Запертая властью капитана в каюте со своими тремя детьми: Ольгой, шести лет, Владимиром, пяти лет и последним, маленьким Иваном, шести месяцев, – она подумала, что пришла её смерть. В отчаянном усилии она выбила дверь каюты и кинулась к Ивану, которому капитан препятствовал спускаться, чтобы оказать ей помощь. Через какое-то время ветер изменил направление. Закончилось всё тем, что удалось вернуть корабль на берег.

На следующий день, к огромному удивлению Ивана, Полина лишается сил. Когда она наконец смогла снова сесть на корабль и добраться до Иркутска, её состояние ухудшилось. Она ложится в постель и пишет завещание.

В довершение всего, губернатор города приказывает Ивану незамедлительно отправиться к месту ссылки, в маленькую деревушку Бельск, за сотню километров отсюда, где царь предписал ему домашний арест.

Иван сопротивляется, неоднократно умоляя, но безуспешно, и всё же вынужден подчиниться. Полина видит, что он не возвращается, беспокоится, собирает свои последние силы, с трудом добирается до дворца губернатора, умоляет его позволить мужу присоединиться к ней. Через несколько дней, в отчаянии, она рожает близнецов. Едва родив, она пишет записку Ивану, подкупает слугу, чтобы тот бегом передал её

Ивану.

Шесть коротких строчек, написанных в спешке, единственный письменный след их страсти. Она избегает комментариев: «Дорогой Иван, сегодня ночью я родила двоих детей. Приезжай как можно быстрее, и я забуду о своих страданиях. Целую тебя тысячу раз. Твоя жена, Полина Анненкова».

К тому времени, когда приехал Иван, младенцы уже умерли. Воодушевлённый мужеством Полины, он не позволяет себя победить, оберегая своих детей, возобновляет бомбардировку губернатора письмами, в которых умоляет позволить ему жить в Иркутске со своей семьёй, пока его жена восстановится. Он получает отсрочку на три месяца.

*

Ольга[1] более подробно останавливается на времени пребывания своих родителей в Бельске. Она пишет, что это пребывание было настоящим испытанием и продлилось вечность. По первому пункту она права. Деревня, в которую царь сослал Анненкова, была микроскопическим скоплением изб, расположенных на краю тайги, кишащей медведями, грабителями и казнокрадами. Снабжение здесь было очень тяжёлым, а её мама, больная с момента смерти близнецов, была настолько слаба, что ей было сложно ухаживать за собой. Благодаря чтению почты, которую Иван и Полина адресовали начальничкам и другим местным бюрократам, которые управляли регионом, становится понятным, что им быстро удалось сменить место проживания под наблюдением. Они не позволяют собой помыкать, совсем наоборот. Они сражаются с яростной энергией, один сменяя другого, если последний дрогнет, настолько решительно они настроены, что Николай дозволяет им, в отличие от Марии и Каташи, покинуть эти места менее чем через год после их прибытия.

Именно Полина написала письмо, которое оказалось решающим. Снова беременная, за два месяца до родов она обращается с призывом о помощи не к губернатору Иркутска, а к министру полиции Николая и так ловко переиначивает своё письмо, чтобы он передал его царю. Ещё более искусно, вместо того, чтобы выступить в роли героини или святой, она описывает ему свою ситуацию в голой правде: у неё на ижди-

[1] Ольга Ивановна Анненкова (1830–1891) – родилась в Чите, единственная из детей Анненковых, кто помнил все тяготы тюремной жизни и железные оковы. Прасковья Егоровна говорила по-русски довольно плохо, поэтому доверила свой рассказ дочери. Воспоминания были озвучены и записаны на французском, затем Ольга Ивановна перевела их на русский язык и издала в 1888 году в ежемесячном историческом издании «Русская старина».

вении трое детей, она потеряла двоих детей в мучительной ситуации по причине жестокости губернатора. Она постоянно больна и находится в беспокойстве, так как живёт далеко от всех врачей. Короче, она находится в смертельной опасности и, поскольку она уверена, что Его Величество Император не может желать несчастья невинным детям, у неё, у бедной матери, нет другого ресурса, как броситься во второй раз к его ногам.

Такой же поступок как в Вязьме. Он очень эффективен. Через несколько недель она получает ответ из дворца. Ивана переводят в Туринск – небольшой городок на окраине Урала. Он найдет там работу на государственной службе, она найдёт там врача.

Полина и Иван продолжают бороться. Через два года им предписано переехать в более важный город, Тобольск. Иван получает там место на государственной службе в муниципальной благотворительной конторе.

Переполненные радостью, они там вновь обретают своих друзей из Читы и Петровского Завода: Свистунова,[1] фаната фортепиано, верящую в мистику Наталью[2] и её мужа, кроме того, двоих Муравьёвых,[3] тоже увлечённых пением и камерной музыкой. Полине больше не следует беспокоиться ни о своём здоровье, ни о здоровье своей семьи: неутомимый и чудесный доктор Вольф последовал за ними.

*

Незадолго до того, как они обустроились здесь, примерно в 1840–1841 году, пересеклись пути Полины и Бестужева. Вполне естественно, что он предложил ей позировать для нового портрета.

Ей сорок два года. Она осознаёт, что постарела: нет больше золотого платья, нет декольте. Перед тем, как позировать она выбрала целомудренный корсет из голубого велюра, украшенный воротничком из белого кружева и укутала свои плечи небольшой накидкой из коричневого меха.

Никакого обмана больше нет. Она уложила свои волосы, всегда такие густые, в пучок и заколола тем же гребнем в испанском стиле, что в Петровском Заводе.

---

[1] Свистунов Пётр Николаевич (1803–1889) – декабрист, близкий друг и шафер на свадьбе И. А. Анненкова и Полины Гебль.

[2] Наталья – Фонвизина Наталья Дмитриевна (1803–1869) – жена декабриста генерал-майора М. А. Фонвизина, С юных лет и до конца жизни в Фонвизиной были сильны мистические настроения.

[3] Декабристы братья Муравьёвы – Никита Михайлович (см. сноску на стр. 190) и Александр Михайлович (1802–1853), корнет, декабрист младший брат Никиты М. Муравьёва.

Мне она кажется истощённой. По крайней мере, мы были бы такими. После близнецов она родила третьего сына, Николая, который выжил. И она снова беременна, что должно её беспокоить, с тех пор, как она присоединилась к Ивану в Чите, она была беспрерывно беременна. Каждый год она либо рожала, либо у неё случался выкидыш. Ничего удивительного в том, что она была истощённой и, будем называть вещи своими именами, поблекшей. В те времена, когда контрацепция была неизвестна, любовь дорого обходилась.

Её рот выражает скорбь. Во всех бумагах, которые я нашла, не было, однако, никакого намёка на сожаление. Согласно всем свидетельствам, она по-прежнему страстно любит Ивана.

После того, как она родила ещё одну малышку и назвала её Наталией, возможно, в честь той, которая стала для неё первым союзником, когда она хотела присоединиться к Ивану в Сибири, – она восстанавливает своё здоровье. По воспоминаниям Ольги, которой на тот момент было лет двенадцать, в Тобольске ей стало лучше. Она снова начинает управлять своими домочадцами с головокружительной скоростью и проявляет себя как мать, очень внимательная к своим детям, одновременно нежная, но бескомпромиссная.

Она также ведёт занятия в школе, которую только что основал её друг Муравьёв – это первый колледж для молодых девушек во всей Сибири. Лезвие, находясь в ножнах, не собирается опустошать свой дом.

*

О дальнейшем пребывании в Тобольске до 1850 года неизвестно ничего, кроме обрывочных сведений. В 1842 году, несомненно, спустя лишь некоторое время после рождения её последней дочери, Иван узнаёт о смерти своей матери. Он знает, что она была разорена и понимает, что его кузены собираются наложить руку на состояние его отца и конфисковать его активы. Несколько месяцев спустя ему сообщили, что действительно они разделили между собой земли, которые принадлежали ему.

Через пять лет, в 1848 году, Полина, не имея новостей от своей матери, обнаружила, что царская полиция перехватывает письма, которые она ей направляет. Мадам Жёбль была готова перевернуть небо и землю, чтобы узнать, что сталось с её дочерью.

Посольство Франции решило вмешаться, и новый министр царской полиции граф Орлов согласился навести порядок. Полина наконец получила письмо от своей матери. Она узнала, что та живёт в Париже и больше не может терпеть её молчание. Так как ей уже 70 лет, и Полина сомневается в том, что сможет увидеть её когда-нибудь, она просит у

Орлова разрешения отправить ей шубу «на память».

11 января 1850 года старшая дочь Полины наносит ей визит. Александре 24 года, ей едва ли было два года, когда мать оставила её у Анны Ивановны. Отец никогда не видел её. Она останавливается у них со своим мужем и детьми.

Ничего не известно об их воссоединении. С другой стороны, известно то, что произошло потом; хотя она и была потрясена, открыв дверь Александре, но быстро пришла в себя. И когда, вероятно, уже на следующий день Полине сообщили, что заключённые, направлявшиеся в исправительную колонию, только что прибыли в соседнюю тюрьму и пробудут там несколько дней, она отправляется навстречу с ними, чтобы их подбодрить.

Так было уже не впервые. Вместе с Натальей и Жозефиной, молодой женщиной, на которой брат умершего Никиты, Александр Муравьёв, женился по выходе из тюрьмы, Полина часто навещала каторжан на их пути на каторгу. Она знает, что этап до Тобольска, сразу же после перехода Урала, является ключевым: здесь они осознают, что, возможно, никогда не увидят снова европейскую часть России.

До сих пор она всегда навещала и поддерживала осуждённых по общему праву. Сегодня речь идёт о троих политических осуждённых. Событие ей кажется столь важным, что она просит Ольгу сопровождать её.

Тревогу подняла жена губернатора Тобольска, некая мадам Францева, проникшаяся идеалами декабристов, и она же предоставляла всевозможные особые привилегии Наталье, с которой была близка. Именно она раскрыла ей, почему эти неизвестные были осуждены. Первый, Михаил Петрашевский, основал в Санкт-Петербурге кружок интеллектуалов, которые собирались, чтобы обсуждать наилучшие способы реформирования России; он пытался обновить идеи декабристов. Двое других – поэт Сергей Дуров и пока ещё малоизвестный писатель Фёдор Достоевский, принимали участие в этих обсуждениях в основном неофициально.

Так что Полина, Наталья и Жозефина срочно мобилизуются, отложив все остальные дела в сторону. Они наверняка знали, что царь в часы, предшествовавшие их отъезду, как он это любит, учинил им небольшую пытку, имитацию экзекуции, сценарий которой он отрегулировал до последней минуты так же, как повешение в июле 1826 года. В тот самый момент, когда все трое уже были готовы подняться и сесть в повозку, которая должна была их отвезти в Сибирь, солдаты вытолкнули их перед расстрельной командой. Им пришлось надеть смирительные рубашки с опущенными капюшонами; затем их привязали к стол-

бам и в тот самый момент, когда они ждали, что упадут под пулями, офицер прокричал, что царь их помиловал. Затем их заковали в цепи, погрузили в сани и повезли в Тобольск по морозу, который в конце пути достигал минус сорока.

Жена губернатора так же как Полина и её друзья, знала власть денег. Они внушают начальнику тюрьмы, что будет хорошо, если их друзья смогут встретиться с будущими каторжанами, подсовывают ему несколько купюр, и тот на всё закрывает глаза. Встреча произойдёт в служебном помещении.

Полина никогда не проронила ни слова об этом эпизоде, и её близкие тоже, даже тогда, когда Достоевский стал невероятно знаменит. Без его рассказов мы бы ничего об этом не узнали.

Яркое воспоминание, которое он сохранил о ней настолько ценно, что уже неделю спустя после своего возвращения с каторги он впервые вспоминает об этом в долгой секретной переписке со своим братом, ведь тогда больше никто не вспомнил о нём в России. В тот момент он представляет собой не более чем сломленного, растерянного человека, не способного к реализации ни единого проекта, настолько он измучен ужасами, увиденными в каторжной тюрьме, и воспоминанием о той минуте, когда он думал, что умрёт под пулями. Он воскрешает в памяти эту встречу в Тобольске с самого начала своего письма такой, как он пережил её: чудесное явление, которое спасло его от отчаяния. Он до сих пор находится под впечатлением от момента, когда он узнал личности своих посетительниц. Для Полины и Наталии он был всего лишь никому не известным человеком, но он, он прекрасно знал, кто они такие. Их естественная чуткость заставила его тотчас измерить, какими страданиями они заплатили за свою легенду: «Что за чудесные души, закалённые двадцатью пятью годами несчастий и самоотречения…».

Когда Достоевский писал своему брату, он опасался, чтобы царская охранка не перехватила его письма, и потому был немногословен. После смерти Николая он осмелел и написал более подробно о своих «великолепных путешественницах», как он их называл. Женщины подарили ему, так же как и его компаньонам, тёплые вещи, еду и Евангелие – единственное разрешенное чтение на каторге. Вернувшись в камеру, он обнаружил, что книжный переплёт его экземпляра был надорван и туда в него были просунуты десять рублей. Он бесконечно читал и перечитывал это Евангелие, и пользовался им в течение всего тюремного заключения, чтобы обучить азам грамоты молодого сокамерника.

Жена Достоевского признавалась после его смерти, что он всегда держал его под рукой, когда писал. «В любой момент сомнения, – рас-

сказала она, – он консультировался Евангелием». Как когда-то это сделала Полина, когда не решалась броситься к ногам Николая, он наугад открывал книгу и, чтобы принять решение, обращался к первому предложению вверху левой страницы.

Не научила ли его Полина в тот день, когда они встретились, этой практике гадания? В одном из пассажей письма благодарности, которое Достоевский адресовал ей после своего освобождения, содержится намёк на это. Как бы то ни было, на смертном одре он вновь обращается к этому ритуалу. Он открыл книгу на фразе «Не удерживай меня» и через некоторое время скончался.

Достоевский поклялся, что будет вспоминать об этой встрече в Тобольске до своих последних дней. История умалчивает о том, говорил ли он об этом на смертном одре, но он писал об этом несколько раз: за то небольшое время, которое они провели вместе в помещении директора тюрьмы, Полина установила между ними такую связь, что невозможно представить, как такое может быть. Это можно определить одним лишь единственным словом «братство».

Читая это, хорошо чувствуется, что, с учётом того, что они пережили, этот термин казался ему слишком слабым и расплывчатым. Всякий раз, когда он вспоминал их встречу, раскрывались новые подробности, и наконец он понял, в чём была суть. Полина умела находить слова, жесты, тон, как в случае с Иваном, когда он впал в депрессию, или с заключёнными в Чите и в целом со всеми страждущими, с которыми она соприкасалась, будь то невыносимая мадам Гебль, Анна Ивановна или этот большой больной, каким был Николай. Это был её природный дар. По этому вопросу сходятся свидетельства: как Марии, так и Ольги и даже Якушкина,[1] декабриста, который, тем не менее, совсем не любил её. Одна простая фраза, яркий и лаконичный способ выражения радости убедительно свидетельствуют о том, что она была поразительна, она владела искусством рассеивать тревоги того или той, кто приходил доверить ей свою скорбь. Полина была из той породы людей, из которой делают целителей, исключительных врачей, прекрасных восстановителей. Она всегда была заботливой и внимательной к окружающим.

А она сама? Кто заботился о ней, кто помогал ей, кто успокаивал её, когда она теряла почву под ногами? Тот самый Якушкин в своих мемуарах даёт ответ: «Когда нам было совсем плохо, она смеялась волей-неволей». Неволя – это то, от чего она страдала, как и все другие. Но в тишине она была твёрдо намерена никого не впускать в святили-

[1] Якушкин Иван Дмитриевич (1793–1857) – декабрист, автор автобиографических записок.

ще своей боли.

*

Всего один раз она позволила себе проявить это на виду у всех – в первое время своего проживания в Тобольске к 1841 году, когда она услышала о романе «Учитель фехтования», вероятно, из статей, появившихся во французских газетах, на которые были подписаны её друзья. Как и Иван, она была обескуражена. В течение нескольких недель она подумывала написать мадам Гебль, чтобы попросить её вмешаться в среду журналистов, которые восприняли на её счёт выдумки писателя. Она отказалась от этой идеи: что если бы письмо не дошло до её матери или мадам Гебль стала бы действовать больше неумело, чем результативно.

Она получила утешение. Декабристы единогласным движением поддержали её. В женщине лёгкого поведения, сентиментальной и легкомысленной, какой её описал Дюма, они не узнавали их Полину. Они были также оскорблены описанным портретом царя: монарх, который вряд ли имел много причин сослать их в Сибирь и, более того, он был показан образчиком великодушия и благосклонности.

Полина не могла отпустить этого. Через несколько недель её душевная боль переросла в злость. Сдержанная ярость могла взорваться в любой момент. Искра была всё та же: имя Дюма. Закончилось всё тем, что в её присутствии никто не произносил его имени.

(*продолжение следует*)

/Из книги Irène Frain «Je te suivrai en Sibérie», Paulsen, 2019. – 478 с./

Перевод с французского Людмилы Эмирзиади

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

Николай Владимирович ПЕРЕЯСЛОВ родился 12 мая 1954 года. Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Член Приёмной комиссии Союза писателей России. Член Славянской литературной и артистической академии в Варне (Болгария).

Работал шахтёром в Донбассе, геологом в Забайкалье, журналистом в Тверской области, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы.

Делегат 1-го Российского литературного собрания и встречи писателей с президентом России Владимиром Владимировичем Путиным.

Участник 1-й Международной поэтической конференции в Каире и 1-го Международного фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме.

Руководитель ряда творческих семинаров, совещаний и мастер-классов для молодых авторов. Давал рекомендации для вступления в Союз писателей России известному путешественнику, писателю и священнику Фёдору Конюхову; бывшему министру культуры РФ, а ныне помощнику президента России – Владимиру Мединскому; активному писателю и общественному деятелю Захару Прилепину; самарскому протоиерею и писателю о. Николаю Агафонову и ряду других писателей.

Автор свыше 50 книг, а также огромного количества публикаций в газетах и журналах России, Беларуси, Татарстана, Казахстана, Болгарии, США и других стран.

Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад – милость для миров», проводимого Советом муфтиев России.

Награждён Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалью святого князя Даниила Московского, золотым знаком Абая Кунанбаева и другими наградами.

Известная татарская поэтесса и переводчица Гульсира Гайнанова пишет: *«Я обожаю переводы Николая Переяслова, у меня всегда мурашки по коже от того, насколько он умеет соткать атмосферу и настроение произведения. Я не читаю, я дышу этим воздухом, я ощущаю запахи и вижу все оттенки цвета, чувствую все нюансы переживаний, вижу карти-*

ны, которые он живописует, как японский художник тонким касанием кисти. Он органичен, естественен в выражении не своих, но словно своих, эмоций и мыслей. Для меня среди переводчиков современной татарской поэзии Николай Переяслов – номер один...».

ПО СЛЕДУ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Вращая в голове гирлянды дат и дум,
я покидал Донбасс, спеша в Москву обратно.
Вот поезд тормознул у станции Изюм –
здесь Игорь-князь давно ждал Всеволода-брата.

Соединив войска, отправились они
за Северский Донец с опасною задачей.
От половцев темно в Степи было в те дни,
и Киевская Русь жила, от горя плача.

Скрываясь вдоль яруг – туда, где блещет Дон, –
шли долгих десять дней сквозь вражеское Поле.
Но пали в ковыли в сражении потом,
как «Слово о полку» поведало нам с болью.

Всё так ли было? Нет?.. Свидетельств не дано.
Дошла до нас с тех лет лишь копия поэмы.
Минувшее темно, как мутных речек дно.
Герои спят в земле, а памятники немы.

Сегодня снова плач стоит по всей земле –
от Дона и Днепра до веж Тмутороканя.
Летит по миру зло, как половец в седле,
неся народам боль и ложью в сердце раня.

Кто скажет брату: «Брат! О как мне нужен ты!
Ведь оба мы с тобой родные, слава Богу.
Так сдвинем плечи в ряд, как русичи – щиты
сдвигали, чтоб врагу загородить дорогу.

Смотри: опять кружит над степью вороньё,
надеясь на войну, на мор или на кризис.
А мы всё делим свет: «Моё! И то – моё!»,
к последним рубежам отчаянно приблизясь».

Белеет солью степь, как высохший мертвец,
неужто, впрямь, конец уже не за горами?
Мчит ветер, как гонец. Его зовёт Донец!
Уж видно, как вдали мерцает степь кострами.

Плывёт над миром звон – мечей, колоколов? –
отсюда не понять, но сердце чует битву.
Душа скулит, как волк. И не осталось слов,
чтоб в них облечь любовь и вышептать молитву…

НАСЛЕДСТВО

То слезами даря, то победами,
прокатили века, сея прах
в городках, что основаны дедами
на семи перекрёстных ветрах.

И взамен бриллиантов в шкатулочках
нам достались в наследство от них
лишь вот эти горбатые улочки
да окошки в узорах резных.

Да ещё – среди далей, оплаканных
чередой сентябрей, октябрей –
золочённые некогда маковки
обезлюдевших монастырей...

Нелегко жить с таким достоянием,
осиянную память влача
сквозь немереные расстояния,
где эпохи, как вехи, торчат!

Что здесь проклято, что здесь прославлено –
нам вовеки уже не разъять:
светлый Сергий с нахмуренным Сталиным –
оба вслед нам перстами грозят.

Оба смотрят на нас и по-своему
каждый чувствует горечь и страх
за страну, что так зябко построена
на семи перекрёстных ветрах.

Нет нигде от неё отрешения!
В самый ад или в рай ты забрёл,
а над сердцем – всё вторит кружение
двоеглавый Державный Орёл.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Мир за ночь стал другим. Сады рукой стопалой
встречают над собой весёлые снега.
Земля белым-бела. Как будто не ступала
ещё нигде ничья настырная нога.

Мир за ночь стал другим. Стерильным, чистым, строгим.
Безгрешным, как дитя. Наивным, как фольклор.
Оленьим стадом – нет – чудовищем сторогим
леса летят, звеня, в фарфоровый простор.

Не стой на их пути! Иначе, не заметив,
пространство на скаку копытами круша,
затопчут в слепоте – и улетит за ветром,
как пар из их ноздрей, беспечная душа.

Как отыскать ей путь? Здесь всё так незнакомо.
Мир за ночь стал другим – как ватман, что готов,
чтоб кто-то прочертил на нём пунктир до дома
спешащею строкой прерывистых следов.

Мир за ночь стал другим. Всё то, что было чёрным,
сияло белизной, когда настал рассвет.
Земля, дома, сады – всё излучало свет
и ластилось к ногам слепым щенком покорным.

Казалось, больше нет ни горя, ни разлук,
всё утонуло вдруг в сиянии слепящем.
Мир за ночь стал другим – без войн, смертей и мук,
лишь белый снег – да свет, столбом над ним стоящий.

Куда ни посмотри – такая чистота,
что рвутся слёзы в мир, как рифмы с губ поэта!
Как будто мир лежит за пазухой Христа,
и там – нет ни-че-го, кроме *любви* и *света*…

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

Марине

Ты останься со мной. Пережди
непогоду и грустные мысли.
Над страной ледяные дожди,
как стеклянные нити повисли.

Посмотри – вся Россия лежит,
как опасная скользкая горка.
Как бы солнечный сгусток души
не покрыла такая же корка.

Слышишь: ветки трещат за окном,
от нависшего груза ломаясь?
Нелегко жить в плену ледяном,
гнущей тяжести льда не сдаваясь.

Стынет сердце ледышкой в груди.
Новый век, как метель, сатанеет.
Мрак и холод лежат впереди,
и душа от тоски леденеет.

Защитят ли холодную кровь
свитера да из шкур одеяла?
Мир промёрз, как окно. Лишь любовь
в нём чуть видный глазок продышала.

Это наше спасенье! Она
нас согреет сильней, чем одежда.
Нам любовь эта свыше дана,
чтобы в нас не погибла надежда.

Этот дождь, что сверкает стеклом,
он не кара, а только проверка
наших душ и сердец на излом
и житейских трагедий примерка.

Чтоб, шагнув за порог избяной
на простор меж былым и грядущим,

мы любили наш мир ледяной,
веря в то, что он станет цветущим.

ЯКУТИЯ МОЯ

По трапу в самолёт
взойду, вверяясь Богу,
пусть мчит меня сквозь ночь и дальние края –
туда, где под крылом лежит светло и строго
Якутия моя.

Я видел много стран, на красоту которых
смотрел бы и смотрел, дыханье затая.
Но душу позвала, запев пургой в просторах,
Якутия моя!

Промёрзшая земля трудна для земледельца.
Но с мёрзлою душой трудней в сто крат, друзья.
Согрей меня в мороз своим горячим сердцем,
Якутия моя!

Пусть мир давно объят бездушия проказой,
пусть жалит всех цинизм смертельней, чем змея,
сердца твоих детей чисты, словно алмазы,
Якутия моя.

Проходят день и год, а память – остаётся,
как пепел от костра, как русло от ручья,
как лёд, что спит в земле, словно брикеты солнца,
Якутия моя.

Мне сладок твой мороз. И говор бубна сладок,
как пенье моего родного соловья.
Чем я тобой пленён? Какою из загадок,
Якутия моя?

Промчится год иль век, и я однажды вздрогну,
как вздрагивает лось от выстрела ружья,
когда ко мне из сна всплывёт твой облик строгий,
Якутия моя.

Чем я тебе воздам за этот воздух синий?
За песню, что звенит, как вешняя струя?
За то, что ты была и есть сестра России,
Якутия моя?

Свети в моей судьбе звездою с небосклона!
Бей в бубен, чтобы зла не убоялся я.
Звени в моей душе строкою Омоллоона,
Якутия моя!

«Земля нам – мать, а мы – её родные дети!» –
учил нас Суорун, ключ к жизни не тая.
Ну, так цвети, как сад! И будь – всегда на свете,
Якутия моя!

МАЛАЯ РОДИНА

Давно не бывал я в Донбассе. Тянулась
душа, не забывшая кровную связь,
туда, где осталась шахтёрская юность,
как золото, в скифском кургане хранясь.

Полвека развеялись в пух, как полова,
на бьющих в лицо судьболомных ветрах.
Но я ничего не забыл из былого
и память не сжёг на осенних кострах!

И ныне, когда попустил нам Всевышний
вчерашнее братство похерить в крови,
я помню – вот здесь, под стареющей вишней,
я грезил когда-то о первой любви…

Печальны свершённой измены итоги.
И, глядя назад (как с горы смотрят вниз),
я вижу, что не было лучшей дороги,
чем та – мимо шахты моей… в коммунизм…

Не сыщешь в других промелькнувших столетьях
идей вот такой высоты, чистоты…
А культы, репрессии – то междометья,
мосты, что в реальность ведут из мечты.

Глаза закрываю и вижу не горе,
не ворона карканье слышу из мглы,
а счастье народное, что, словно море,
вздымает до солнышка песен валы!

Доныне я слышу то многоголосье –
да так, что аж душу бросает в озноб.
Пока мы одни – мы слабы, как колосья,
а вместе мы были крепки, словно сноп!

Давно уж столичным я стал человеком,
но снова гремучая памяти клеть
несёт меня к прошлого брошенным штрекам,
чтоб встретиться с тем, без чего мне не петь.

Вон там – чуть окрашена зорькою алой –
лежит, подставляя лучам косогор,
та родина, что называется малой,
но весит в душе – больше мира всего…

***

Не ад, не рай, но что-то же должно быть
за той чертой, когда, сомкнув глаза,
мы возвратим земле земное, чтобы
небесное вернулось в небеса?..

Жизнь мимолётна. Но земная вещность
нам для того, быть может, и дана,
чтоб рядом с нею познавалась Вечность,
словно на фоне шума – тишина.

Пусть мир вокруг материален в доску –
так, что всё можно трогать и вкушать,
как мармелад, вино иль папироску,
но это – плоть, а есть ещё – душа.

И, оглянувшись на весь путь с рожденья,
мы вдруг поймём, увидев жизнь вдали,
что смерть – не больше, чем освобожденье
от силы притяжения Земли...

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

Подведены итоги III Открытого международного поэтического конкурса памяти основателя СПР Леонида Ошеровича Гуревича. Конкурс проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России с 15.01. по 15.03.2026 года.

Основная цель – поддержка и популяризация искусства художественного перевода.

ЗабРО СПР поздравляет победителей и дипломантов поэтического конкурса и благодарит всех, кто принял активное и заинтересованное участие в конкурсных номинациях: 1. Стихи о переводе и переводческой деятельности; 2. Поэтическое определение перевода.

Участниками конкурса стали десятки профессиональных переводчиков и литераторов, студентов и преподавателей вузов, людей творческих профессий из России, Молдовы, Испании, США и Португалии. Отдельная благодарность членам Астраханского регионального отделения СПР и лично его председателю Юрию Щербакову.

Итоги проведённого конкурса показывают, что все вместе взятые поэтические произведения раскрывают природу перевода как акта самоотдачи и служения искусству, в котором переводчик выступает посредником между автором и читающей аудиторией, принимая на себя груз ответственности и добровольных обязательств.

Многие авторы создали глубокие и эмоциональные произведения, которые не только объясняют специфику творческого процесса, но и заставляют нас задуматься о его огромном культурном значении в жизни современного общества.

Победители награждены дипломами и грамотами, остальные участники получали сертификаты участия.

О. В. Стельмак, председатель Забайкальского
регионального отделения СПР

Сводная таблица результатов

Номинация № 1. Стихи о переводе и переводческой деятельности

Стихи

I место	Ковалёва Ирина Владимировна	Судьба переводчика	Москва, РФ Каманья, Италия
II место	Сараф Ольга Валентиновна	Переведи!	Барселона, Испания
III место	Федоров Сергей Владимирович	Поэт и переводчик	Астрахань, РФ

Дипломанты

1.	Маркелова Ольга Александровна	Москва	РФ
2.	Жеребков Иван Андреевич	Чита	РФ
3.	Кравец Марина Израилевна	Санкт-Петербург	РФ
4.	Масловский Сергей Владимирович	Астрахань	РФ
5.	Михалина Елена Анатольевна	Санкт-Петербург	РФ
6.	Попов Дмитрий Николаевич	Нью-Йорк	США
7.	Алхастова Залина Рамзановна	Москва	РФ
8.	Щербаков Юрий Николаевич	Астрахань	РФ
9.	Федотов Макар Витальевич	Чита	РФ
10.	Фещенко-Скворцова Ирина Николаевна	Бенавенте	Португалия

Номинация № 2. Поэтическое определение перевода

Поэтическое определение П.

I место	Кравец Марина Израилевна	Перевод	Санкт-Петербург, РФ
II место	Ковалёва Ирина Владимировна	«Творческого гения свечение»	Москва, РФ
III место	Мусорина Юлия Александровна	«Миг вдохновенья, осмысленье»	Чита, РФ

Дипломанты

1.	Финкель Михаил Ефимович	Кишинёв	Молдова
2.	Краус Лилия Владимировна	Чита	РФ

3.	Масловский Сергей Владимирович	Астрахань	РФ
4.	Вьюнов Вячеслав Александрович	Забайкальский край	РФ
5.	Щербаков Юрий Николаевич	Астрахань	РФ
6.	Скрипняк Дарья Павловна	Чита	РФ
7.	Фещенко-Скворцова Ирина Николаевна	Бенавенте	Португалия
8.	Воронченко Татьяна Викторовна	Чита	РФ
9.	Алхастова Залина Рамзановна	Москва	РФ
10.	Михалина Елена Анатольевна	Санкт-Петербург	РФ

НОМИНАЦИЯ I.

СТИХИ О ПЕРЕВОДЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. СТИХИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

I МЕСТО

ИРИНА КОВАЛЁВА

СУДЬБА ПЕРЕВОДЧИКА

Памяти Нины Габриэлян

И сошлось их, покинувших пашню,
Позабывших, как косит коса,
Возводить Вавилонскую башню –
К Вседержителю лифт в небеса.
О Евфрате, а может, о Ниле
(Что в их водах ловить на живца?)
Без умолку они гомонили
День и ночь под окном у Творца.
Виды кладки (ведётся туда ли?),
Причитается что и кому –
Всё на свете они обсуждали,
Досаждая тем самым Ему.
Кто чего там такого откушал,
Кто за кражу лишился руки...
Бог послушал и башню разрушил,
А потом разделил языки.

И на солнце случаются пятна,
Есть любому терпенью предел.
Чтобы стало всем всё непонятно –
Вот чего Вседержитель хотел,
Чтоб небесных явлений обходчик
Был Он сам лишь на звёздном лугу,
Но родился в тот день переводчик
И сказал им: я вам помогу!
И пошёл он по белому свету,
В разность стран и глубины веков,
Населяющий речи планету
Щебетаньем чужих языков.
Переводчики – сотня за сотней! –
В стольких войнах ложились костьми,
Нет опасней и нет благородней
Наведенья мостов меж людьми!
Ближе к Господу нет по природе
(Всех поймёт, на каком ни кричи),
Кто святые Кирилл и Мефодий?
Переводчики, суть толмачи!
Нас, конечно, не так уж и мало,
Но нельзя обойтись без потерь.
Вот вчера нашей Нины не стало:
Плачь, Париж с Ереваном, теперь!

II МЕСТО

ОЛЬГА САРАФ

ПЕРЕВЕДИ!

«Не бред хотим, а брод, – просили строки. –
Переведи же нас, переведи!
Чрез омут разночтения глубокий
Мосты настрой и протопчи пути!»

А идиоматизм упёрся рогом:
И так и сяк верчу, ищу подход.
Копаю, чтоб поддался недотрога.
Слои снимаю, оголяю код.

Вожусь с контекстом, авторским, капризным.
И, всматриваясь пристально в портрет

Собрата по перу, нюансы жизни
Перевожу из темени на свет.

В толпе неуловимых коннотаций
Мечусь, но сохраняю реноме.
Одну из них поймаю и признаться
Заставлю в личной преданности мне.

И символы ловушки расставляют,
Вот яблоко – прекрасный в целом фрукт! –
В строку ложится, формой соблазняя,
Когда лишь апельсин[1] возможен тут!

Нет мелочей, согласен, переводчик?
И в хлебе-соли разных берегов
Незаурядный твой заметен почерк.
Любовь к словам. Словами. И без слов.

III МЕСТО

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВ

ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК

Пришёл раз к переводчику поэт,
– Наслышан о твоём авторитете.
Стихов моих прекрасней в мире нет,
Хочу, чтоб знали их по всей планете!

Ты, говорят, с наречьями знаком,
И разными владеешь языками,
Переведи. – И звякнул кошельком:
– Поверь, не станет дело за деньгами.

Уж ты не подведи меня, мой друг,
Клянусь, в восторге будут все вокруг!

За труд нелёгкий взялся наш герой,
И день, и ночь корпит он над стихами,
Слова и строки, как солдатский строй,
Ровняет поэтическое знамя.

[1] Апельсин (дерево, цветок, плод) – один из символов поэзии Федерико Гарсиа Лорки.

Четыре дня, четыре долгих дня
Не ел, не спал до самого рассвета.
И вот уже, судьбу свою кляня,
Спешит он перевод отдать поэту.

– Держи, мой друг, я сделал всё, что мог.
Надеюсь, будешь ты не слишком строг.

Поэт читает, чешет длинный нос,
Глаза слезятся, весь покрылся потом:
– Дааа... Мне-то говорили – виртуоз,
Но вижу я – связался с рифмоплётом!

Вот тут совсем не то, и тут не так,
А здесь вот перевёл ты очень скверно!
За этот труд заплатит лишь дурак,
Творение сие весьма мизерно!

И не мечтай ты получить деньгу,
Я заплатить за это не могу!
С усмешкой переводчик говорит:
– Коль персик сгнил – не сваришь ты варенья,

И если уж таланта дефицит,
То стоит ли писать стихотворенья?

Стихи твои подобны баловству,
Но вот, что я скажу тебе, товарищ:
Из глины ты не сделаешь халву,
Без мяса вкусный борщ себе не сваришь!

Коль сам стихов вязать не можешь нить,
Не стоит переводчика винить.

II. СТИХИ ДИПЛОМАНТОВ КОНКУРСА

ЮРИЙ ЩЕРБАКОВ

ДРУЗЬЯМ – НАЦИОНАЛЬНЫМ ПОЭТАМ

Стихи друзей – награда и отрада.
Текут ручьи их светоносных книг,
Ломая зим нелепые преграды,
Как будто в Волгу, – в общий наш язык.

Несут они и радость, и тревогу,
У памяти и совести в долгу.
И счастлив я, коль верную дорогу
Им отыскать сегодня помогу!

Стихи друзей. Они – душа народа,
Которая хранит через года
Синонимы для слова «переводы» –
Россия, дружба, вместе, навсегда!

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

ЧУТКАЯ МЕМБРАНА
(Признание переводчика)

Ты жизням чужим отдаёшь много лет
Свою – как послушную сцену.
В ней столько столетий оставило след
И столько явилось на смену...

И ты в этих жизнях – прямая родня,
Подобная чуткой мембране.
Проходят, несбыточной дружбой дразня,
Любовью несбыточной раня.

Ты трепетной юностью бредишь во сне,
Ах память! Затмись иль заснежься.
И если во сне ты их видишь ясней,
Быть может, ты тоже им снишься…

МАРИНА КРАВЕЦ

СОНЕТ О ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Я перевод люблю необычайно:
Сначала бродишь будто бы впотьмах,
Берёшь словарь, и вот проходит страх…
Меня волнует волшебство и тайна:

Как можно с другом говорить далёким –
На расстоянии или в веках –
Созвучье душ найти в его стихах,
Частичкой стать в труде его высоком!..

Собрат с пером в руке! Прошу, поверь:
Отчаяньем, бессонницей даётся
Искусство неминуемых потерь…

Как труден твой язык, далёкий друг!
Свеча истаяла…и ночь вокруг…
Свет сердца твоего на лист мне льётся!

ЕЛЕНА МИХАЛИНА

ПЕРЕДАТЧИК

Речь не о том, чтобы жечь глаголом –
нет, ты не Байрон и не другой.
Но вот когда тебя, как уколом,
пронзает страстной строкой, строфой,

но вот когда ты, чужою болью
стоишь ошпаренный – но живой,
как не поведать, в ладу с собою,
всю эту нежность, и страсть, и боль?

Вокруг снуёт, суетится Питер,
сверкая мокрой своей зимой,
а ты в нём – маленький накопитель,
наполнен доверху – и немой?

Тетрадь – спасение! Шаришь ручку,
прохожих дёргаешь – вот же псих!

А ты не псих, ты лишь – переводчик,
в тебе, как море, бурлит язык:

Волна надежды – «Скажи иначе!» –
и брызги – вдребезги – между скал:
О, невозможность, неравнозначность!
Но вдруг нахлынет девятый вал,

и ты вдруг – крошечный передатчик.
Ты слышал вечность – и ты сказал.

СЕРГЕЙ МАСЛОВСКИЙ

ПЕРЕВОДЧИКАМ…

Переводы, переводы…
Вновь сажусь за перевод –
Это словно лезешь в воду,
И не знаешь, где же брод?
Игнорируя нападки,
Придаём мы строчкам вес!
Мы – «почтовые лошадки»,
Те, что двигают прогресс.
Я не выдумал, ребята,
То, что выше написал –
Это Пушкин так когда-то,
Переводчиков назвал.
И, блюдя его заветы,
Переводим мы опять
То, что даже не поэты –
Все вокруг могли б понять.
Мысли выразить и чувства
Языком родным умно́ –
Перевод сродни искусству,
Что не каждому дано...
Сил на это не жалеем,
Наши помыслы чисты –
Мы наводим, как умеем,
Меж народами мосты.

ОЛЬГА МАРКЕЛОВА

***

Твой взгляд безумен, бледен вид,
в одежде, извините, беспорядок.
Ты окончательно забросил быт,
исписываешь ночью вороха тетрадок.
Ты отдалился от друзей;
жизнь света для тебя ничтожнее трухи…
В чём дело? Ты влюблён?
Признайся, ей-же-ей!

– Нет, просто я перевожу стихи.
На русский – гениальные стихи.

ЗАЛИНА АЛХАСТОВА

ПЕРЕВОДЧИК

Живу как переводчик. Знали б вы,
Как мало мне даровано свободы,
Как много на плечах лежит вины
За искажённые невольно переводы.

И как измерить сколько надо мне
Слепого и безмолвного внимания,
Чтоб просочиться, втечь в исходный текст,
В его волнующее слух очарование?

И сколько испытаний мне сулит
Придать словесный вид касанью Духа,
И то, что лира кротко говорит
Понятным сделать для людского уха?

Не оттого ли наш бессмертный Пушкин
Почтовой лошадью нас кликал просвещения,
Что не доставленная в целости «посылка»
Меняет смысл умозаключения?

ДМИТРИЙ ПОПОВ

ПЕРЕВОЖУ СТИХИ

Сокровища мыслей чужих
скрываются в словоплетенье
иного уклада,
как рыбы в сети́…

Старательно их извлекаю,
любуюсь…
И облачаю в родные слова,
хитросплетения речи родной,
будто в новую сеть…

Кто и когда же это прочтёт
и будет ли этому рад?
Я, конечно, надеюсь…
Но сам и сейчас пребываю
в восторге счастливом…

Отрадно на сердце…

ИВАН ЖЕРЕБКОВ

МОРФЕМНЫЙ РАЗБОР

Есть где-то целый мир, невидимый для глаз,
Людская мудрость в мире том живёт,
Его Вернадский ноосферою назвал.
А на краю его – сокрытый грот.
В нём слов несметные таятся жемчуга.
Тропа к нему терниста, нелегка,
Но если хочешь, веришь, ищешь,
То возгорится Божья искра.
Она тебе дорогу осветит,
Но надо самому её пройти.
Её лишь тот пройдёт, кто видит свет сквозь мглу
И проблески зари во тьме безлунной ночи.

Сегодня я по той тропе пойду,
Чтоб взять жемчужину со словом «ПЕРЕВОДЧИК».
Как чудно это слово… Но сперва
Пожалуй, в школу мысленно вернусь

И снова у доски, с волненьем мел кроша,
Его я по составу разберу.

Приставка «пере» вПЕРЕди. Она
В себе сокрыла столько разных смыслов.
Вцепилась в корень ВОД – и ПЕРЕВОД.
Что это значит? Через бездну ВОД
Различий межкультурных переводчик,
Порою не ища в РЕке той брода,
Неискушённого читателя ВЕДЁТ.
Отважно ПЕРЕшагивая омут,
Все буруны преодолев,
Он, храбро, как в саванне лев,
ВЕДЁТ его на берег незнакомый,
Где новых знаний поджидает клад.
Что ж, всё на этом? Нет, совсем не так.
Нам заглянуть в учебник школьный надо.
Приставку тот же знак обозначает,
Что в логике сужденье отрицает.
Весьма мне это знанье по нутру,
Я рад ему. И рад я потому,
Что если знак приставки – отрицанье,
То в ПЕРЕ- обнаружим указанье –
Приставка эта переводчику кричит:
«Смотри, ПЕРЕводи, да не ПЕРЕборщи!»

Про трансформацию мы речь ведём,
Что перевода смелый есть приём.
Здесь, ПЕРЕводчик, вспомнить тебе надо
Завет такой врачам от Гиппократа.
Сказал когда-то мудрый Гиппократ,
Что от лекарства шаг один до яда,
ПЕРЕборщишь – и обратится в яд!
Поэтому ты, текст преобразуя,
Стремись не забывать про денотат!
Ведь ПЕРЕдать другим доверено тебе
Тот клад, что автор из земли чужой
Добыл в нелёгкой разума борьбе.

А в корне ВОД- не только речь про воды,
Про реки быстрые из мыслей бурных вод,
Мы этот корень также можем
Дерзнуть прочесть наоборот.
И будет ДОВ. ДОВодим наше дело

Мы до победного конца,
Реципиента же ДОВерье
Мы не обманем никогда.

А суффикс -ЧИК? Скажу, пожалуй,
Что это – звукоподражанье.
ЧИК! – ручкой шариковой щёлкнул,
Работу начал. Текст пошёл.
ЧИК! – кликнул мышкой, открыл почту,
И доложил: «Заказ готов!»,
ЧИК! – и для опытом обмена
На форум записался вмиг…
Вот – за работу награжденье.
С дипломом ты стоишь на сцене,
Фотограф рядом кнопкой – ЧИК!
ЧИК – суффикс ласковый и нежный,
Натуры чуткой верный знак.
Ты ведь поэт в душе, наверно,
Уверен я, что это так…
В моих словах есть доля шутки,
Но доля правды тоже есть…
Чтоб мир в молчании не замер грустно,
Не стало в мире скучно жить и пусто,
Есть ПЕРЕВОД, ему – хвала и честь!

МАКАР ФЕДОТОВ

ЕСТЬ ВЕТРЫ, ЧТО ДРЕВНЕЕ ВСЕХ НАРЕЧИЙ…

Есть Ветры, что древнее всех наречий,
Их дуновенье – голос памяти давно забытых лиц.
Есть Ткач, что разрешает их противоречья,
Вплетая Ветры дальних стран в канву страниц.

Те Ветры есть дыханье одиноких дум,
Его метафора, и сила, и поэма…
Те Ветры – океанов мира мерный шум,
И голоса лугов, где он однажды не был.

Ткач по книгам предков изучает
Узоров дальних стран на ткани хоровод.
Заморского плетенья копию снимает,
Чтобы диковинную понял красоту иной народ.

Раздвинув словом грани мирозданий,
Рукою точной расплетает нить времён.
Свой обретает глас ожившее преданье,
Усталый караван сквозь бурю проведён.

Он переводит гладь озёр на струнах океанов,
И не благодаря, но вопреки всему
Он переводит сердца ритм на барабанах,
И даже отдыхая – *переводит дух.*

Чернил убористая вязь – вселенной партитура,
Портал экрана – новый артефакт.
Идёт отсчёт, бегут часы, стучит клавиатура,
И вечный Космос отвечает в такт.

Межсмыслий глубоки водовороты.
Решенье найдено – дороже всех наград,
Когда мелодия проникнет в ноты
Так чисто, словно не было преград.

И пусть его не позовут на высший пир,
Где за столом создатели миров возносят речи,
Его награды блеск – изящных слов ампир,
Ночами напролёт сгорают не напрасно свечи.

Текст – то за ночь сотканный ковёр,
Мерцают тонкой вязью мудрых голоса.
Шаман снимает маску, поднимая взор:
Взлетают птицы со страниц черновика.

Искания стезя не безнадежна –
Манит ледоколы глубина морей:
Лёд расколов, освободить надежду –
Простор мечты для новых кораблей.

Фрегаты смыслов обретают курс,
Идея – многомерный тессеракт.
Настойчиво и храбро бьётся пульс,
И знаки в темноте огнём горят.

Былого птиц узорчаты хвосты,
И сущего сомненья многогласны.
Он слышит вскрик разбившейся волны,
Искусство – обрести ответ и не сломаться.

Искусство – видеть свет, не отрицая тьмы.
Любовь – оттенки мысли разгадать.
Во льдах молчания недвижимой зимы
Весны грядущей вздох предугадать.

Исчезнуть, чтобы глас обрёл чужой сонет.
Не кукловод, не серый кардинал –
Обнявший мир, танцующий поэт.
Прекрасных слов альянс здесь правит бал.

В его тетрадях – толкованья сновидений.
Прибой невиданных морей на кончике пера,
И письмена ушедших в темноту явлений.
Для всех миров есть лишь один маяк – Луна.

Мыслей нить пересекает полотно,
С портретов мудрецы дают свои советы.
Нить шёлковая – рифмы волокно.
Так просто не узнать прядения секреты.

Вода и свет соединятся в отраженье…
Ткачи и ветры мир оберегают от комет.
Турбины тайны запускают устремленье –
Берёт разгон круговращение планет.

Грохочут поезда космических вокзалов,
Невидимы цветы, что в сердце расцветут.
Среди чужих наземных терминалов
Галактик дальних витражи в глазах живут.

Его рука – стрела, струна, спираль
И бой часов Цайтглокентурма.
Его душа – душа миров и тетива
В мишень ума нацеленного лука.

И бесконечны Время, зеркала и зиккураты,
Межзвёздная тропа и на воде круги…
Он силой Слова соберёт потерянных когда-то
Детей одной расколотой Земли.

Он не торговец на базаре слов,
За чистый шёлк не назначает цену.
Воссоздавать миры – есть высший из даров,
Свобода Истины не подлежит обмену.

Когда в чужом краю потерян Путь,
Когда в напутствие лишь слёзы на глазах,
Когда раздоры повергают в разночтенья Суть,
Невидимый Атлант удержит небо на своих плечах.

Наедине с собой душевной буре противостоя,
Пророк дождётся от небес ответ,
Как выстроить мосты за гранью бытия –
В уме навек учителей завет:

Копируй не чернил изгиб, но взмах руки,
Нанёсшей точки смысловых координат.
Не повторяй, но сердцем сотни раз переживи
Тот грохот тишины зеркальных анфилад.

Не оставляй имён, их корни на чужбине,
Ты будешь с каждым говорить на языке его души.
Уйди бесследно, растворившись в книге,
Останься Солнца отраженьем в облике Луны…

Пока он жив – шумит дыханье океанов,
Пока он слышит – нас поймут когда-нибудь,
Пока он видит – светят маяки в туманах,
Пока он пишет – путники домой находят путь.

Когда угаснет свет, словно и вовсе не был,
И разольётся древней цитры звук,
Он полетит в далёкие края, что пахнут небом,
Туда, куда великие из прошлого зовут.

Его бессмертие – во вздохе узнаванья
Своих раздумий в голосе другом.
Стирание границ, но с Идеалом расставанье,
Чтобы горел маяк на острове чужом.

Молчание, вдаль уходит взор.
Сквозь облака пронёсшейся кометы
В небе росчерк – яркий метеор
С собою унесёт важнейшие ответы.

Среди туманом скрытых островов
Он видит давний, странный сон:
Там венский сад, собрание поэтов –
Всех тех, кто был когда-то им переведён.

НОМИНАЦИЯ 2. ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРЕВОДА ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

I МЕСТО

МАРИНА КРАВЕЦ

***

Свободы жаждать – и любить оковы,
Ритм, рифмы, образ и метафоры хранить;
Своей иглой чужое полотно прошить,
Низать – как перл – на нить родное слово!

II МЕСТО

ИРИНА КОВАЛЁВА

***

Творческого гения свечение
Сквозь слои заморской тарабарщины.
Перевод есть самоотречение –
Добровольный род словесной барщины.

III МЕСТО

ЮЛИЯ МУСОРИНА

***

Миг вдохновенья, осмысленье,
Терзанье мысли и сомненья,
Отчаянье, страданье…озаренье –
И счастье от прекрасного творенья!

2. ПОЭТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАНТОВ КОНКУРСА

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

***

Конгениальность – редкостная птица,
Но страсть и труд осилят Эверест.

Ну, переводчик, как тебе летится
И как свистится среди чуждых мест?

ДАРЬЯ СКРИПНЯК

***

Как зеркало, всю прелесть языка
Он иностранными словами отражает.
Речь дипломата и обычное «пока» –
Всё перевод понять нам позволяет.

МИХАИЛ ФИНКЕЛЬ

***

Слово за словом, рифма за рифмой
Мира иного смысла и шифра,
Знаки – в значенья, словно живые
Пересеченья языковые.

ЛИЛИЯ КРАУС

***

Коль двуязычным багажом сполна
Забита знаний кладовая,
Ген переводчика, гимнастика ума
Сработают, шедевры создавая.

ЮРИЙ ЩЕРБАКОВ

***

Душа подхватить готова
Напев языка иного
Снова под щедрым кровом
Вечного русского слова!

ТАТЬЯНА ВОРОНЧЕНКО

***

Перевод – построенье мостов
Дружбы и понимания.
Устраняет барьер языков,
Нивелирует расстояния!

ЗАЛИНА АЛХАСТОВА

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод – изысканная доля,
Быть свободным – тягостная воля!
Покуда близок этот плен,
Душа не хочет перемен.

ВЯЧЕСЛАВ ВЬЮНОВ

***

Переводчик – он тот же поэт,
Только глубже и только сложнее.
Им, двойной, излучаемый свет,
Целомудреннее и нежнее.

СЕРГЕЙ МАСЛОВСКИЙ

***

Опять сижу, стишки перевожу,
И словно пчёлка, сам себе жужжу:
– Кому-то же сгодится этот «мёд»,
Пусть и на вкус «не очень» перевод.

ЕЛЕНА МИХАЛИНА

Поэтический перевод — это позволить гению автора
на время вселиться в тебя и заговорить твоим языком.

Вне конкурса

ОЛЬГА СТЕЛЬМАК

ВСЕМ ПЕРЕВОДЧИКАМ ХВАЛА!

Посв. Л. О. Гуревичу

Поэт – законодатель мод.
Провидец он и прорицатель,
А переводчик вслед идёт –
Его незримый почитатель.

Поэту памятник поставят,
Его прославят в поколеньях,
А переводчику оставят –
Увы, скорей всего, забвенье.

О сколько тайн в себе хранит
Его израненное сердце…
Но у кого душа болит,
Что в его блюде много перца?!

Да он и сам не объяснит,
Зачем он на алтарь искусства,
(Что так и тянет, как магнит!),
Сложил свои мечты и чувства.

Всем переводчикам – хвала!
И пусть горит в ночи свеча.
Вдруг с уст сорвётся похвала,
И кто-то вспомнит невзначай…

***

Перевод – это бурное море,
Где средь рифов и скал на просторе
Ищешь смыслы, ныряя в глубины,
Чтобы слово добыть из пучины.

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXXI МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2026 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

31 марта 2026 года подведены итоги XXXI межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России при участии и поддержке кафедры европейских языков и лингводидактики и кафедры китайского языка историко-филологического факультета ЗабГУ. В конкурсе приняли участие 92 переводчика с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Целью конкурса является выявление талантливой молодежи в области перевода художественной литературы с иностранных языков на русский и с русского языка на иностранные.

Задачи проведения конкурса:

1. Объединение переводчиков художественной литературы под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России.
2. Стимулирование молодежи к совершенствованию знаний в области иностранных языков и творческой деятельности. Усиление роли художественного перевода для достижения взаимопонимания между народами в контексте расширяющегося диалога культур.
3. Приобщение зарубежных читателей к забайкальской поэзии в переводе на иностранные языки.

Участниками конкурса стали молодые люди из различных регионов нашей страны и из-за рубежа. Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов, представляющих университеты из российских городов: Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва, Ставропольский государственный аграрный университет, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), Читинская государственная медицинская академия, Забайкальский государственный университет.

Кроме того, в конкурсе принимали активное участие учителя иностранных языков и учащиеся гимназий и общеобразовательных средних школ. Среди них в первую очередь следует назвать многопрофильную языковую гимназию № 4, многопрофильную гимназию № 12 (Чита); МБОУ СОШ № 14 (Саров, Нижегородская

область); городские общеобразовательные средние школы № 27, № 48 (Чита); МОУ СОШ п. Новопавловка (Забайкальский край).

Интерес к конкурсу проявили и многие представители работающей молодёжи и творческой интеллигенции.

Основные номинации:

1. Перевод поэтических текстов с английского, немецкого, китайского и французского языков.
2. Перевод забайкальской поэзии с русского на иностранные языки.

В соответствии с «Положением» о конкурсе жюри определило авторов лучших поэтических переводов с английского, немецкого и русского языков.

Переводы с английского языка

1. **Михалина Елена Анатольевна** – переводчик, ООО» Аналитические технологии» (Санкт-Петербург).
2. **Мусорина Юлия Александровна** – учитель английского языка МБОУ «СОШ № 27» (г. Чита).
3. **Журавчак Анатолий Иванович** – студент 3 курса факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королёва (Самара).

Переводы с немецкого языка

1. **Сараф Ольга Валентиновна** – преподаватель испанского языка (Барселона, Испания).
2. **Коржова Екатерина Максимовна** – работник музея истории психиатрии Читы и Забайкалья им. В. Х. Кандинского.

   Адрианов Роман Олегович – дизайнер (Калининград).
3. **Журавчак Анатолий Иванович** – студент 3 курса факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королёва (Самара).

   Краус Лилия Владимировна – пенсионер (г. Чита).

Переводы с русского языка Забайкальской поэзии

Головатый Геннадий Алексеевич (1940 – 2001)

Переводы с русского на английский язык

1. **Коржова Екатерина Максимовна** – работник музея истории психиатрии Читы и Забайкалья им. В. Х. Кандинского.

Жюри также отмечает адекватные по форме и содержанию переводы, которые выполнены на хорошем уровне: с английского – Екатерины Коржовой и Романа Адрианова; с французского Ольги Сараф и Романа Адрианова; с китайского Анастасии Клищ, Романа Адрианова и Романа Солошко.

Авторы лучших переводов награждены почётными грамотами, грамотами, остальные участники – сертификатами.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России поздравляет авторов лучших переводов и всех участников межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков 2026 года и желает им дальнейших успехов в постижении искусства художественного перевода.

Ольга Стельмак, председатель ЗабРО СПР

Переводы с английского языка

Hilaire Belloc (1870 – 1953)

The Garden Party

The rich arrived in pairs
And also in Rolls Royces
They talked of their affairs
In loud and strident voices.

The poor arrived in Fords
Whose features they resembled
And laughed to see so many lords
And ladies all assembled.

The people in between
Looked underdone and harassed
And out of place and mean
And horribly embarrassed.

Хилэр Беллок

Светский раут

Съезжались к вилле богачи,
С супругами, в роллс-ройсах,
И громко спорили в ночи
О биллях да инвойсах.

Со смехом те, кто победней,
Вылазили из фордов.
Их развлеченье поскромней:
Глазеть на дам и лордов.

Уже не «форд» – ещё не «ройс»?
Тебе заняться нечем.
Тех обогнал – тех не дорос...
Ну что за скучный вечер!

Перевод Елены Михалиной

Вечеринка в саду

В «Роллс-Ройсах» подъезжали
Кто толще и богаче
И сделок обсуждали
Провалы и удачи.

Кто победне́й – на «Фордах»,
На них самих похожих:
Смеялись, видя лордов,
И леди видя тоже.

А те, кто посерёдке,
Смотрелись удручённо:
Как жалкие сиротки,
Нелепо и смущённо.

Перевод Романа Адрианова

Hilaire Belloc (1870 – 1953)

Is There Any Reward?

Is there any reward?
I'm beginning to doubt it.
I am broken and bored,
Is there any reward
Reassure me, Good Lord,
And inform me about it.
Is there any reward?
I'm beginning to doubt it.

Воздаянье

Воздаянье придёт?
Мало веры мне в том,
И сомненье растёт.
Воздаянье придёт?
Что нас, Господи, ждёт?
Расскажи обо всём.
Воздаянье придёт?
Мало веры мне в том.

Перевод Романа Адрианова

Хилэр Беллок

Неужели воздастся?

Для чего это всё?
Начал я сомневаться.
Скучно, грустно житьё...
Для чего это всё?
Боже, сердце моё,
Научи не сдаваться!
Для чего это всё?
Неужели воздастся?

Перевод Елены Михалиной

Ждать награды ли мне?

Ждать награды ли мне?
Я уже не уверен.
Я блуждаю во тьме,
Ждать награды ли мне,
Бог мой, светоч в окне,
Укрепи меня в вере.
Ждать награды ли мне?
Я уже не уверен.

Перевод Анатолия Журавчака

А снизойдёт ли благодать?

А снизойдёт ли благодать?
Сомненья сердце мне терзают.
В душе моей тоски печать.
А снизойдёт ли благодать?
Господь, ты помоги понять
И дай мне знак, что так бывает.
А снизойдёт ли благодать?
Сомненья сердце мне терзают.

Перевод Юлии Мусориной

Robert Louis Stevenson (1850 – 1894) **Роберт Луис Стивенсон**

Bed In Summer **Сон летом**

In winter I get up at night
And dress by yellow candle-light.
In summer quite the other way,
I have to go to bed by day.

I have to go to bed and see
The birds still hopping on the tree,
Or hear the grown-up people's feet
Still going past me in the street.

And does it not seem hard to you,
When all the sky is clear and blue,
And I should like so much to play,
To have to go to bed by day?

Зимой встаю я в темноте
И одеваюсь при свече.
Не так всё летом у меня –
Иду я спать при свете дня.

Иду я спать, а за окном
Птиц голоса звучат кругом.
И бодрые шаги людей
За дверью слышатся моей.

Не странно ль, что наоборот,
Когда сияет небосвод
И хочется ещё гулять,
При свете дня я должен спать?

Перевод Юлии Мусориной

Летний режим

Зимою – в темноте вставай,
При свечке платье надевай,
А летом – что за канитель!
Средь бела дня – поди в постель.

И я лежу. Смотрю в окно.
А там нисколько не темно!
Поют на ветке воробьи,
Шуршат по гравию шаги...

А мне, по-вашему, не жаль?
Когда всё небо – синь и даль,
Когда бы только и играть,
Средь бела дня – идти в кровать!

Перевод Елены Михалиной

Fair Isle At Sea

FAIR Isle at Sea – thy lovely name
Soft in my ear like music came.
That sea I loved, and once or twice
I touched at isles of Paradise.

«Прекрасный» остров

«Прекрасный» остров. Что за имя!
Как песня моря, мной любима.
И я, случалось, приставал
К далёким райским островам...

Перевод Елены Михалиной

A Thought

It is very nice to think
The world is full of meat and drink,
With little children saying grace
In every Christian kind of place.

Мечта

Как же приятно помечтать,
Что в мире правит благодать.
Молитву дети бы творили,
И во Христе все люди жили.

Перевод Юлии Мусориной

Paul Laurence Dunbar
(1872 – 1906)

Day

The gray dawn on the mountain top
Is slow to pass away.
Still lays him by in sluggish dreams,
The golden God of day.

And then a light along the hills,
Your laughter silvery gay;
The Sun God wakes, a bluebird trills,
You come and it is day.

День

С собою серость гор заря
Уносит не спеша.
И в неге сладостной Бог дня.
Он спит, едва дыша.

Прекрасный остров в море

Остров Фэр-Айл – название-диво,
Как будто мелодия льётся красиво.
Любимое море – не раз здесь бывал
И в райское место всегда попадал.

Перевод Юлии Мусориной

Мечты

Я так мечтаю иногда,
Что есть у всех еда, вода,
И всюду за столом на свете
Христа-кормильца славят дети.

Перевод Елены Михалиной

Желание

Ах, пусть будет так всегда:
Пусть не настигнет вдруг нужда.
Детишек милых полный дом
Под взором любящим с икон.

Перевод Анатолия Журавчака

Пол Лоренс Данбар

День

Ещё поверх холмов лежит
Предутренний дымок.
С ленивой дрёмой не спешит
Проститься Солнца бог.

И вдруг – сияние средь туч,
Смех серебристый твой.
И птичья трель, и солнца луч,
И день – пришёл с тобой!

Перевод Елены Михалиной

День

Рассветные сумерки млеют в горах,
Уходят неторопливо.
И всё ещё нежится тихо во снах
Бог дня, пробуждаясь лениво.

Свет златом льётся по холмам,
А смех твой серебром;
И трелью птиц Бог-Солнце встал,
И день приходит в дом.

Перевод Анатолия Журавчака

Night

Silence, and whirling worlds afar
Through all encircling skies.
What floods come o'er the spirit's bar,
What wondrous thoughts arise.

The earth, a mantle falls away,
And, winged, we leave the sod;
Where shines in its eternal sway
The majesty of God.

Ночь

Тишь и вращенье дальних сфер
Пронзает небеса.
Перетекают за барьер
Не мысли – чудеса!

Спадает мантия с земли;
Взмываем средь планет,
Где в вечных вотчинах разлит
Господней славы свет.

Перевод Романа Адрианова

И вот уж сияет вдали горизонт –
Твой смех серебром разливается.
Бог Солнца встаёт, птичка песню поёт –
Ты идёшь, и мой день начинается.

Перевод Юлии Мусориной

Ночь

Безмолвны дальние миры,
Огромны небеса.
Какие полнят дух дары!
Не мысли – чудеса!

Оставим землю. Воспарим
В сверкающий чертог,
Где вечный танец свой творит
Во всём величии Бог.

Перевод Елены Михалиной

Ночь

Ни звука, лишь вращенье сфер
Вверху со всех сторон.
Нам омывает душу свет
И мыслей чудных сонм.

И сбросит вмиг земля покров,
А мы, оставив плоть,
Туда, где правит царь миров –
Сияющий Господь.

Перевод Анатолия Журавчака

Ночь

Вдали от суетного мира,
В тиши плывущих облаков,
С глубин души восходят лирой
Потоки мыслей, чувств и слов.

Земля откидывает полог,
Нас небо вдаль зовёт
Туда, где ярок свет и долог,
Где наш Господь живёт.

Перевод Юлии Мусориной

Переводы с немецкого языка

Georg Ludwig Weerth (1822 – 1856)

Es kam der Herbst gegangen

III

Es kam der Herbst gegangen,
Da schwand der Wälder Pracht;
Die letzten Lieder sangen
Zwei kleine Vögel über Nacht.
Die ziehn mit stillem Leiden
Nun immer morgenwärts;
Denn hart ist alles Scheiden –
Auch für ein kleines Vogelherz.

Георг Людвиг Верт

Осенняя песнь

III

Лесов осенних роскошь
Падёт тихонько ниц.
О ночи грустный возглас
Двух незаметных птиц.
Ночь тянется страданьем
До самого утра.
Терзает расставанье
Их малые сердца.

Перевод Ольги Сараф

Вновь осень пришла, в самом деле . . .

Вновь осень пришла, в самом деле! –
Здесь роскошь лесов растворится;
И песни последние спели
За ночку две малые птицы.
Страдая безмолвно и свято,
К востоку им велено взвиться,
И, словно тисками зажато,
Вновь птичье сердечко томится.

Перевод Екатерины Коржовой

Christian Johann Heirich Heine
(1797 – 1856)

Wenn zwei voneinander scheiden

Wenn zwei voneinander scheiden,
So geben sie sich die Händ,
Und fangen an zu weinen,
Und seufzen ohne End.
Wir haben nicht geweinet,
Wir seufzten nicht weh und Ach!
Die Tränen und die Seufzer,
Die kamen hintennach.

Когда расстаются двое

Когда расстаются двое,
Им мало сплетённых рук.
Их слёзы текут рекою,
Их вздохи терзают слух.
У нас было всё иначе
Тогда. Но теперь, увы,
Вздыхаем, как все, и плачем
Вдогонку «другие» мы.

Перевод Ольги Сараф

Clemens Brentano (1778 – 1832)

Hör’, es klagt die Flöte wieder…

Fabiola
Hör’, es klagt die Flöte wieder,
Und die kühlen Brunnen rauschen.

Piast
Golden wehn die Töne nieder,
Stille, stille, laß uns lauschen!

Fabiola
Holdes Bitten, mild Verlangen,
Wie es süß zum Herzen spricht!

Piast
Durch die Nacht, die mich umfangen,
Blickt zu mir der Töne Licht.

Слушай, вновь рыдает флейта...

Фабиола
Слушай, вновь рыдает флейта,
Льёт фонтан прохладу в уши.

Пяст
Звон златой летит к нам чей-то;
Тише! тише! будем слушать!

Фабиола
Нежной болью, грустью ясной
Сердце сладостно стучит!

Пяст
Свет мелодии прекрасной
Озарил меня в ночи.

Перевод Романа Адрианова

Клеменс Брентано

Слушай, флейта плачет снова

Фабиола
Слушай, флейта плачет снова
Шепчут хладные фонтаны.

Пяст
Тише, тише, нот медовых
Океаны, океаны.

Фабиола
Сердце внемлет нежной грусти.
Дышит сладкою мольбой.

Пяст
Свет от музыки пропустит
Ночь, чтоб он парил со мной.

Перевод Ольги Сараф

Слышишь, плачет флейта рядом...

Фабиола
Слышишь, плачет флейта рядом,
И журчит родник прохладный.

Пяст
Отливают звуки златом,
Вместе слушать их так славно!

Фабиола
Нежность просьбы, вздох желаний
Сердцу сладкий шлют привет!

Пяст
Даже средь ночных скитаний
Вижу музыки я свет.

Перевод Анатолия Журавчака

Johann Wolfgang von Goethe (1749 – 1832)

An die Entfernte

So hab ich wirklich dich verloren?
Bist du, o Schöne, mir entfloh’n?

К Далёкой

Ужель прекрасная сбежала?
Ужель тебя не встречу вновь?

Noch klingt in den gewohnten Ohren
Ein jedes Wort, ein jeder Ton.

So wie des Wandrers Blick am Morgen
Vergebens in die Lüfte dringt,
Wenn, in dem blauen Raum verborgen,
Hoch über ihm die Lerche singt:

So dringet ängstlich hin und wider
Durch Feld und Busch und Wald mein Blick.
Dich rufen alle meine Lieder;
O komm', Geliebte, mir zurück!

И всё ж из сердца не пропало
Ни звука сказанных мне слов.

Как путник к небу запрокинет
Главу (но тщетно ищет он),
Когда в пустынной слышит сини
Незримых жаворонков звон, –

Так взор тревожный мой пронзает
Страну полей, лесов, камней.
И каждой песнею взываю:
Вернись, любимая, ко мне!

Перевод Романа Адрианова

Моей Далёкой посвящаю…

Ужель я потерял тебя навечно –
И ты, моя краса, сбежала прочь?
В ушах звенят привычно и беспечно
Слова и интонации точь-в-точь.

Как странник своим взором утром рано
Вновь тщетно что-то ищет где-то вне –
В лазоревом пространстве неустанно
Так жаворонок плачет в вышине.

Исканья боязливы, одиноки:
Я в поле, в куст и лес впиваю взгляд.
К тебе одной взывают мои строки:
Вернись, моя любимая, назад!

Перевод Екатерины Коржовой

Переводы с французского языка

Guillaume Apollinaire (1880 – 1918)

La Carpe

Dans nos viviers, dans nos étangs,
Carpes, que vous vivez longtemps!
Est-ce que la mort vous oublie,
Poissons de la mélancolie?

Гийом Аполлинер

Карп

В водоёмах наших и прудах
Ходят долго карпы в стариках.
Даже смерть обходит стороной
Этих рыб с извечною хандрой.

Перевод Ольги Сараф

Карп

У нас в прудах, влача свой скарб,
Живёшь ты долго, братец-карп!
Ужели столь уныл твой быт,
Что ты и смертью позабыт?

Перевод Романа Адрианова

Переводы с китайского языка

朱自清（1898 – 1948）

灯光

那泱泱的黑暗中熠耀着的
一颗黄黄的灯光呵，
我将由你的熠耀里，
凝视她明媚的双眼。

Чжу Цзыцин

Свет лампы

В той мрачной темноте безбрежной
Трепещет лампы жёлтый свет.
Сквозь яркого огня мерцанье
Увижу ясных глаз ответ.

Перевод Романа Солошко

灯光 Свет лампы

В безграничной тьме мерцает
Лампы жёлтый огонёк.
Я любимых глаз сиянье
Разглядеть в том свете смог.

Перевод Анастасии Клищ

刘大白（1880 – 1932）

秋江的**晚**上

归巢的鸟儿，
尽管是倦了，
还驮着斜阳回去。
双翅一翻，
把斜阳掉在江上；
头白的芦苇，
也妆成一瞬的红颜了。

Лю Дабай

Осенний вечер на реке

Птицы – к гнёздам,
Хотя и устали,
С солнцем вечерним на спинах летят.

Взмахнут крылами –
И падает в реку закат;
Седой тростник –
И тот на миг примерит алый наряд.

Перевод Анастасии Клищ

康白情（1896 – 1945）

和平的春里

遍江北底野色都绿了。
柳也绿了。
麦子也绿了。
水也绿了。
鸭尾巴也绿了。
茅屋盖上也绿了。
穷人底饿眼儿也绿了。
和平的春里远燃着几野火。

Кан Байцин

Весною тихой

Поля у речки зелены́.
Ракиты зелены́.
Колосья зелены́.
И воды зелены́.
Хвосты у уток зелены́.
Соломенные крыши зелены́.
Глаза голодных бедняков – те тоже зелены́.
Весною тихой дым костров клубится над землёй.

Перевод Романа Адрианова

Забайкальская поэзия

Головатый Геннадий Алексеевич (1940 – 2001)

Геннадий Алексеевич Головатый родился в 1940 году в посёлке Аксёново-Зиловское Чернышевского района Читинской области. Мальчику было около пяти лет, когда его настигла тяжёлая болезнь, которая на всю жизнь сделала его инвалидом.

В 1963 году замечательный забайкальский поэт Геннадий Головатый стал победителем поэтического конкурса «Наш современник», который проводила газета «Комсомольская правда». Стихотворение «Могут» стало широко известно многомиллионному читателю Советского Союза и прославило имя его автора.

В 1965 году Головатый переезжает в Читу и работает литконсультантом в газетах «Комсомолец Забайкалья» и «Забайкальский рабочий». Он много публикуется в таких журналах, как «Нева», «Пионер», «Смена», «Сибирские огни», «Дальний Восток». Несмотря на проблемы со здоровьем, Геннадий Головатый много путешествовал по стране. Он жил в Крыму (Симферополь, Керчь), Орле, Москве. Поэт вернулся на родину в 1999 году. Он активно занимался общественной деятельностью, боролся за права инвалидов.

Переводы с русского языка на английский

СГОРАЯ И ДАРЯ

Юности безоблачное небо,
золотая звонкая заря.
Наступленье дня, в котором не был,
и в который входишь ты не зря.

Входишь ты – безудержный и щедрый –
открывать, бороться и любить.
И души сияющие недра –
как источник счастья отворять.

Входишь ты с одним стремленьем: как бы
светом стать, сгорая и даря…

YOU GIVE YOUR LIGHT AND BURN AWAY

Welkin of the youth is ever cloudless!
Dawn is always cheerful and gold!
Day, unknown before, is ever doubtless:
Day is not in vain for you to mold.

Violent and generous in dreaming,
Worshipping, discovering and fight,
Entrails of your soul are ever beaming:
Opening like source of blissful light.

Life is solely able to inspire:
Thus, you give your light and burn away…

Юности возвышенное небо,
нежности высокая заря!

ОТЧЕГО?

Отчего мне ночами не спится?
Всё мечтаю о розовом дне.
И всё кажется мне: где-то мчится
Всадник Ночи на Синем Коне.

И безмерною степью дорога
улетает в безвестную даль…
И что нету ни чёрта, ни Бога
до тоски, атеисту, мне жаль!

***

Какое чудо бытия:
неповторимы навсегда –
ольховый лист, в реке вода,
твои слова и песнь моя!

Неповторимы облака…
Пройдут хоть миллиарды лет,
а полевых цветов букет
не повторить в твоих руках.

И зов твоих тревожных глаз,
и этот – слышишь? – дятла стук,
и эта капля с неба вдруг,
и лес – такой, как он сейчас, –

неповторимо! Н и к о г д а!
Как дар я каждый миг ловлю,
И потому тебя люблю,
Что ты – со мной не навсегда.

Какое чудо бытия!

ЛЮБЛЮ

Люблю страну мою Россию
Не за берёзы и снега –
За ту, немеркнущую силу,
С которой бьёт она врага.

Люблю страну мою Россию
не за парадное «ура» –

Welkin of the youth is ever higher,
Tender is the dawn of every day!

WHEREFORE?

Why, oh why can I not rest in sleeping?
Of the roseate day's every verse.
And it seems that like lightning is whipping
Night's Equestrian his Dark-Blue Horse.

Road in steppe, being boundless and spacious,
flies away down obscure far cliff…
And that lives neither fiend, nor God Gracious
I, the atheist, pity to grief!

***

How wondrous is the being's shine!
We cannot evermore rehearse
The alder's leaf, the river's course,
Your tender words and chant of mine.

We can't repeat the clouds on sky…
Though time incessantly expands –
But those wildflowers in your hands
You can't repeat – and never try!

And call of your alarming eyes,
And this woodpecker's measured knock,
And blobs that fall from sky in flock,
And woods, like now, so calm and wise, –

We can't repeat it! N e v e r m o r e!
I'm taking gift that days bestow,
And therefore I love you so,
'Cause you one day will leave my door.

How wondrous is the being's shine!

I LOVE

I love my Russia – that's sincere:
But nor for birches nor for snows –
Because She's never out of gear
The while She's beating all her foes;

I love my Russia – that's sincere:
Not for "Hurrah!" on the parades –

За то, что сердцем не спесива,
И безоглядна, и щедра.

Люблю страну мою Россию
не за тоску её, печаль –
за то, что тесно русской силе,
за то, что рвётся вечно в даль.

И, наконец, люблю Россию
за то, что я родился в ней,
что защищала и растила,
что с ней я всех врагов сильней.

Я ей хочу сказать спасибо
не за леса, где тишина, –
за то, что в мире ты одна,
вовек люблю тебя, Россия!

She looks without the haughty leer,
And She's so ardent when She aids!

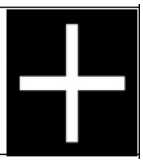
I love my Russia – that's sincere:
But nor for sadness nor for grief –
The space is tight for strength: it's clear,
Her strength is rushing for relief!

At last, my love is so sincere
For just in Russia I was bred:
Defended, cherished far from fear,
With Her my strength is overspread;

With hearty thankfulness I cheer:
Because of not the peaceful woods –
You are unique in all my moods,
For good my love's for You sincere!

Перевод на английский Екатерины Коржовой

ПРИЛОЖЕНИЕ



Литературно-художественный журнал «Переводчик» /Статистика/

За 2001 – 2026 гг. опубликованы переводы с 42 иностранных и национальных языков России, а также с русского языка на иностранные

1. **А**базинский язык
2. **А**бхазский язык
3. **А**лтайский язык
4. **А**нглийский язык
5. **А**рмянский язык
6. **Б**елорусский язык
7. **Б**олгарский язык
8. **Б**урятский язык
9. **В**енгерский язык
10. **В**ьетнамский язык
11. **Г**алисийский язык
12. **Г**рузинский язык
13. **Д**атский язык
14. **И**вритский язык
15. **И**ндонезийский язык
16. **И**нгерманландский язык
17. **И**сландский язык
18. **И**тальянский язык
19. **И**спанский язык
20. **К**аталанский язык
21. **К**итайский язык
22. **К**орейский язык
23. **Л**атинский язык
24. **М**акедонский язык
25. **М**альтийский язык
26. **М**онгольский язык
27. **Н**емецкий язык
28. **Н**орвежский язык
29. **П**ольский язык
30. **П**ортугальский язык
31. **Р**усинский язык
32. **Р**усский язык
33. **С**анскрит
34. **С**ербский язык
35. **С**ловацкий язык
36. **Т**атарский язык
37. **Т**увинский язык
38. **Ф**арерский язык
39. **Ф**ранцузский язык
40. **Х**орватский язык
41. **Я**кутский язык
42. **Я**понский язык

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)
Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка историко-филологического факультета ГПИ Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.), действительный член Союза переводчиков России. Сотрудничает с журналом «Переводчик».
E-mail: annbuldigerova@mail.ru

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)
Окончил с отличием факультет иностранных языков (китайско-английское отделение) Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук (аспирантура Института языкознания РАН, диссертация «Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе», 2012, специальность 10.02.22). Переводчик, член Национальной лиги переводчиков. Как устный последовательный (с 1997 г.) и синхронный переводчик (с 2006 г.) с/на китайский язык работал на более 650 различных мероприятиях, в том числе в рамках ШОС, БРИКС и Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. Работает научным сотрудником Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН. Автор и соавтор более 10 учебных пособий, словарей и справочников по китайскому языку, в том числе, инновационных лингвокультурологического словаря-справочника «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи» и самоучителя «Китайский на ладони». Персональный сайт: www.vokitai.ru **E-mail: voropaev@vokitai.ru**

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)
Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского языка. Составитель «Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка», «Исторического словаря галлицизмов русского языка». Опубликованы: хронологический словник «Французские ткани и их цвет», «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского). Вышли в свет «Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, причёски», «Исторический словарь французской моды в России» в 3-х т., переводы с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви», Дрё дю Радье «Словарь любви», Панаит Истрати «Советский Союз без маски», сборник статей и переводов «Всё вечные французы» (2023). **E-mail: epishkinni@mail.ru**

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)
Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагоги-

ческого университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». Работает в музее истории психиатрии Читы и Забайкалья им. В. Х. Кандинского. **E-mail: yek.korzhova@yandex.ru**

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)
Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук. Литературовед. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С», «60 кг солнечного света», «Автор Исландии»; Ауртни Бергманн «Торвальд Странник», антология «Пять исландских пьес» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии «Классика фарерской поэзии», «Антология современной исландской поэзии»; подборки стихов и малой прозы исландских и фарерских авторов. Автор восьми сборников стихов. Автор публикаций на исландском и фарерском языках в журналах «Tímarit Máls og menningu», «Stína» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного поэтического конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). Дипломант открытого международного поэтического конкурса памяти основателя СПР Л. О. Гуревича (2026). **E-mail: dimentionen@yahoo.dk**

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)
Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является автором разделов «Лексикография» и «Земля Даурская» в журнале «Переводчик». Составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны. **E-mail**: **nina_markova@mail.ru**

ОСИПОВ ДАНИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ (Чита)
Студент 4 курса китайского отделения (направление «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение») историко-филологического факультета ГПИ Забайкальского государственного университета. **E-mail: osip730malovsk@gmail.com**

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНОРА ЛЕОНИДОВНА (Москва)
Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Почётный член гамсуновского общества. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмуена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (газета “Aftenposten”, журналы “Prosa”, “Forfatteren”,

“Nordlit”) и др. Составитель и автор сборника о судьбах коренных народов ленинградской области «Ингрия – наша родина…», 2020. Автор книги «Мой отец Леонид Павлович Панкратов» (частная жизнь – мгновения истории), 2025. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии. **E-mail: noralauri@yahoo.com**

ПАНЬКИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Москва)
С отличием окончила филфак МГУ им. М. В. Ломоносова. Поэт-переводчик. Опубликовано около ста книг переводов, в основном со славянских языков. С 2010 года председатель РОО «Македонский культурный центр». Автор поэтических сборников: «Предзимье», «Параллельные миры», «Плеск». Член Союза писателей Македонии, Союза литературных переводчиков Македонии, член Московской городской организации Союза писателей России. Лауреат II Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» (2010), имеет награды за перевод: им. Чехова (2011), медаль Грибоедова (2012), Золотой диплом IX Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2018) – Россия; «Золотое перо» (2010), премия им. Глигора Прличева (2011), медаль Македонской академии наук и искусств «Блаже Конеский» (2012), «Гоцева мысль» и награда за успехи в художественном творчестве «Арт Феникс» (2014), «Почётное Рациново признание» Союза писателей Македонии (2015), «Звёздный македониум» Фестиваля искусств города Скопье (2016), государственная награда Медаль за заслуги перед Македонией (2019) – Македония. В 2020 году стала лауреатом литературной премии «Югра» в номинации «Лучший переводчик». В 2021 получила «Золотой витязь» – высшую награду Международного форума славянских культур. Из последних наград – премия «Ясная поляна» и государственная награда – медаль Пушкина.
E-mail: olga_pankina@hotmail.com

ПЕРЕЯСЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)
Окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького (семинар критики). Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных поэтов; член Приёмной комиссии Союза писателей России, председатель Совета по художественному переводу. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы, членом Правления СП России. Участник выездного пленума Союза писателей России в Чечне, конгресса народов России в Якутске, Первой Международной поэтической конференции в Каире и дней литературы в Пхеньяне. Автор свыше 50 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран. Член редсоветов журналов «Донбасс» (Донецк), «Бийский вестник» (Бийск) и других изданий. **E-mail: nik-mar@rambler.ru**

ПОПОВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (Нью-Йорк, США)
Окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Рериховед, историк мистических религиозно-философских течений, исследователь культуры североамериканских индейцев, писатель, редактор, издатель, музейный работник, библиограф, литературный переводчик. Один из создателей и главный редактор Издательства «Сфера» (1993–2006). Старший научный сотрудник Отдела наследия Рерихов в Государственном музее Востока (2003–2014). Инициатор создания мемориальной библиотеки им. М. А. Волошина г. Москвы (бывшая библиотека

№ 27 ЦАО) и в последствии её директор (2009–2013). Совместно с проф. А. В. Ващенко, организатор и сопредседатель Историко-культурного центра «Индейцы Северной Америки» и Исследовательско-просветительского семинара «Гайавата» при нём (1999–2014). С 2014 г. – главный хранитель Музея Николая Рериха (Нью-Йорк). Автор и составитель нескольких монографий, сборников и каталогов, а также более пятидесяти исследовательских и научно-популярных статей (Россия, США, Финляндия) и докладов, в том числе в Музее Востока (Москва), Музее-институте семьи Рерихов (Санкт-Петербург), Институте этнологии и антропологии РАН (Москва) и на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. .Ломоносова (Москва). Дипломант открытого международного поэтического конкурса памяти основателя СПР Л. О. Гуревича (2026). **E-mail:** **medicine_stone@icloud.com**

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)
Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и литературным редактором журнала «ЧИП – детям», была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает шеф-редатором альманаха «Истоки». Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. изданы книги стихов «Утренний поезд», «Московские сны», «Фамильные драгоценности», детская книга «Детективное бюро мистера Спича», пять детских фэнтези и больше ста познавательных статей. Опубликованы переводы сказочной повести У. М. Теккерея «Кольцороза» и сказок О. Уайльда. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013), «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail:** **detschoolakad@mail.ru**

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)
Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент. С 1995 по 2010 гг. работала деканом факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. С 2000 по 2021 годы была директором университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Поэт-переводчик, почётный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор журнала «Переводчик». Опубликованы книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду…». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень …» (2000), «Волшебный мир любимых грёз» (2003), «Мой зачарованный мираж…» (2006); «Сладкой грусти наслажденье…» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», «Сборник стихов», «Любовная лирика». **E-mail:** **ovstelmak@mail.ru**

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА
(г. Бенавенте, Португалия)
Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, имеет около 70 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор шести поэтических сборников, литературоведческих статей. Член Союза российских писателей. Автор альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света», № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии с 2003 года. Выступала с докладами на научных конференциях в университетах, подтвердила учёную степень. Опубликовала ряд эссе и научных статей о творчестве португальских поэтов («Новый мир»; «Иностранная литература», «Prosodia», «Новый филологический вестник», «Известия Уральского федерального университета», «Верхневолжский филологический вестник»). В её переводе вышли книги: А. Нобре «Мельник ностальгии», антология португальской поэзии XV–XX веков «Лузитанская душа», Ф. Пессоа: «Книга непокоя» (2016 г.), «Поэзия: Оды Рикарду Рейша», «Рубайят» (2020), «Poesia. Первая антология Фернандо Пессоа (Лиссабон, Португалия, 2022 г.). Сезариу Верде «Поэзия» (2022), «Клепсидра» Камилу Песаньи (2024), современных авторов Ф. Кабриты «Книга о доме» (2021), Н. Матуша «Я и ты – спутники в этой жизни» (2023). Дипломант открытого международного поэтического конкурса памяти основателя СПР Л. О. Гуревича (2026).
E-mail: irenerussian@gmail.com

ЩЕРБАКОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (Астрахань)
Окончил Астраханский технический институт рыбной промышленности. Работал судовым механиком на Дальнем Востоке и Каспии, журналистом в газетах и на радио. Член Союза писателей СССР с 1989 года. Председатель Астраханского регионального отделения Союза писателей России. Автор многих книг стихов, переводов, публицистики, прозы. Победитель Национальной литературной премии России «Слово», лауреат международных конкурсов переводов тюркоязычной поэзии «Ак торна» и имени Э. Капиева «Резьба по камню», общероссийских литературных премий «Литературной газеты» имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству», имени Александра Невского «России верные сыны», Бунинской, «Традиция», имени Курмангазы Сагырбаева, Славянского литературного Форума «Золотой витязь», «Словес связующая нить», имени А. К. Толстого, международного фонда Михаила Сеспеля. Дипломант открытого международного поэтического конкурса памяти основателя СПР Л. О. Гуревича (2026). **E-mail: sherbsouz@mail.ru**

ЭМИРЗИАДИ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА (Чита)
Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Работает специалистом Департамента международной деятельности Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России, автор, переводчик и редактор раздела «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Опубликованы переводы с французского языка писем жён декабристов и глав из романа Ирэн Фрэн «Я последую за тобой в Сибирь…». Редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика» Виктора Балабанова. **E-mail: intdep@mail.ru**

Литературно-художественное издание

Переводчик

Выпуск 26

Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства

Главный редактор О. В. Стельмак

Контактный телефон 8(3022) 21-87-30
e-mail: ovstelmak@mail.ru

Подписано в печать 28.05.2026.
Формат 60x84/16. Бумага ксерографическая.
Гарнитура Times New Roman. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 10,6. Заказ № 26013.
Печать по требованию.

ВГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30